

Мелисса де ла **Круз**

My Sweet Angel
**Обманутый
ангел**

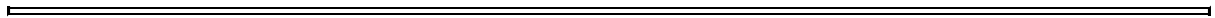
Annotation

Вампир-полукровка Шайлер ван Ален со своим возлюбленным Джеком Форсом отправляются во Флоренцию. Именно там, как следует из документов, хранящихся в семейном архиве ван Аленов, должен отыскаться привратник последних из семи врат, преграждающих путь злу в этот мир. Поездка предстоит не из легких. Мими Форс, суженая Джека, брошенная им ради Шайлер, посылает им вдогонку преследователей, чтобы отомстить за измену. Мало того, все вампирское сообщество потрясено недобрыми новостями — вампиров начинают похищать и сжигать живьем, выкладывая ролики этих казней в Интернете. И это вызывает особенную тревогу...

- [Мелисса де ла Круз](#)
 -
 -
 - [ИЗ ДНЕВНИКА ЛОУРЕНСА ВАН АЛЕНА](#)
 - [ОХОТА](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦИТАДЕЛИ](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА 14](#)

- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ПОДМЕНЫ!!!](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [КАРДИНАЛ](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГОСПОЖА](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ГЛАВА 43](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

◦ 5

Мелисса де ла Круз

Обманутый ангел

OCR: Margosha1011; Spellcheck: LOVE-L

Мелисса де ла Круз «Обманутый ангел»: Эксмо, Домино;
Москва, Санкт-Петербург, 2011

Оригинальное название: MelissadelaCruz«Misguidedangel», 2010

ISBN: 978-5-699-52242-2

Перевод: О. Степашкина

Посвящается моему папе,

Альберто Б. де ла Крузу (07.11.1949-25.10.2009), который считал посвящения и благодарности лучшей частью моих книг, потому что всегда в них присутствовал

Обманутый ангел пребывает со мной,
Сердце как у Гавриила, чистое и белое, подобно
слоновой кости,
Душа как у Люцифера, черная и холодная,
словно свинец.
Обманутый ангел, я буду любить тебя до самой
смерти.

«Ковбой Джанкис» [II](#). Обманутый ангел

Все изменяется, ничто не исчезает.

Овидий

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОУРЕНСА ВАН АЛЕНА

Нас было семеро — тех, кто стоял у истоков Ордена. Был созван Совет, чтобы избрать способы борьбы с угрозой, которую представляли для нас пути мертвых. Кроме меня на собрании присутствовали кузен императора Гемелл, слабовольный человек, девы-весталки Октилла и Альциона, генерал Александр, военачальник императорской армии, сенатор Пантелум и целитель Онбасий.

В ходе своих продолжительных исследований я установил, что Альциона, скорее всего, была привратницей врат обетования, третьих известных врат преисподней. Я пришел к выводу, что эти врата играют важную роль в раскрытии истины о наших якобы побежденных врагах. Именно на этих вратах, важнейших из всех, нам необходимо сосредоточить свои усилия.

Насколько я могу предполагать, Альциона обосновалась во Флоренции, и я уверен, что ее последним зарегистрированным воплощением была Екатерина Сиенская, известная итальянская религиозная деятельница, женщина-мистик, «родившаяся» в 1347 году. Однако же не имеется никаких данных о присутствии в этом городе какой-либо выдающейся женщины после «смерти Екатерины». Похоже, что она не имела наследников своего имени и ее генеалогическая линия просто угасла после окончания правления Джованни де Медичи в 1429 году.

Флоренция начиная с пятнадцатого столетия являлась центром набирающего силу ордена петрувианцев, основанного честолюбивым священником Бенедиктом Линарди. Петрувианскими школами и монастырями ныне руководит отец Роберто Бальдессаре. Надо написать отцу Бальдессаре и завтра же выехать во Флоренцию.

ОХОТА

Флоренция, 1452 год

Звук шагов по булыжной мостовой эхом разносился по пустым улицам города. Томазия шла в ногу с остальными, но в своих лайковых туфельках ступала почти беззвучно по сравнению с тяжело топочущим Андреасом и даже с более легко идущим Джованни. Они двигались гуськом, плотной группой, привычные к подобной дисциплине, умеющие сливаться с темнотой. Добравшись до середины площади, они разделились.

Томи взлетела на ближайший угловой камень и уселась на карнизе, глядя на панораму города: на недостроенный купол базилики, на понте Веккьо и дальше, за реку. Она почувствовала, что существо где-то неподалеку, и приготовилась нанести удар. Их добыча до сих пор не знала о преследователях, а ее удар будет стремительным и незримым; всякий след Серебряной крови будет истреблен и уничтожен, почти как если бы тварь, замаскировавшаяся под дворцового стражника, никогда не существовала. Даже последний вздох существа должен быть беззвучным. Томазия оставалась на месте, ожидая, пока тварь подойдет к ней, прямоком в устроенную ими ловушку.

Она услышала едва слышное ворчание Дре, а потом, следом, движение Джио, уже извлекшего меч из ножен, — они последовали за вампиром в переулок.

Вот ее шанс. Она стремительно спустилась с наблюдательного поста, держа кинжал в зубах.

Но когда она приземлилась, твари нигде не было.

— Где?.. — спросила Томазия, но Джио приложил палец к губам и жестом указал на узенькую улочку.

Томи приподняла бровь. Это было необычно. Серебряная кровь остановился, чтобы переговорить с каким-то незнакомцем в плаще с надвинутым капюшоном. Странно. Кроатан презируют Красную кровь и предпочитают не иметь с ними дела — разве что иногда помучить забавы ради.

— Может, мы?.. — предложила она, шагнув в сторону переулка.

— Подожди, — приказал Андреас.

Ему было девятнадцать, и он был высоким и широкоплечим, с развитой мускулатурой и свирепым лбом — красивым и безжалостным. Он был их вожаком, как и всегда. Рядом с ним Джио смотрелся хрупким и почти неземным, и его красоту не могли ни испортить, ни скрыть клочковатая борода и длинные неухоженные волосы. Он не снимал руки с оружия, напряженный, готовый к прыжку.

Томи тоже держалась наготове, поглаживая острие кинжала. С ним она чувствовала себя увереннее.

— Давайте посмотрим, что будет дальше, — решил Джио.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ШАЙЛЕР ВАН АЛЕН И ВРАТА
ОБЕТОВАНИЯ

Побережье Италии

День нынешний

ГЛАВА 1

ЧИНКВЕ-ТЕРРЕ

Шайлер ван Ален быстро поднялась по начищенной латунной винтовой лестнице на верхнюю палубу и отыскала взглядом Джека Форса. Он стоял на носу яхты. Девушка кивнула ему, прикрывая глаза ладонью от жаркого средиземноморского солнца.

«Готово».

«Отлично», — передал он и, отойдя, бросил якорь.

Джек был загорелым и растрепанным, кожа его приобрела орехово-коричневый оттенок, а волосы выгорели до льняной белизны. Темные волосы Шайлер тоже сделались спутанными и непослушными после месяца жизни на соленом морском воздухе. На девушке была старая рубашка Джека, некогда белая и новая, а теперь серая и обтрепанная по подолу. Оба они держались с непринужденной расслабленностью отдыхающих, ленивых бездельников, но за этой маской скрывалось с недавнее их отчаяние. Месяца было вполне достаточно. Пора действовать. Они начнут сегодня.

Мускулы на руке Джека напряглись — он подергал за канат, проверяя, зацепился ли якорь за дно. Увы. Якорь приподнялся. Джек отпустил канат еще на несколько футов. Юноша поднял палец над правым плечом, показывая Шайлер, чтобы она переключила на задний ход мотор по левому борту. Потом он еще немного отпустил канат и дернул снова; толстая белая оплетка натирала ладонь.

По опыту летнего отдыха в Нантакете, когда ей доводилось ходить на яхтах, Шайлер знала, что обычному человеку пришлось бы воспользоваться мотором, чтобы переставить семисотфунтовый якорь. Но конечно же, Джек не был обычным человеком. Он потянул сильнее, почти что изо всех сил, и восьмитонная яхта графини, казалось, на мгновение изогнулась. На этот раз якорь зацепился за каменистое дно. Шайлер отошла от руля, чтобы помочь Джеку обмотать канат вокруг основания лебедки. На протяжении этого месяца они находили тихую радость в подобных мелких задачах. Они давали им занятие на тот срок, пока Джек с Шайлер обдумывали бегство.

Хотя Изабелла Орлеанская ныне радушно дала им приют в своем доме, некогда, в иной жизни, она была возлюбленной Люцифера, Друзиллой, сестрой-женой императора Калигулы. Да, действительно, графиня отнеслась к ним более чем благожелательно: она предоставила беглецам все мыслимые удобства — в частности, яхту с экипажем и всеми необходимыми припасами. Однако же с каждым днем становилось все яснее, что предложенная графиней защита превратилась из убежища в тюремное заключение. Они были столь же далеки от того, чтобы отыскать врата обетования, как если бы вовсе не покидали Нью-Йорка.

Графиня предоставила им все, кроме того, в чем они нуждались больше всего, — свободы. Шайлер не верила, что Изабелла, близкая подруга Лоуренса и Корделии и одна из самых уважаемых знатных вдов европейского света, была предательницей, переметнувшейся на сторону Серебряной крови. Но после событий в Нью-Йорке и измены Форсайта Ллевеллина возможным казалось все. В любом случае, они не могли позволить себе сидеть и ждать, дабы убедиться, не намерена ли графиня удерживать их в плену до бесконечности.

Шайлер застенчиво взглянула на Джека. Они были вместе уже месяц, но все до сих пор оставалось новым для нее: его прикосновения, его голос, его общество, его рука у нее на плече. Девушка стояла рядом с ним, прислонившись к поручням, и Джек, обхватив ее за шею, привлек к себе для мимолетного поцелуя в макушку. Шайлер любила эти поцелуи больше всего; уверенность, с которой Джек обнимал ее, вызывала в ее душе блаженство. Отныне они принадлежали друг другу.

Шайлер подумалось, что, возможно, это Аллегра и имела в виду, когда посоветовала дочери вернуться домой и прекратить попытки убежать от собственного счастья. Наверное, мать хотела, чтобы именно это она и поняла.

Джек опустил руку ей на плечо, и она, проследив за направлением его взгляда, посмотрела на гребную шлюпку, которую «мальчики» спускали с кормы на подернутую зыбью поверхность моря. Это была веселая парочка, два итальянца, Драго и Игги (сокращенно от Игнасио), венаторы, работающие на графиню и, по сути дела, их тюремщики. Но Шайлер невольно начала относиться к ним с симпатией, почти как к друзьям. При мысли о том, что они с Джеком собрались сделать, Шайлер бросило в дрожь. Другого шанса

им не представится. Она восхищалась невозмутимостью Джека. Сама она с трудом заставляла себя стоять неподвижно и покачивалась на носках от нетерпения.

Когда шлюпка наконец закачалась на волнах, Шайлер прошла следом за Джеком к краю площадки. Игги привязал шлюпку к яхте, а Драго протянул руку, чтобы помочь Шайлер спуститься. Но Джек проскользнул вперед, оттер Драго и сам предложил Шайлер руку, как истинный джентльмен. Девушка приняла руку, перебралась через поручни и спустилась в шлюпку. Драго пожал плечами и выровнял лодку; Игги тем временем перенес туда оставшуюся провизию.

Шайлер повернулась, чтобы впервые взглянуть повнимательнее на изрезанный итальянский берег. С тех пор как они узнали о том, что венатор родом из Чинкве-Терре, они завели речь об этом небольшом однодневном путешествии. Чинкве-Терре — так называлась полоска итальянской Ривьеры, на которой располагалось пять средневековых маленьких городов. Игги, круглолицый и пузатый, с тоской вспоминал, как бегал по тропкам у края утеса, а потом возвращался домой и ужинал под открытым небом, глядя на закат над заливом.

Шайлер никогда не бывала в этой части Италии и мало знала о ней — но зато понимала, как извлечь преимущество из привязанности Игги к родному городу. Он не смог устоять перед их предложением навестить эти края и позволил им провести день на берегу, за пределами их плавучей тюрьмы. Это было идеальное место для того, что они задумали; здесь тропы заканчивались древними лестницами, поднимающимися на сотни футов. В это время года тропы должны были быть безлюдны — туристский сезон закончился с наступлением осени, когда в излюбленных туристами городах похолодало. Горные тропы уведут их далеко от корабля.

— Тебе здесь понравится, Джек, — сказал Игги, энергично работая веслами. — И вам, синьора, — добавил он. Итальянцу трудно давалось ее имя, Шайлер.

Джек что-то буркнул в ответ, налегая на свое весло, а Шайлер изо всех сил старалась сохранить веселый вид. Ведь они, как предполагалось, выбрались на пикник. Шайлер заметила, что Джек задумался, глядя на море, готовясь к наступающему дню, и шутливо шлепнула его по руке. Ведь предполагалось, что им представляется долгожданная возможность провести день на суше, исследуя новое

место.

Они должны выглядеть как счастливая пара, которую ничто на свете не волнует, а не как два пленника, готовящих побег из тюрьмы.

ГЛАВА 2

ПОБЕГ

Когда они вошли в залив у Вернаццы, Шайлер повеселела. Здешний вид мог бы вызвать улыбку у кого угодно, и даже лицо Джека прояснилось. Каменные выступы скал смотрелись очень эффектно, а цепляющиеся за них дома казались древними, как сами камни. Они оставили лодку у пристани и вчетвером двинулись по склону вверх, к тропе.

Пять маленьких городков, образующих Чинкве-Терре, были связаны между собой рядом каменистых троп — по некоторым из них почти невозможно было взобраться, как объяснил Игги, когда они шли вдоль ряда крохотных оштукатуренных домиков. Венатор пребывал в превосходном расположении духа. Он рассказывал им историю каждого дома, мимо которого они проходили.

— А вот этот моя тетя Клара продала в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году одному милому семейству из Пармы. А вот тут жила самая красивая девушка Италии, — венатор звонко отпустил воздушный поцелуй, — но... леди Красной крови. Вы же знаете, какие они... капризные. А здесь вот...

Игги окликал крестьян, когда они шли мимо дворов и полей, гладил животных, пощипывавших траву на пастбище. Тропа вилась между лугами и домами, вместе с изгибами окаймляющих берег утесов. Шайлер видела, как камешки сыпались у них из-под ног и летели вниз по склону.

Игги разливался соловьем, а Драго только кивал да посмеивался, как будто чересчур часто принимал участие в подобных экскурсиях и успел смириться с тем, что запутанные истории его приятеля Игги занимают большую часть утра. Взбираться было нелегко, но Шайлер была рада возможности прогуляться и размяться и не сомневалась, что Джек тоже этому рад. Они провели слишком много времени на яхте, и хотя им разрешалось поплавать в море, это было не то же самое, что хорошая прогулка на воздухе. За несколько часов они дошли от Вернаццы до Корнильи, а оттуда до Манаролы. Шайлер отметила про себя, что они за целый день не увидели ни единой легковой машины, ни одного грузовика, ни телефонного провода или электрического кабеля.

«Сейчас, — передал ей Джек. — Пора».

Шайлер знала, что он имеет в виду. По его прикидкам, они сейчас находятся примерно посередине между двумя городишками. Время пришло. Шайлер похлопала Игги по плечу и указала на скалистый выход, нависающий над склоном.

— Перекусим? — подмигнула она.

Игги заулыбался.

— Конечно! Я от избытка чувств даже позабыл, что пора остановиться поесть!

Место, к которому Шайлер их привела, было весьма своеобразным. Тропа здесь шла по мысу, и с обеих сторон от узкой дорожки поднимались скалы. Два венатора расстелили на травянистом пятачке белоснежную скатерть из запасов графини, и компания с трудом разместилась вокруг. Шайлер пристроилась поближе к краю, стараясь не смотреть вниз.

Джек уселся напротив нее, глядя поверх плеча Шайлер на береговую линию внизу. Пока Шайлер помогала распаковывать корзинку, он следил за берегом. Девушка достала салями и копченую пармскую ветчину, финоччиону, местную сырокопченую колбасу с фенхелем, мортаделлу, знаменитую вареную колбасу из Болоньи и говядину воздушной сушки. Мясо было в рулетах либо в нарезке, разложенной по тарелочкам и завернутой в вощеную бумагу. Лежала в корзинке и буханка хлеба с розмарином, а к ней прилагался коричневый бумажный пакет, полный миндальных пирожных и пирожков с джемом. Прямо жаль было, что всему этому суждено пропасть впустую. Драго достал несколько пластиковых контейнеров с итальянским сыром — пекорино и свежей бурратой, — завернутым в зеленые листья асфодели. Шайлер отрезала себе буратты и откусила кусочек. Сыр был маслянистым, молочно-белым; он конкурировал в великолепии с окружающим видом.

Девушка на миг поймала взгляд Джека.

«Будь готова», — передал он.

Шайлер не переставала есть с невозмутимым видом, хотя у нее скрутило внутренности. Она на миг повернулась, чтобы взглянуть на то, что видел Джек. К берегу внизу причалила небольшая моторная лодка. Кто бы мог подумать, что бывший североафриканский пират с

побережья Сомали окажется таким надежным партнером? Даже отсюда девушка видела, что он доставил именно то, что они просили, — один из самых быстроходных катеров, сконструированный на скорую руку, со слишком большим мотором.

Игги откупорил бутылку «Просекко», и все подняли бокалы, дружески улыбаясь друг другу. Венатор взглянул на полуденную трапезу и широко взмахнул рукой.

— Ну что, приступим?

Этого момента они и дожидались. Шайлер начала действовать. Она отклонилась назад и сделала вид, будто на мгновение потеряла равновесие, а потом подалась вперед и выплеснула полный стакан вина в лицо Драго. От спиртного у венатора защемило в глазах, и вид у него сделался недоумевающий. Но прежде чем он успел что-либо предпринять, Игги хлопнул его по спине и от души загоготал, как будто Шайлер отпустила на редкость смешную шутку.

Но когда Драго на миг ослеп, а Игги зажмурился от смеха, Джек нанес удар. Он выхватил из рукава нож, подбросил его и глубоко вонзил в грудь Драго. Итальянец распростерся на земле, из раны текла кровь. Шайлер помогла Джеку смастерить этот нож из палубной доски; он выдолбил заднюю часть отскочившей ступеньки трапа и наточил о камень, который Шайлер подняла со дна, когда ныряла. Ступенька была из очень твердой породы дерева и превратилась в опасный и смертоносный небольшой кинжал.

Шайлер кинулась на второго венатора, но Игги вскочил на ноги быстрее ее. Этого они не ожидали. Толстяк, как оказалось, умел двигаться. Он мгновенно выдернул нож из груди друга и, обзаведясь оружием, развернулся к Шайлер, но больше не улыбался.

— Джек! — крикнула девушка, когда венатор атаковал.

Она не могла пошевелиться — Игги связал ее заклинанием стазиса в тот же миг, когда схватил клинок, и теперь занес нож над ней. Еще мгновение — и он пронзил бы ей грудь. Но Джек нырнул между ними и принял на себя всю силу удара.

Теперь Шайлер нужно было как можно быстрее освободиться от заклинания. Все с самого начала пошло не так. Некогда даже было подумать о Джеке и о том, жив ли он. Девушка рванулась вперед, вложив в этот рывок всю свою силу, до последней капли, сражаясь с удерживающей ее незримой сетью. Ощущение было — словно

продираешься через вязкое болото, но Шайлер отыскала слабое место в заклинании и ударила в эту точку. А потом закричала и кинулась к Джеку, который, казалось, лежал бездыханным.

Игги опередил ее, но когда он перевернул Джека, на лице его отразилось удивление. Джек был цел и невредим и мрачно улыбнулся венатору.

Он вскочил на ноги и цокнул языком:

— Ай-ай, венатор! Как же ты позабыл, что ангела невозможно ранить клинком, который сделал он сам? — Джек закатал рукава, глядя на противника. — Почему бы тебе не облегчить себе жизнь? — мягко поинтересовался он. — Я предлагаю тебе вернуться к фафине и сообщить ей, что мы не пара безделушек, которые можно запереть в шкатулке. Уходи, и мы не причиним тебе вреда.

На мгновение могло показаться, будто венатор готов задуматься над их предложением, но Шайлер знала, что он слишком стар душой, чтобы избрать такой трусливый образ действий. Итальянец выхватил из кармана кривой нож весьма неприятного вида и бросился на Джека — но внезапно завис в воздухе. На лице его застыло странное выражение, смесь замешательства и осознания своего поражения.

— Отличная работа — со стазисом, — произнес Джек, повернувшись к Шайлер.

— Обращайтесь, если что, — улыбнулась девушка.

Она подобрала остатки заклинания, недавно парализовавшего ее, и обрушила его на венатора.

Джек перехватил у нее заклинание и сильным движением толкнул толстого охранника с утеса, отправив его на камни внизу.

— Ты разобралась с цистерной? — спросил юноша, когда они спускались по скале к ожидающей внизу пиратской лодке.

Шайлер кивнула.

— Конечно.

Они хорошо спланировали свой побег: Джек загнал якорь яхты очень глубоко в морское дно, а Шайлер, пока находилась внизу, вылила все имевшиеся на яхте запасы топлива. А накануне ночью они испортили паруса и радиоприемник.

Они помчались по берегу к пиратской лодке, в которой ждал их новый друг, Геди. Шайлер встретила с ним во время одного из походов на рынок в Сен-Тропе, где бывший член самозванных военно-морских сил Сомали помогал разгружать поддоны со свежей рыбой. Геди скучал по временам, наполненным приключениями, и ухватился за возможность помочь двум попавшим в ловушку американцам.

— Ваш заказ, босс. — Геди улыбнулся, продемонстрировав сверкающие белые зубы, и соскочил с катера. Он намеревался вернуться на рынок на пароме.

— Спасибо, приятель, — отозвался Джек, берясь за руль. — Проверь завтра свой счет.

Сомалиец заулыбался еще шире, и Шайлер поняла, что удовольствие от кражи катера было для него почти что достаточной платой.

Мощный мотор взревел, и они понеслись прочь от берега. Шайлер оглянулась на двух бездыханных венаторов, плавающих в воде. Она постаралась утешить себя тем, что оба выживут. Они были древними существами, и падение с утеса не могло причинить им серьезного вреда. Пострадало разве что их самолюбие. Однако еще некоторое время венаторы не придут в себя, а за этот срок она и Джек будут уже далеко.

Шайлер выдохнула. Ну наконец-то! Во Флоренцию, начать поиски привратников и укрепление врат, пока Серебряная кровь их не обнаружила. Они снова вернулись к делу.

— Все в порядке? — спросил Джек, опытной рукой направляя катер по бурным волнам. Он взял Шайлер за руку и крепко сжал.

Девушка прижала его руку к своей щеке, наслаждаясь прикосновением мозолистой ладони к коже. У них получилось. Они были вместе. На свободе. Но тут она застыла.

— Джек, погоня!

— Я знаю. Слышал шум моторов, — отозвался юноша, даже не потрудившись оглянуться.

Шайлер посмотрела на горизонт, где появилось три темных силуэта. Они росли и росли по мере того, как суда приближались к ним. Очевидно, Игги с Драго были не единственными их тюремщиками.

Побег обещал стать более трудным, чем они думали.

ГЛАВА 3

В ГЛУБИНЕ

Первые капли дождя коснулись щеки девушки, словно легкий поцелуй, и Шайлер понадеялась было, что лишь слегка покапает. Но одного взгляда на темнеющее небо хватило, чтобы понять тщетность этой надежды. Спокойный голубой горизонт превратился ныне в серо-красно-черную палитру; клубящиеся облака сбились в единую плотную массу. Дождь, начавшись потихоньку, внезапно забарабанил по палубе в ускоряющемся стакатто. Ударил гром, и от неожиданного низкого рокота девушка вздрогнула.

Вот только дождя им и не хватало. А то все слишком просто получается. Шайлер потянулась к Джеку и извлекла из сагайдака короткий лук, который Геди купил по их просьбе и положил в «шкафчик контрабандиста», потайной отсек в трюме.

Весь месяц, проведенный в море, они готовились к этому побегу. Час за часом Джек обучал Шайлер тонкостям искусства венаторов, а также, с одобрения Игги и Драго, начаткам обращения с луком. Благодаря твердой руке и хорошему глазомеру Шайлер оказалась даже лучшим лучником, чем Джек. Она достала из пучка несколько стрел из железного дерева, еще одно оружие, сделанное вручную за время их заточения. Девушка наложила стрелу на тетиву и изготовилась к выстрелу.

Их преследователи находились пока далеко позади. Шайлер хорошо видела их даже сквозь туман и ветер. Она слегка согнула колени и, вообразив себя статуей, устойчивой в беспокойном море, вскинула лук и натянула тетиву до предела. А когда уверилась, что верно взяла прицел, спустила тетиву. Но гидроцикл ловко ушел в сторону.

Шайлер невозмутимо взяла вторую стрелу. На этот раз она прицелилась в колено венатора-преследователя. Гидроцикл, выйдя из-под контроля, вильнул, и Шайлер охватило торжество — но затем венатор снова выпрямился, не обращая внимания на кровоточащую рану.

Джек тем временем смотрел строго вперед, уверенно держа руль. Он выжимал из мотора все, что можно, и тот, раскалившись, работал

на пределе, выбрасывая снопы искр и издавая ужасающий треск.

Шайлер снова оглянулась. Их пиратский катер мчался на предельной скорости, но все же их вот-вот должны были догнать. Венаторы были уже намного ближе, в каких-нибудь пятидесяти футах. Дождь еще усилился, и Шайлер с Джеком уже промокли до нитки, а ветер гнал волны, и катер взлетал на гребни и падал вниз, словно на американских горках.

Шайлер покрепче уперлась ногами в палубу, надеясь обрести лучшую устойчивость, но тут на катер обрушился водяной вал. У Шайлер осталось всего две стрелы, и приходилось действовать особенно тщательно. Девушка выпрямилась, прицелилась — и увидела, что к ней несется нечто пылающее.

— Шайлер! — завопил Джек и повалил ее на палубу за миг перед тем, как что-то взорвалось на том месте, где только что стояла девушка.

Боже милостивый, ну и проворны же эти венаторы — она даже не увидела, как ее противник прицелился и выстрелил.

Джек одной рукой сжимал руль, а другую держал на спине Шайлер, словно для защиты.

— Адский огонь, — пробормотал он, когда очередной взрыв пронесся по правому борту впритирку к их катеру и тот встряхнуло.

Эти снаряды несли в себе самое смертоносное оружие из арсенала венаторов: черный огонь преисподней, единственное, что могло уничтожить бессмертную кровь, текущую в жилах вампиров.

— Но почему они желают нашей смерти? — спросила Шайлер, стараясь перекрыть шторм и прижимая лук к боку. Не могла же графиня относиться к ним с такой враждебностью! Неужто она настолько их ненавидит?

— Мы сейчас — косвенная опасность, — отозвался Джек. — Она сохраняла нам жизнь лишь до тех пор, пока это было ей удобно. Но теперь, когда мы сбежали, ее самолюбие не может перенести такого удара. Она убьет нас лишь затем, чтобы показать, что никто не смеет не повиноваться графине.

Катер прыгал на волнах, и каждый раз, когда он приводнялся, их сильно встряхивало и раздавался угрожающий скрип болтов и хруст деревянного такелажа. Двигатель уже не работал. Было полное

ощущение, что одна лишь их воля не дает катеру развалиться.

От очередного взрыва, на сей раз более близкого, руль трянуло. Следующий должен был потопить их. Шайлер выпрыгнула из укрытия и нечеловечески быстрым движением бросила одну из двух оставшихся стрел на тетиву. Удача: стрела пронзила бензобак ближайшего гидроцикла и тот взорвался.

Но не успели беглецы обрадоваться успеху, как над катером пронесся очередной снаряд, и Джек резко повернул руль вправо — и в результате попал ровнохонько под гребень десятифутовой волны, накрывшей катер целиком.

Пиратская лодка пробилась сквозь толщу воды, каким-то чудом оставшись невредимой.

Шайлер оглянулась через плечо. Два оставшихся венатора были уже так близко, что девушка могла разглядеть оправу их защитных очков и серебристую отстрочку на кожаных перчатках. Лица венаторов были бесстрастны. Их не волновало, будут ли Шайлер с Джеком жить или умрут, виновны они или ни в чем не повинны. Они всего лишь выполняли приказ, а приказано им было стрелять на поражение.

Необыкновенно огромная волна заставила их судно рискованно наклониться: катер пошел вниз, едва не встав вертикально, и с силой врезался в воду. Теперь они в любой момент могли перевернуться. Стрел больше не было. И особого выбора тоже.

«Нам придется оставить катер. Без него мы поплывем быстрее», — мысленно сказала Джеку Шайлер.

Она знала, что Джек и сам считает так же. Ему просто трудно было это сказать. Потому что плыть — это означало разделиться.

«Не волнуйся. Я сильная. Как ты».

Она криво улыбнулась любимому.

Джек вцепился в штурвал, стиснув зубы. «Ты уверена?»

«Встретимся в Генуе», — послала ему мысль Шайлер.

Ближайший относительно их нынешнего местонахождения прибрежный город. Тридцать миль к северу.

Джек кивнул, и в сознании Шайлер возникла картинка,

свидетельствующая о том, что он хорошо знает этот город. Это был оживленный, многолюдный порт, окруженный горами; у причалов там покачивались разнообразнейшие суда. Оттуда можно пешком добраться через горы во Флоренцию.

«Плыви изо всех сил. Я направлю катер на оставшийся гидроцикл», — послал мысль Джек.

Он на мгновение взглянул девушке в глаза.

Шайлер кивнула.

«Можешь на меня положиться».

«Я могу это сделать, — подумала Шайлер. — Я знаю, что увижу Джека снова. Я верю в это».

У них не было времени ни на последний поцелуй, ни даже на пару слов. Шайлер скорее почувствовала, чем услышала, как Джек завел отсчет в обратном порядке — ее тело исполняло приказы раньше, чем мозг успевал их осознать. Когда прозвучало «три», она уже нырнула с борта, уже глубоко погрузилась в темную воду, уже заработала ногами, сражаясь с волной, уже оценила дыхание. Будучи вампиром, она могла проплыть под водой куда дольше, чем человек ее физических данных, — но ей следовало быть осторожной, дабы не расходовать силы даром.

Она услышала разнесшийся над поверхностью воды тошнотворный грохот: это пиратский катер врезался во врагов. Тьма морских глубин была непроглядной, но через некоторое время глаза Шайлер приспособились к ней. Она проталкивала руки через плотную воду и загребала, проталкивала и загребала, и мышцы ее ныли. Девушка увидела пузырьки воздуха, поднимающиеся на поверхность. Она могла продержаться без воздуха пять минут и должна была использовать это время наилучшим образом. Наконец ее легкие стало жечь огнем от недостатка кислорода, и Шайлер заработала ногами, пробиваясь к поверхности, — у нее осталось всего одно желание: вдохнуть воздуха... близко, так близко... еще один толчок, и она вырвется на пове...

Холодная костлявая рука ухватила ее за лодыжку, удержала и потащила обратно в глубину.

Шайлер извивалась и пинаясь. Она извернулась так, что сумела увидеть, кто же ее держит. Женщина-венатор, казалось, без

малейших усилий скользила сквозь темную воду. Нападающая смерила ее хладнокровным оценивающим взглядом и потянула дальше.

«Ты под покровительством графини. Отказ от этого покровительства — выступление против клана. Подчинись, или будешь уничтожена».

Рука сжимала ее лодыжку мертвой хваткой. Шайлер чувствовала, что слабеет: если она не сделает вдох, то скоро потеряет сознание. Ее легкие готовы были разорваться. Девушка почувствовала головокружение и запаниковала.

«Прекрати!» — велела она себе.

Надо сохранять спокойствие.

Глом. Используй пространство Контроля.

«Отпусти меня!» — потребовала Шайлер, послав столь мощное принуждение, что сама почувствовала, как слова приняли физическую форму и каждая буква атаковала мозжечок венатора.

Рука на ее лодыжке дрогнула, и Шайлер этого хватило.

Она рванулась прочь в тот самый миг, как венатор послала собственное принуждение. Шайлер увернулась и отправила его обратно, десятикратно усилив.

«Тони!»

Принуждение было подобно удару в солнечное сплетение, и противницу Шайлер отшвырнуло обратно в глубину, как будто ее потянуло туда прикованное к ноге пушечное ядро. Оно должно было доволочь венатора до самого дна моря, и Шайлер надеялась, что этого времени ей хватит, чтобы убраться прочь.

Шайлер с трудом выбралась наверх и наконец-то высунула голову из воды, жадно хватая воздух ртом. Дождь, холодный, словно пальцы мертвеца, хлестал ее по щекам. Шайлер рискнула обернуться.

Их маленький катер горел. Искры черного пламени столбом поднимались к небу.

«Джек выбрался с него, — сказала себе Шайлер, — Конечно же выбрался. Должен был». Второй гидроцикл кружил вокруг горящего катера. Но почему этот венатор не погнался за Джеком? Разве

только... разве только если он уже... Девушка не смогла довести эту мысль до конца. Просто не смогла.

Она вновь опустила голову в воду. Генуя. Порт. Она поплыла прочь.

ГЛАВА 4

ПЛАВНИК

Все вокруг Шайлер было черно, как наверху, так и внизу. Она обнаружила, что под водой двигается быстрее, и теперь ныряла все на большие промежутки времени. Шайлер плыла против течения, боролась с волнами, чувствуя себя ничтожеством вроде смытого за борт мусора, каким-то хламом, затерявшимся в просторах моря. Ей приходилось сражаться с желанием сдаться, остановиться, закрыть глаза и пойти ко дну.

Шторм утих ненадолго, и Шайлер, всплыв на поверхность, увидела поднимающийся из воды город с его жизнерадостными пастельными домиками всего в нескольких сотнях футов от себя. Полуденное солнце ярко освещало симпатичные прибрежные кафе. Разгар курортного сезона уже миновал, и задувал довольно холодный ветер, так что уличные столики пустовали.

Шайлер яростно сражалась с водой, стараясь удержать голову над волнами. О господи, как же она устала! Цель была так близка — но Шайлер не знала, сумеет ли добраться до нее.

Это было побочное действие велокса, о котором предупреждал ее Лоуренс. Используя велокс, начинаешь верить в свои сверхчеловеческие возможности, но в конце концов тебе потребуется отдых, хочешь ты того или нет. Лоуренс рассказывал ей о вампирах, которые превысили свой лимит, свалились без сил в критический момент и стали жертвой Серебряной крови.

У Шайлер не осталось больше энергии. Она не могла преодолеть последние несколько мучительных футов и добраться до берега.

Она казалась себе вялой, как планктон. Силы окончательно покинули ее. Она преодолела примерно двадцать пять миль за полчаса. Всего-то осталось — выбраться на берег, до которого рукой подать! Девушка выплонула соленую воду и стряхнула челку с глаз, слабо загребая руками по-собачьи. Мышцы ее были истерзаны и изнурены. Она не могла больше сделать ни гребка...

Но тут ее посетила мысль. Она не может больше грести, но может держаться на поверхности... Можно просто лечь на воду и предоставить волнам сделать все остальное. Идея проплыть остаток

пути на спине показалась Шайлер иронией судьбы — по сравнению с напряженностью ее бегства. Ну что ж, выбор у нее небогатый: дрейфуй или тони. Как и надеялась Шайлер, медленное неуклонное продвижение вперед потребовало ровно столько сил, сколько у нее оставалось.

Через несколько минут после того, как Шайлер начала свое неспешное продвижение, вода вокруг нее задрожала, и девушка услышала в отдалении шум мотора гидроцикла. На мгновение ее охватил страх; она забила ногами, озираясь по сторонам, и увидела источник шума. К ней быстро приближался знакомый гидроцикл с наводящим ужас черно-серебряным крестом, но вел его не венатор.

Шайлер забарахталась в волнах.

— Геди! Геди!!!

Она понятия не имела, как пират оказался на гидроцикле, но сейчас ее это и не волновало. Важно было одно: привлечь его внимание, пока он не очутился слишком далеко от нее.

Геди не мог ее расслышать, и гидроцикл уходил теперь все дальше и дальше.

«Геди. Вернись. Я тебе приказываю».

Гидроцикл развернулся и в мгновение ока оказался рядом.

— Синьорина! Вот вы где! — произнес Геди, широко и радостно улыбаясь.

Шайлер вскарабкалась к нему, радуясь возможности наконец-то выбраться из воды.

— Что ты здесь делаешь? Где Джек?

Геди покачал головой. Он распрощался с ними в Чинкве-Терре, пожелав счастливого пути, а потом увидел, как за ними погнались венаторы. Он попытался предупредить их по радио, но спутниковая связь отрубилась из-за шторма. Он позаимствовал чью-то моторную лодку и натолкнулся на обломки пиратского катера. («Черный, черный дым. Плохо».) Джека было не видеть, и он забрал пустой гидроцикл — его, скорее всего, оставила женщина-венатор, которая погналась за Шайлер и, возможно, до сих пор еще пыталась выплыть на поверхность.

Если Геди действительно приплыл на ее гидроцикле, то где же

второй гидроцикл со вторым венатором? И где Джек?

Они несколько часов курсировали вдоль берега. Близился вечер. Шайлер считала, что Джеку уже пора было бы добраться сюда. Вампиру с его скоростью движений потребовались бы на это считанные минуты. Она ведь добралась, а Джек плавал куда лучше ее. Шайлер высадила Геди в порту и двинулась дальше одна, поскольку ее новый друг заметно устал. Нечестно было бы просить его сопровождать ее в поисках, которые все больше и больше казались безнадежным предприятием.

Солнце закатилось за горизонт, и огни города празднично засияли на фиолетовом небе. Из расположенных у причалов ресторанов и кафе доносилась музыка. Холодало, и ветер сообщил Шайлер, что скоро снова начнется шторм, а сейчас — лишь временное затишье.

Девушка уже собиралась заглушить мотор, но все-таки решила сделать последний круг. Накануне вечером они с Джеком дали друг другу слово. Они договорились, что вне зависимости от того, что случится сегодня, никто из них не станет ждать другого, если они окажутся разлучены. Путь должен продолжаться, кто бы ни удержался на нем. Тот, кто останется, должен будет позаботиться о наследии Лоуренса.

«Ну ладно, Джек, — мысленно сказала Шайлер. — Давай показывайся, или я ухожу».

Девушке не хотелось думать о том, что это значит — оставить его. Она боялась быть одна — теперь, когда знала, что значит быть с Джеком. Но он сам пожелал бы, чтобы она двигалась дальше. Он пожелал бы, чтобы она оставила его и шла вперед. Она и так уже потеряла впустую много времени.

Надо будет попросить Геди, чтобы помог ей добраться до Флоренции, где, по мнению Лоуренса, находились врата обетования. Надо будет пойти пешком через горы, как они и планировали. Там нет ни поездов, ни маленьких пансионатов, ни прокатных машин — ничего, где можно оставить след. Джек сможет встретиться с ней позднее... наверное...

Шайлер попыталась выкинуть эти мысли из головы. У нее все внутри занемело от холода и от осознания того, что ей предстояло

сделать. Грандиозность стоящей перед ней задачи ошеломила. Как она сможет двигаться дальше одна, не выяснив, что с Джеком, не зная даже, жив он или мертв?

В конце концов Шайлер увидела нечто, напоминающее обломок плавника, — но почему-то взгляд зацепился за него. Охваченная волнением, девушка направила гидроцикл в ту сторону и увидела, что это действительно всего лишь плавник. Но за середину бревна цеплялась белая рука, а все остальное тело находилось под водой. Шайлер остановила гидроцикл рядом с бревном. Она узнала эти длинные тонкие пальцы, и сердце гулко забило в груди, а по телу побежали холодные мурашки. Страх. Малодушный страх.

Джек не мог умереть. Он не может умереть, но может пострадать. Он бессмертен, но если уже слишком поздно возвращать жизнь в его физическую оболочку, ей придется как-то сохранить его кровь для следующего цикла. А к тому времени, когда он возродится, она может подойти к концу своего жизненного цикла. Кто знает, будет ли тогда он любить ее? Будет ли хотя бы помнить ее? И в любом случае, как ей вообще взять его кровь?

Они же беглецы, исторгнутые из вампирского сообщества изгои.

Шайлер наклонилась и, ухватив Джека за руку, осторожно отцепила ее от бревна. Рука была совершенно окоченевшей, но тоже вцепилась в нее. Джек был жив. Шайлер, напрягшая все силы, одним стремительным движением вытащила Джека из воды и посадила позади себя на гидроцикл.

Джек привалился к ней, холодный, как айсберг, и Шайлер спиной чувствовала, насколько отяжелело от изнеможения его тело. У него едва хватило сил обхватить ее за пояс. Шайлер повела гидроцикл во тьму.

Если бы она появилась здесь хоть на минуту позже, кто знает, что случилось бы с ним... Кто знает, что тогда произошло бы... Кто знает...

«Хватит терзать себя предположениями, любимая. Я знал, что ты меня найдешь».

Шайлер вписала гидроцикл между двумя рыбацкими лодками и привязала его к той, от которой воняло капельку меньше, чем от

второй. Лодки были пусты, поскольку рыболовецкий сезон окончился. Хозяева не вернутся к ним до следующего года. Шайлер помогла Джеку взобраться на палубу и провела его в маленькую каюту с жалкой койкой. Что за ирония судьбы: они начали день, планируя побег с яхты, и лишь затем, чтобы закончить его на лодке.

Девушка стащила с Джека мокрые рубашку, брюки и носки и накрыла его найденным в трюме тонким истрепанным купальным полотенцем.

— Извини. Знаю, что это не лучший вариант, но другого ничего нет.

Шайлер пошарила в поисках припасов и отыскала на камбузе керосиновую лампу. Она зажгла лампу, сожалея, что та не дает больше света или хотя бы больше тепла. Внутри лодки было почти так же холодно, как и снаружи.

— Тебе удобно? — спросила она Джека.

Юноша кивнул; у него все еще не было сил говорить, ни вслух, ни мысленно.

Шайлер застенчиво повернулась к нему спиной и стащила с себя мокрую одежду, а потом тоже завернулась в полотенце. Судовой душ работал, и в нем, быть может, осталось несколько галлонов воды после последнего выхода в море. Шайлер рада была возможности вымыться после такого долгого дня. Еще она была рада, что на лодке нашлась сухая одежда для них — тельняшки и шорты. Ну, в общем, они и должны были найтись.

Приняв душ и одевшись, Шайлер помогла Джеку преодолеть несколько ступенек по пути в маленькую душевую и притворила за ним дверь.

Издали донесся раскат грома. Скоро снова пойдет дождь. Воющий ветер хлестал по иллюминаторам. Шайлер проверила, надежно ли держит задвижка на двери каюты.

Когда Джек приплелся из душа, Шайлер с радостью увидела, что он выглядит чуть лучше. Щеки его порозовели. Джек сдернул с кровати покрывало и набросил на плечи.

— Иди сюда, — прошептал он и раскинул руки, чтобы Шайлер могла прижаться к нему, спиной к его груди.

Девушка чувствовала, что его тело начало оттаивать; она крепко прижала к себе его руки и растирала, пока они не сделались теплыми.

Джек негромко рассказал ей, что с ним произошло. Он на миг задержался на катере, чтобы дать Шайлер возможность оторваться от погони, и направил катер на гидроцикл. Но венаторы воспользовались моментом и перепрыгнули на катер, так что ему пришлось сразиться с ними. Один из венаторов ускользнул — женщина, что погналась за Шайлер. Оставшийся же дрался не на жизнь, а на смерть.

— В каком смысле? — переспросила Шайлер.

— У него был с собой черный меч, — медленно произнес Джек, поднеся руку к огню, отчего пламя затрепетало. — Мне пришлось воспользоваться им. Выбора не было: или он, или я.

Вид у него сделался такой страдальческий, что Шайлер положила руку ему на плечо, пытаясь утешить. Джек склонил голову.

— Табрис. Я знал его. Он был моим другом. Давно.

Джек назвал венатора его ангельским именем. Шайлер судорожно сглотнула. Ей казалось, что это она во всем виновата — во всех этих убийствах. Ведь это же она убедила Джека, что им следует искать убежища у графини. Это из-за нее они приехали в Европу. Этот поиск был ее наследием, а не его — ее ответственностью, которую она взвалила на его плечи. Она не догадывалась, что графиня зайдет настолько далеко — черный меч, боже милостивый! Если бы Джек не одолел венатора, это его бессмертная жизнь пресеклась бы сегодня.

Джек крепче прижал ее к себе и горячо прошептал на ухо:

— Так было необходимо. Я давал ему выбор. Он выбрал смерть. Смерть придет за каждым, рано или поздно.

Джек прижался головой к голове девушки, и она почувствовала пульсацию вен у него под кожей. Смерть придет за каждым? Уж кто-кто, а Джек должен был бы знать, что это неправда. Жизнь Голубой крови продолжается столетиями. Может, он думает о Мими — Азраил — ровно в эту минуту? «Смерть придет за каждым». Придет ли она за Джеком? Воспользуется ли Мими своим правом на сожжение и уничтожит дух Джека навеки?

Это беспокоило Шайлер куда сильнее, чем ее собственная

смертность. Если он умрет, ей жизнь будет не мила. Пожалуйста, Господи, не надо! Только не сейчас. Дай нам еще немного времени. Те часы, что мы можем провести вместе, — пусть они тянутся как можно дольше!

ГЛАВА 5

ПРЕЛОМЛЕННЫЙ ХЛЕБ

Шайлер уснула в объятиях Джека, но проснулась, моргая, когда услышала шорох. Огонек лампы еще мерцал, но дождь прекратился. Слышен был лишь плеск волн о корпус лодки. Джек прижал палец к губам.

«Тише. Тут кто-то есть».

— Синьорина!

В дверном проеме возник темный силуэт.

Прежде чем Шайлер успела ответить, Джек вскочил и схватил Геди за горло.

— Джек! Подожди! Что ты делаешь?! Это же Геди! Он мне помог! Это он вытащил меня из воды, Джек! Отпусти его!

Темное лицо Геди посерело. В руках он держал корзину, и теперь она дрожала.

— Не надо!.. — запротестовал он. — Я принес еду. Хлеб. Ужин.

— Ты хорошо служишь нам, человек, — холодно произнес Джек. — Возможно, слишком хорошо. Говори, кому ты служишь на самом деле?

Шайлер почувствовала, что краснеет от негодования.

— Джек, перестань! Что ты несешь?!

— Перестану, если он скажет, кто он такой на самом деле и на кого работает. Сомалийскому пирату плевать с высокой горки на двух американских подростков, особенно когда плату он уже получил. Зачем ты последовал за нами? Ты служишь графине?

Геди покачал головой и взглянул им в глаза.

— Не бойтесь, я друг профессора.

Шайлер с удивлением поняла, что сомалиец говорит на безукоризненном английском, без звучавшего раньше в его речи африканского акцента.

— Профессора? — переспросил Джек, немного ослабив хватку.

— Профессора Лоуренса ван Алена, конечно же.

— Вы знали моего дедушку? — спросила Шайлер. — Почему же не сказали об этом раньше? На рынке?

Геди не ответил. Вместо этого он запустил руку в корзину и извлек оттуда пакет с мукой, соль и небольшую банку сардин.

— Сперва нам надо поесть. Я знаю, что вы не нуждаетесь в пище, но ради товарищества давайте разделим трапезу, прежде чем что-то обсуждать.

— Погодите, — возразил Джек. — Вы назвали имя нашего друга, но откуда нам знать, что вы действительно друг нам? У Лоуренса ван Алена было не только много союзников, но и множество врагов.

— Вы совершенно правы. Однако же я не могу ни сказать, ни предъявить что-либо в доказательство того, что я именно тот, за кого себя выдаю. Вам придется самим решать, говорю ли я правду. У меня нет ни каких-либо знаков, ни бумаг — ничего, что подтвердило бы мою историю. Только мое слово. Вам придется положиться на собственное суждение.

Джек взглянул на Шайлер.

«Твое мнение?»

«Не знаю. Ты прав, что соблюдаешь осторожность. Но в глубине души я чувствую, что это друг. Хотя, кроме ощущения, у меня ничего больше нет».

— Сегодня мы вам поверим, Геди, — сказал Джек. — Вы правы, вам надо поесть, так же как и ей. Пожалуйста...

Он отпустил Геди и указал на огонь.

Геди, насвистывая, замесил на маленьком камбузе тесто для лепешек и раскатал небольшими кругами. Он нашел сковороду и поставил ее на одну из конфорок. На второй он на открытом огне поджарил с десятков сардин. Через несколько минут лепешки начали подниматься, попыхивая небольшими кратерами. Над рыбой вился дымок. Когда все было готово, Геди разложил еду по трем тарелкам.

Лепешки были кисловатыми и немного вязкими, но Шайлер решила, что сроду не ела ничего вкуснее. До того момента, как

помещение наполнил свежий восхитительный запах, она даже не осознавала, что голодна. Просто-таки умирает с голоду. Рыба была великолепна и вместе с несколькими свежими помидорами, где-то добытыми Геди, составила вполне удовлетворительную трапезу. Джек взял пару кусочков, вежливости ради. А Шайлер с Геди ели с жадностью, словно в последний раз.

«Так значит, наша встреча на рынке не была случайностью», — подумала Шайлер, оценивающе глядя на их нового товарища и макая кусок лепешки в лужицу топленого масла на тарелке. Поразмыслив еще немного, она припомнила, что это пират подошел к ним. И теперь, после того как покопалась в воспоминаниях, Шайлер казалось, что он их ждал. Он, можно сказать, выскочил из засады, когда они шли мимо его прилавка, и спросил, не может ли быть им чем-нибудь полезен. Он был весьма убедителен, и Шайлер как-то удалось описать специфику их заключения; в конце концов они решили довериться ему и поручили добыть моторную лодку.

Но кто же такой Геди на самом деле? Откуда он знает Лоуренса?

— Я понимаю, что у вас много вопросов, — сказал сомалиец. — Но уже поздно. И всем нам нужно отдохнуть. Завтра я вернусь и расскажу вам все, что знаю.

ГЛАВА 6

ЛИШЕННЫЙ МАТЕРИ

— Мне было шесть лет, когда они забрал и мою мать, — произнес Геди на следующее утро, когда они сидели за завтраком: эспрессо и свежий хлеб в коричневом бумажном пакете.

Шайлер приподняла бровь. Джек остался мрачен. Они потягивали кофе и слушали. Снаружи чайки приветствовали рассвет скорбными хриплыми криками. Рыболовецкий сезон закончился, так что беглецы могли не бояться, что их застукает хозяин лодки, но они хотели двинуться в путь как можно раньше.

— Налетчики никогда прежде не подходили так близко к нашему берегу, но мы слышали о них от жителей соседних деревень. Они всегда забирали женщин — обычно молодых девушек. — Геди повел плечами, словно извиняясь. — Мне сказали, что мать пошла к ручью за водой и там они ее и схватили. Она была очень красивой, моя мать. Когда она вернулась обратно, то была уже совсем другой. — Геди покачал головой, и глаза его нехорошо сверкнули. — Она... изменилась. И у нее стал расти живот.

— Ее изнасиловали? — осторожно поинтересовалась Шайлер.

— Да и нет... Она не помнила никакого насилия. На самом деле она ничего не помнила. Мой отец погиб на войне, за год до этого, а ребенок при появлении на свет забрал ее жизнь. Не выжил никто. Я остался один. Дядя отвел меня к миссионерам. Они устроили в Берберии приют для сирот. Там было полно мальчишек вроде меня — сирот войны, детей, лишившихся матери. Однажды туда приехал отец Бальдессаре...

— Простите, вы сказали — Бальдессаре? — перебила его изумленная Шайлер. — Откуда вы его знаете? Мы тоже его ищем.

Покидая Нью-Йорк, Шайлер забрала записи Лоуренса с собой. В этих бумагах имя отца Бальдессаре упоминалось в связи с вратами обетования, и если найти священника, это может послужить отправной точкой для дальнейших поисков.

— Отец Бальдессаре был главой петрувианской миссии, — объяснил Геди. — Он был очень добр, и он выбрал нескольких

мальчиков, чтобы забрать их с собой в Италию, в школу во Флоренции. Я был одним из них. Сперва я не хотел уезжать. Я боялся. Но мне понравилось учиться в школе. И отец Бальдессаре мне тоже понравился. Он научил нас разговаривать по-английски и отправил большую часть мальчиков в Америку, дав возможность начать новую жизнь. Думаю, что и я мог бы оказаться в конечном итоге где-нибудь в Канзасе.

Геди печально улыбнулся и потер бритую голову.

— Однажды после уроков отец Би отвел меня в сторонку. Мне было тогда одиннадцать лет — он решил, что я уже достаточно взрослый, чтобы помогать ему с его истинной миссией. Он сказал, что ему доверена важная тайна. Петрувианский орден — не обычное братство: они хранят священное место.

Два года назад, когда меня официально приняли в орден и посвятили в духовный сан, отец Би получил письмо от профессора Лоуренса ван Алена, который просил его о визите. Похоже было, что профессор многое знает о нашей работе, и отец Би был уверен, что профессор сможет помочь нам в выполнении нашей миссии. Начали происходить некоторые необъяснимые вещи, возникали темные предзнаменования, беспокоившие его. Мы приготовились к этой встрече, но профессор так и не прибыл, и отец Би заволновался. Он начал беспокоиться. Он был болен, отец Би: у него за год до того обнаружили рак, и он не знал, много ли времени ему осталось. А в прошлом году нас внезапно, без предупреждения, посетил Кристофер Андерсон.

Он сообщил нам, что профессор умер, но его наследие перешло к его внучке и она поможет нам выполнить нашу задачу. Он показал нам ваши фотографии, Шайлер. Он посоветовал ждать вашего появления, чтобы помочь вам, когда вы объявитесь в наших краях. С тех пор мы ждали вас, особенно после того, как услышали, что вы покинули Нью-Йорк. Конечно же, мы понятия не имели, что вы под опекой графини. На это мы не рассчитывали.

Геди вытер лоб платком.

— Отец Би не мог больше ждать. Он сказал, что неправильность усиливается. Велел мне отыскать вас и привести в наш монастырь. Я прошу прощения, что не открылся раньше, но я не решался представиться петрувианцем, пока вы не выберетесь из заключения.

— А где отец Бальдессаре сейчас? — спросила Шайлер.

Лицо Геди снова изменилось. Теперь оно сделалось усталым.

— Мне больно говорить об этом, но отец Би нас покинул.

— Когда?

Шайлер была потрясена. Ну что же такое? Отчего они каждый раз подходят вплотную к разгадке — и лишь для того, чтобы снова очутиться в тупике? Джек продолжал пристально смотреть на Геди, не отводя взгляда от лица их нового друга.

— Две недели назад, во время очередной поездки в Африку — всю миссию захватили... пираты убили всех. Я спасся, потому что мне удалось вскорости бежать и примкнуть к сомалийским морякам. Не волнуйтесь: я не пират, я священник. Как только мне удалось вернуться в Европу, я в ту же минуту вновь принялся искать вас.

— Вы ее нашли, — неприветливо произнес Джек, — Что дальше?

— Вы собираетесь отвести нас к вратам обетования — не так ли, Геди? — спросила Шайлер, бросив стаканчик из-под кофе в мусорное ведро и снова восхитившись тем, что инстинкты Лоуренса сработали верно, как и обычно. — Теперь, с кончиной отца Бальдессаре...

Геди кивнул.

— Привратник — я. И я отведу вас во Флоренцию. Вы ведь именно туда и направлялись.

ГЛАВА 7

ТРОПА

По прикидке Шайлер, со скоростью велокса путь в сотню миль до Флоренции должен был занять чуть больше недели. Поскольку Геди не мог угнаться за ними, он проводит их только до Сарзаны, а там отправится на поезде во Флоренцию, подготовится к их прибытию и встретит их в городе. Тем временем Джек решил, что они сойдут с главной дороги и будут двигаться горными тропами. Так безопаснее: в это время года скалистые холмы были труднодоступны и потому безлюдны. Меньше шансов столкнуться со шпионами графини или ее прихвостнями. Поскольку разбивать лагерь в горах запрещалось, им предстояло осторожничать и прятаться от других любителей пеших прогулок и от зрителей.

О поразительном заявлении Геди они больше не говорили, полностью сосредоточившись на обсуждении тонкостей путешествия. Но даже разбирая по пунктам экипировку, Шайлер продолжала размышлять о ходе событий и о том, как быстро все сошлось воедино. В то время как они искали привратника, он искал их. Это казалось чересчур простым.

Однако же самым тревожным было то, о чем Шайлер с Джеком пока еще не говорили. Геди утверждал, что является привратником. Но ведь Геди — человек. Он никоим образом не мог быть тем, кем назвался. Это невозможно, ибо только вампир, Голубая кровь, падший ангел может хранить одни из врат ада.

«И все-таки я не думаю, что он лжет», — передала Шайлер.

«Согласен. Он верит, что он привратник, и это тревожит меня еще сильнее, — отозвался Джек. — Давай разберемся с этим позже. Сейчас нам нужно как можно быстрее убраться отсюда».

Они втроем отправились в город, чтобы запастись припасами: только тем, что можно унести на спине, строго отбирая самое необходимое. Перед тем как покинуть Нью-Йорк, Джек перевел деньги на несколько тайных офшорных счетов, неизвестных Комитету. Он пошел поискать подходящее походное снаряжение, а Шайлер с Геди тем временем двинулись на рынок, закупить еду — муку, рис, кофе, яйца, консервы. Итальянка-торговка посмотрела на

темную кожу Геди и странный наряд Шайлер с подозрением, но успокоилась, когда девушка достала толстую пачку банкнот. Шайлер удивлял ее новообретенный аппетит. Она сделалась прожорливой, и это был голод, который можно было насытить хорошей едой. Она не брала ничьей крови с тех самых пор, как покинула Нью-Йорк. Джек настаивал, чтобы она провела церемонию Оскулор, но Шайлер полагала, что в том нет нужды. Если уж на то пошло, она чувствовала себя лучше и мыслила яснее без крови. Девушка намеревалась обходиться без этого, пока только сможет. Так или иначе, ей казалось неправильным делить столь интимное переживание с кем-то, кого она не любит. Конечно же, с Оливером все было иначе. Шайлер до сих пор было трудно думать о своем лучшем друге и бывшем фамильяре. Сердце ее исцелилось, но ей не хватало их былой дружбы.

— Я очень вам сочувствую, Геди, насчет вашей матери, — сказала Шайлер. — Мы оба сочувствуем.

— Все в порядке. Она уже умерла. Это к лучшему.

— Не говорите так.

— Но это правда. Теперь она обрела покой.

— И отец Би тоже, — добавила Шайлер. — Должно быть, вы с ним были очень близки.

— Он был для меня семьей — другой я не знал. Он научил меня всему. Но вы не переживайте, синьорина. У себя в стране я видал много чего и похуже. Мне очень повезло, что меня выбрали миссионеры.

Геди улыбнулся.

Шайлер поразило, что их новый знакомый, переживший двойную трагедию, войну и горе, считал себя везучим. Говорил ли он им правду или его просто ввели в заблуждение, но он был хорошим человеком — Шайлер это чувствовала. Она поймала себя на том, что восхищается юмором и оптимизмом Геди и ругает себя за свою постоянную тревожность и переживания. Геди потерял все, и не один раз, а несколько. Его дом превратили в руины, все его родственники мертвы, а его наставник убит. И все же он идет по жизни с легким сердцем и с улыбкой на лице.

В то время как она, у которой есть всё — ибо Джек и есть всё, —

постоянно терзается мыслью, что не может предугадать, как долго они пробудут вместе. И она сказала себе, что не надо страшиться будущего, надо жить и радоваться настоящему.

Когда они с Геди вернулись в порт, Джек уже сидел в каюте. Он сложил одеяла, заново наполнил лампу керосином и в целом позаботился, чтобы после их визита лодка выглядела не хуже, чем прежде.

«Спасибо, что приютила нас, — подумала Шайлер, коснувшись стены каюты. — Пусть твои путины будут изобильны».

Она взяла один из рюкзаков, оставленных Джеком на столе, и принялась складывать в него вещи: провизию, тонкое непромокаемое одеяло, потрепанные папки из Хранилища, которые она держала в водонепроницаемом конверте.

Потом она забросила рюкзак на плечи и даже пригнулась на мгновение, пока не приспособилась к весу.

— Что, слишком тяжелый? — спросил Джек. — Я могу взять побольше.

Он уже был навьючен палатками и кучей других вещей.

— Ничего, нормально.

Геди тоже встал.

— Готовы?

Они шли по мощеной дороге, что вела из города к горной тропе и была пустынна, не считая нары промелькнувших мимо машин. Как только они отошли от города на несколько миль, Джек увел их прочь с дороги, поглубже в лес. Шайлер радовалась новой теплой куртке, купленной в городе, а вместе с ней — толстым носкам и походным ботинкам. На миг она поразилась тому, как изменилась ее жизнь.

Даже странно было подумать, что не так уж давно она сидела в классе и проводила время в мечтах, затерявшись в сотворенном ею же мире, жила словно в полусне, непопулярная ученица, девочка без голоса. Потом — прошлый год, их с Оливером изматывающее, стремительное странствие по миру, инстинкт, побуждающий бежать

как можно быстрее и как можно дальше. Она поняла, почему они так часто пересекались с венаторами, патрулировавшими столичные области. Они с Оливером вступили на их территорию.

А лес не был их территорией, как объяснил Джек. Глухой лес. Здесь они были в безопасности.

Первые пятнадцать лет жизни Шайлер почти не покидала Нью-Йорка. Какие же перемены принесла с собой трансформация! Она не только объехала весь земной шар, но теперь еще и шла пешком по итальянским горам. Девушка посмотрела на Джека. Тот взглянул в ответ.

«Все в порядке?» — мысленно спросил он.

— Это приключение.

Шайлер улыбнулась. Так приятно было ощущать себя снова свободной! «Каждый день с тобой — это новое приключение».

Джек улыбнулся и двинулся дальше, расчищая путь посохом, отбрасывая в сторону сухие ветки и предупреждая спутников о скользких камнях.

Геди проявлял колоссальную — для человека — выносливость, но к концу дневного восхождения устал даже он. Они добрались до плато неподалеку от Монте-Роза и остановились полюбоваться панорамным видом на лежащее внизу побережье. Они продемонстрировали неплохую скорость и завтра, если сохранят темп, к полуночи будут уже в Понтремоли.

Они договорились вечером отдохнуть. Неподалеку обнаружился ручей, где можно было заново наполнить бутылки водой, а местность выглядела симпатичной и сухой. Геди предпочел устроиться чуть в стороне, чтобы не мешать их уединению. Шайлер сбросила рюкзак и помогла Джеку поставить палатку. Они работали молча, слаженной командой. Как только палатка была установлена, Шайлер вызвалась сходить за водой для готовки ужина. Она наполнила водой чайник и повесила его над костром, который успел разжечь Джек.

— Надо все-таки его спросить, — произнесла Шайлер, встав на коленки перед костром, — Это просто не имеет смысла. Ну разве что он был проводником Бальдессаре. Но отчего-то мне так не кажется.

Джек пообещал поговорить об этом и, когда Геди тоже подошел к костру, позволил спутнику немного погреться, а потом спросил дружелюбным тоном:

— Геди, скажите, пожалуйста, а как так получилось, что одно из самых важных за всю историю мест перешло в ведение столь юного священника?

Джек снял ботинок и вытряхнул оттуда несколько камешков, а затем вытянул длинные ноги поближе к огню. Он напустил на себя небрежный вид, но на мгновение Шайлер забеспокоилась, не схватит ли он снова Геди за глотку.

— Вы имеете в виду — что произошло с вампирами, охранявшими это место? — уточнил Геди. Он устремил взгляд куда-то вдаль. — Они пропали.

— Были убиты?

— Не знаю. Никто не знает. Они исчезли уже давно. Отец Би сказал мне, что его орден взял дело в свои руки только тогда, когда остались лишь проводники. Изначальных привратников давно уж нет.

— Серебряная кровь? — спросила Шайлер, взглянув на Джека.

— Нет.— Джек покачал головой. — Если бы Кроатан захватили врата, известный нам мир уже не существовал бы. Значит, случилось нечто иное.

— Вы упоминали, что у отца Би были вопросы к Лоуренсу, — обратилась девушка к Геди. — Я не уверена, что располагаю ответами, но могу попытаться найти их. Именно за этим мы и пришли сюда.

— Да. Нам многое нужно обсудить, но это опасно. Давайте поговорим, когда доберемся до безопасного места, до монастыря. Изначальные привратники наложили на него охранные заклинания.

Он с беспокойством взглянул на окружающий их лес, боясь, что за ними наблюдают. Шайлер поняла, что даже в их относительном уединении никто не может быть совсем один, пока существует угроза со стороны Серебряной крови.

— Геди прав: нам не следует говорить об этом до тех пор, — сказал Джек, подбросил ветку в костер и уставился на языки пламени.

Шайлер согласилась. Она мысленно прокручивала слова Геди в

голове. Что-то в них вызвало у нее беспокойство.

«Петрувианский орден взял дело в свои руки, когда остались лишь проводники».

— Так отец Бальдессаре, он не был... он тоже не был вампиром?
— медленно произнесла девушка, позволив информации дойти до сознания. Она никак не могла поверить в это.

— Нет. Он был человеком, как и я.

— А когда орден взял дело в свои руки? — резко спросил Джек.

— Где-то в пятнадцатом веке.

Шайлер с Джеком недоверчиво переглянулись. Получается, что люди охраняют одни из врат преисподней вот уже несколько столетий. Да, о таком они и не думали, когда отправлялись на поиски. Люди-привратники! Что это может означать? И какие вопросы у них имелись к Лоуренсу? Что они надеялись узнать от ее бабушки?

Геди пожелал им спокойной ночи и отправился спать. Когда он ушел, Шайлер извлекла из рюкзака пачку бумаг из Хранилища. Она принялась листать пожелтевшие страницы.

— Ничего не понимаю, — сказала она наконец, оторвавшись от бумаг — Альциона была бессмертной. Как и Лоуренс, как и Кингсли, как и все прочие, кто вошел в Орден семерых. Так каким же образом отец Бальдессаре и петрувианцы сделали привратниками? Должно быть, в пятнадцатом столетии что-то произошло — но что?

Джек нахмурился.

— Причиной тому могло быть лишь отчаяние. Должно быть, у Альционы не осталось иного выхода. В противном случае с чего бы она доверила группе людей исполнять вампирскую работу?

Они еще некоторое время ломали голову над этим. Шайлер не хотелось озвучивать новые страхи или выказывать, насколько встревожило ее это последнее открытие. Сама она была наполовину человеком, но для обычных смертных сообщество Голубой крови было настроено закрытым. Среди людей осведомлены о существовании вампиров были лишь семьяры и проводники. Красную кровь не посвящали в дела сумеречного мира. То, что описал Геди, являлось нарушением наивысшего уровня, способным

поставить вверх ногами все, что Шайлер знала о кодексе вампиров. А если кодекс недействителен, что же тогда действительно?

Шайлер вызвалась сторожить первой и поцеловала Джека, пожелав ему спокойной ночи. Он не смог отговорить девушку и в конце концов согласился отдохнуть. Шайлер слегка дрожала, но что-то подсказывало ей, что дело не в горном ветре. Вот уже четыре столетия врата обетования оберегались людьми-привратниками. Девушка была рада костру. Он горел ясным, ровным лазурно-голубым пламенем, несмотря на ветер.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦИТАДЕЛИ

Флоренция, 1452 год

Серебряная кровь случайно взглянул в их сторону, и незнакомец в плаще тут же исчез.

— Нас заметили. Вперед! — приказал Дре, кидаясь на добычу.

Джио с Томи вылетели из тени с золотыми мечами наготове, и погоня возобновилась.

Они последовали за Серебряной кровью по извилистым улицам до собора, а там — на недостроенный купол творения Брунеллески, самую высокую точку во Флоренции.

Серебряная кровь уклонялся от ударов с проворством и силой, что не уступала их собственной. Он не похож был ни на кого из тех, кого они встречали прежде, но все-таки он был не противник трем вооруженным венаторам. Загнанный в угол, он рычал и шипел, понимая, что уже проиграл.

Дре вонзил меч врагу в горло и приготовился нанести завершающий удар, когда со стороны лестницы раздался чей-то голос. Кто-то еще взошел вслед за ними на вершину собора.

— Стой, венатор.

Развернувшись, венаторы увидели, как к ним приближается некто в плаще с капюшоном. В лунном свете видно было, что на нем разноцветный наряд и золотая цепь Цитадели. Лицо его по-прежнему скрывал капюшон, но это был тот же самый человек, с которым Серебряная кровь разговаривал нынешним вечером.

— Не вам отсылать это существо в ад, ибо он и так уже там, — произнес темный человек, и со взмахом его руки Серебряная кровь исчез в черном пламени.

Томи ахнула в потрясении и тревоге, осознав, что существо, за которым они гнались, было не Серебряной кровью, падшим ангелом с небес, а демоном из самой преисподней.

Незнакомец в плаще скользящей походкой подошел к краю. Он поставил ногу в пустоту и ринулся в пропасть недостроенного купола. Его одежды распахнулись под ветром и обнажили

вырезанные на руке три черных символа. Одним из них был меч, пронзающий звезду. В последний раз она видела этот символ на запястье Люцифера в Риме, когда Темный князь Серебряной крови называл себя Калигулой.

Трое венаторов кинулись вниз и нашли у стены собора тело незнакомца, носящего метку Люцифера.

Красная кровь был мертв.

ГЛАВА 8

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Хотя к моменту пробуждения Шайлер в палатку проник солнечный свет, чудный и теплый, девушке было ужасно холодно. Она привыкла спать рядом с Джеком, ощущать его тепло и почувствовала потерю, не найдя его рядом. Девушка пощупала пустое место. Спальник Джека был еще теплым. Юноша ушел недавно.

«Любимый!» — позвала она.

«Я тут близко, не волнуйся. Спи дальше».

Шайлер уронила голову обратно на одеяло; во сне она видела луг, усеянный цветами.

Час спустя она встала и спустилась к ближайшему ручью, который они отыскиали вчера вечером. Вся жизнь Шайлер прошла в относительном комфорте, и ей странно было очутиться в глуши, почувствовать себя свободной от рутины современной жизни. Девушка сняла рубашку и непромокаемые ботинки, стащила белье. Ей нужно было постирать одежду в ручье. Поскольку мыла не было, она отбила ткань камнем, чтобы избавиться от грязи. Этому она научилась, наблюдая дома за стирающей Хэтти. Корделия не признавала многие современные бытовые приборы.

Стирка была в разгаре, когда Шайлер почувствовала, что позади нее кто-то есть. Она развернулась и увидела глядящего на нее Джека. Джек улыбнулся — впервые улыбнулся по-настоящему с тех пор, как они покинули Нью-Йорк. Трудно было в полной мере наслаждаться обществом друг друга под недреманным оком венаторов графини.

— Доброе утро.

Шайлер улыбнулась в ответ. Джек тоже вымылся, и его волосы блестели на солнце. Девушка подумала, что он красив, как бог. То ли у нее разыгралось воображение, то ли в изгнании и путешествии его внешность сделалась еще эффектнее? С каждым днем Джек все меньше походил на прежнего красавчика старшекласника, игрока в лякросс. и все больше — на древнего небесного воителя, которым он был на самом деле.

— Я принес тебе кое-что, — сказал Джек, протягивая девушке букетик крохотных фиалок.

Шайлер воткнула его в волосы. Даже при всем происходящем Джек постоянно думал о ней.

— Спасибо.

Джек обнял девушку, и вскоре они уже лежали в траве. Шайлер запустила руки ему под рубашку, наслаждаясь ощущением близости его теплого и сильного тела. Но все же, хотя они были вместе, она никак не могла выкинуть из головы тревожные мысли о том, сколько у них времени.

«У нас все время мира».

«Откуда ты знаешь? А вдруг...»

Шайлер самой был противен ее страх, но она ничего не могла с этим поделать.

«Не надо. Чему быть, того не миновать».

«Верно».

Они готовы были встретить все последствия, которые влек за собой разрыв уз. Гнев Мими. Изнурительную болезнь, что должна была ослабить Джека до состояния паралича. Они приняли вызов.

«Но я боюсь», — послала мысль Шайлер.

«А я — нет».

В определенном смысле их продлившееся месяц заточение оказалось полезным: они сумели сформулировать свои опасения и надежды на будущее, испытывая границы новых отношений. Им приходилось строить планы, касающиеся не только текущей ситуации, но и ожидающей их мрачной судьбы. Шайлер знала, как она относится к Джеку. А Джек знал, как она к этому пришла. Шайлер в жизни не была ни в чем так уверена, как в глубине и силе их любви. Он спустился за нею в ад и вывел ее оттуда, а она отдала свою кровь, чтобы спасти ему жизнь.

«Но узы...»

«Мы создадим новые узы».

«У тебя нет сомнений насчет разрыва прежних?»

Шайлер никогда прежде не хватало смелости задать Джеку этот вопрос, и она до сих пор боялась ответа. Девушка никогда не пользовалась их близостью в глOME, чтобы заглянуть в воспоминания любимого, проверить, не сожалеет ли он о сделанном выборе. Шайлер уважала его личное пространство, но знала при этом, что не вынесет, если обнаружит, что он по-прежнему томится по своему близнецу. Она бы просто умерла от ревности, узнав об этом.

«Ни единого. Мои узы — те, которые мы с тобой решили заключить, а не те, которые кто-то предрешил за нас. Я не верю в судьбу. И не верю в predeterminedную любовь».

— Нам надо бы вернуться, — прошептала Шайлер.

У них нет сейчас времени на такие разговоры. Нет времени на любовь. Нет времени друг на друга.

— Пока что нет, — вздохнул Джек. Глаза его по-прежнему были закрыты, теплые пальцы скользили по обнаженному животу девушки.

Шайлер снисходительно улыбнулась и пустила прядь волос скользнуть по его щеке. Джек обвил ее руками и привлек к себе так, что их губы встретились снова. Шайлер разомкнула губы под его напором, а его рука скользнула ей под кофточку.

Девушка наклонилась к Джеку, опираясь на руки, потом он перевернулся так, что Шайлер оказалась лежащей навзничь, и прямо перед его глазами оказалось ее горло — белое, манящее.

Джек провел пальцем по ее шее, и Шайлер закрыла глаза от предвкушения.

Она чувствовала, как Джек целует ей подбородок, потом шею, и притянула его ближе, ближе.

В конце концов он позволил зубам скользить по ее коже, а потом одним быстрым толчком вонзил клыки.

Девушка ахнула. Джек никогда еще не осмеливался проникать так глубоко, и она не была готова к этому, но это было великолепно. Шайлер чувствовала, как их жизненная сила сплетается, слышала биение его сердца в своей груди — он держал ее в объятиях, и они были единым целым. У Шайлер закружилась голова от восхитительного дурмана, девушка схватилась за Джека, притягивая его все ближе.

«Еще! — передала она. — Еще!»

В ответ Джек на мгновение выпустил ее, а потом укусил снова. На этот раз, когда он поцеловал ее клыками, пронизывающая сладость наполнила ее все той же мучительной и прекрасной болью.

Она была его возлюбленной и его фамильяром. Они были соединены тысячей способов: крохотные незримые крючки связывали их воедино, что бы там ни твердили небеса или их бывшие обитатели.

ГЛАВА 9

ЗАСАДА

Когда Шайлер услышала звук шагов, был уже почти полдень. Приближающиеся к ней с Джеком думали, что могут застать их врасплох, — но в этом они ошибались. Шайлер лежала, не открывая глаз; ее голова покоилась на груди Джека. Она услышала шум, когда идущие были еще за несколько сотен футов: хруст веточек под ногами, крадущиеся шаги по лесной подстилке, приглушенные разговоры.

«Не шевелись, — мысленно сказал Джек. — Давай узнаем, что им нужно».

Шайлер не боялась, но все же ей было беспокойно. Приближающиеся не могли быть венаторами, но девушка ощущала их отчаяние и страх и знала, что они настроены недоброжелательно. О чем они с Джеком только думали, устроив себе этим утром отдых с расслаблением? Хорошо еще, что успели одеться. Шайлер слышала дыхание Джека, ощущала ровное биение его сердца.

— Встать! — приказал грубый голос.

Шайлер зевнула, потянулась и сделала вид, будто пытается проморгаться спросонья. Она встала и огляделась по сторонам. Джек последовал ее примеру. Встрепанные и покрасневшие, они выглядели как двое подростков, прикорнувшие вздремнуть днем и внезапно разбуженные.

Их окружала группа мужчин с ружьями и пистолетами. По их речи и манере держаться Шайлер предположила, что это крестьяне из какого-нибудь окрестного городишка, вероятно из Санто-Стефано — до него здесь было ближе всего. В здешней сельской местности было полно народу, никогда не покидающего своих деревень; традиции и профессии передавались неизменными от отца к сыну на протяжении поколений. Современный мир принес им мобильные телефоны и интернет-кафе, однако же они жили на фермах, в домах, построенных несколько веков назад и не имеющих отопления, сами пекли хлеб и сами делали колбасу.

Мужчины держали Шайлер и Джека под прицелом и внимательно смотрели на них. Девушка поняла, что они не злые.

Испуганные и чем-то одержимые, но не злые. Она немного успокоилась.

Джек поднял руки.

— Мы не хотим ничего плохого, — произнес он на безукоризненном итальянском.

— В этих горах запрещено устраивать стоянки. Вы кто такие и откуда идете? — сердито спросил поджарый мужчина, сузив глаза.

— Мы американцы. Из Нью-Йорка... мы тут в турпоходе, — ответила Шайлер, взывая к их гостеприимству. Итальянцы любят американских туристов. Американские туристы привозят доллары и покупают здешнее непомерно дорогое мороженое.

Другой мужчина, в футболке с эмблемой «Фиата», со взведенной старомодной «береттой», кивнул.

— Мы здесь не любим чужаков.

— Мы просто проходили мимо. Мы не знали, что здесь нельзя останавливаться, — объяснила Шайлер.— Пожалуйста, отпустите нас, и мы уйдем.

Джек попытался было встать, но заметил, что ему в голову нацелено дуло пистолета.

— Не двигайся.

— Пожалуйста, будьте благоразумны, — мягко произнес Джек, но в голосе его проскользнуло раздражение.

— Заткнись.

Шайлер взглянула на Джека. Стоило ему пожелать, и он мог в считанные мгновения стереть этих людей с лица земли.

«Не надо», — передала она ему.

Девушка закрыла глаза и сосредоточилась. Она слышала их мысли сквозь глом.

«Это просто дети, чего мы их не отпускаем, что там себе думает Джино? Они не могли уйти далеко с Мари Еленой, мы зря теряем время. Они могут что-то знать. Ну и что нам теперь с ними делать? Это глупо. Нам надо идти. Да оставьте вы их. Держать их, пока они не заговорят. Странные времена. Чужаки. Чужие. Мы не можем

доверять им».

«Они нуждаются в нашей помощи», — поняла Шайлер.

Они были испуганы и сбиты с толку, и главной причиной их страха была какая-то девушка. Нет, не так. Они боялись за девушку. Шайлер ясно видела эту девушку в их мыслях: совсем юная, на год-два младше ее самой. Шайлер приняла решение.

— Пожалуйста, расскажите нам, что произошло, — попросила она, — Вдруг мы сможем вам помочь. Вы же кого-то ищете? Кого-то, кто вам дорог. Мы — друзья отца Бальдессаре.

Заслышав имя священника, люди расслабились. Шайлер угадала верно. Петрувианский орден имел вес в здешних краях. Отец Бальдессаре был святым человеком, уважаемым человеком, пользующимся большим доверием. Шайлер с болью вспомнила о своем дедушке.

— Позвольте, мы вам поможем, — уговаривала их Шайлер, — Мы... нас этому учили. Пожалуйста, расскажите нам, что произошло.

Мужчины переглянулись, и в конце концов самый старший из них сказал:

— Они забрали мою дочь, Мари Елену.

А потом, не в силах больше сдерживаться, здоровяк спрятал лицо в ладонях и зарыдал.

Теперь за объяснения взялся Лука, самый младший в группе. Он, его отец, братья и дядья искали Мари Елену, его пятнадцатилетнюю сестру: ее похитили прошлой ночью контрабандисты, торгующие живым товаром, — лихие люди, часто встречающиеся в этой части света. Юноша вручил Шайлер фотографию красивой темноволосой девушки с густыми бровями и застенчивой улыбкой.

— В основном они крадут девушек из селений Восточной Европы, но нынче осмелели, стали захаживать и в наши края. Жизнь здесь нетрудная, как вы можете видеть, — произнес он, указав на зеленеющие окрестности. — Но скучная — все однообразное, не хватает острых ощущений.

Мари познакомилась с этим типом в интернет-кафе. Он был русским, но сказал, что едет учиться в Америку. Мари называла его своим бойфрендом. Они вроде как тайно бежали прошлой ночью, но

мы не думаем, что они собираются пожениться, — Он показал свой мобильник. — Я получил это несколько часов назад. «Это» было текстовым сообщением от Мари Елены. «Aiuto». «Помогите!»

— Мы очень сочувствуем вам и вашей сестре. Но почему вы не обратились в полицию? — поинтересовался Джек.

— Потому что полиция подкуплена контрабандистами, как обычно, — объяснил Лука. — Но мы думаем, что они недалеко, потому что они не передвигаются по дорогам — значит, все еще должны быть где-то в горах. Скорее всего, они направлялись в Леванто, там есть грузовая пристань.

— А что с ней будет, если вы ее не найдете? — спросила Шайлер, хотя и знала ответ.

Лука помрачнел.

— Да то же, что со всеми украденными девушками. Ее продадут и увезут. Мы никогда больше ее не увидим.

ГЛАВА 10

СОКРЫТОЕ

Шайлер провела крестьян к месту их стоянки; там их ждал Геди, восседая на собранных вещах. Услышав о похищении девушки, Геди разволновался. Он отвел Шайлер в сторонку, пока Джек делил мужчин на поисковые группы.

— Это похищение... мне нужно поговорить с вами об этом. Мари Елена — всего лишь последняя из похищенных, — произнес Геди, умудряясь при этом прятать их сумки в кусты.

— Да, они нам сказали, что в здешних краях пропадают девушки, — отозвалась Шайлер, помогая засыпать камнями сложенные палатки. Они собирались вернуться за вещами попозже.

— Нет, дело не только в этом. — Вид у Геди сделался расстроенный. — Для меня небезопасно говорить об этом здесь. Я хотел подождать того момента, когда мы будем под надежной защитой. Но мне необходимо поговорить с вами.

— О чем?

Геди взглянул на часы.

— Ее похитили прошлой ночью. Прошло слишком много времени. Уже слишком поздно. Им следовало бы бежать в монастырь в ту же минуту, как только девушка пропала. Другие, возможно, сумели бы найти ее прежде, чем... — Он покачал головой. — Вместо этого они принялись за поиски сами. И тем самым окончательно решили ее судьбу.

— Ничего не понимаю, — сказала Шайлер. — Что бы с ней ни произошло, мы должны постараться отыскать ее и спасти.

Молодой священник покачал головой, не стал больше ничего говорить, лишь пообещав все объяснить, когда они доберутся до монастыря, — и оставил Шайлер в недоумении размышлять над его словами.

Джек разделил крестьян на две группы. Одна должна была направиться дальше в горы, а вторая — спуститься к городу. Геди присоединился ко второй группе; он был знаком с портовой работой

и способен отыскать торговцев живым грузом. Шайлер с Джеком должны были двигаться отдельно и поддерживать связь с остальными при помощи портативной рации, позаимствованной у Луки.

Когда отряд разошелся в разные стороны, Шайлер рассказала Джеку о словах Геди. Джек согласился, что они не имеют права бросить девушку в беде, что бы там ни беспокоило Геди. Как давший присягу венатор, Джек обязан был не только служить сообществу, но и защищать невинных, будь то люди или вампиры. Он предложил не тратить время на ходьбу пешком. Быстрее всего отыскать девушку можно было, определив местонахождение ее духа в гломе.

— Этим лучше заняться тебе — может, от тебя она не станет прятаться, — сказал Джек, пояснив, что присутствие Шайлер с большим успехом выманит юную девушку из укрытия.

Шайлер закрыла глаза и потянулась во тьму. Она сосредоточилась на изображении с фотографии.

«Мари Елена, где ты?»

Когда Шайлер открыла глаза, она стояла в сумеречном мире глома. Она ощущала присутствие Джека и духов крестьян, разыскивающих девушку. Мир глома был серебристым и туманным, подернутым словно бы плотной серой дымкой.

«Мари Елена, я друг. Покажись. Со мной ты в безопасности. Скажи мне, где ты. Твои родственники ищут тебя».

Ответа не было.

Шайлер подождала, но впечатление было такое, словно она кричит в бездонный колодец. Она чувствовала, как ее сознание распространяется по Вселенной, но нигде не было ответного толчка — признака того, что она отыскала нужный дух. Шайлер открыла глаза.

— Ничего? — спросил Джек.

— Ничегошеньки, — Шайлер нахмурилась. — Такое впечатление, будто она не здесь... даже не в гломе. Не похоже, что она прячется. Скорее... как будто ее вовсе никогда не существовало.

Шайлер с трудом скрывала разочарование. Предупреждение Геди внушало ей беспокойство. Чего настолько боялся привратник?

Теперь Шайлер сильнее всего на свете хотелось вернуть Мари

Елену домой. Она ощущала некое родство с этой юной девушкой. Ведь ей самой было пятнадцать, когда ее жизнь изменилась. Она вполне понимала, как Мари Елена могла влюбиться в незнакомца, как можно поддаться любопытству и искушению пережить приключение, как ужасно, когда жажда познания мира оказывается сокрушена столь кошмарным образом.

«Я здесь! Здесь! Помогите!»

— О господи! — вырвалось у Шайлер. — Я только что слышала ее!

«Помогите. На помощь. Убийство. Помощь. Смерть. Помощь. Огонь. Помощь. Ад. Помощь».

Мысли девушки лились потоком бессвязной, перепуганной мольбы, спутанным, отчаянным монологом. Шайлер потянулась к Джеку. Тот поддержал ее.

«Ты в безопасности, ты в безопасности, ты теперь в безопасности. Покажи мне, где ты. Мы найдем тебя и защитим», — передала Шайлер, стараясь успокоить и утешить надломленную душу.

«Помогите. Помогите. Помогите. Убить. Умереть. Помощь. Огонь. Помощь. Ад. Помощь».

Шайлер резко, рывком пришла в себя и открыла глаза.

— Ты нашла ее? — спросил Джек. Он по-прежнему крепко держал Шайлер.

— Да. Я знаю, где она.

Шайлер схватила рацию и описала увиденное остальным участникам поисков. Темная пещера у русла пересохшей реки, зияющая, замшелая дыра в земле.

Из рации донесся испуганный возглас Геди.

— В чем дело? — спросила Шайлер. — Где она?

— Пещеру у русла пересохшей реки называют преддверием ада, — ответил священник со все возрастающей паникой. — Это в нескольких милях от Флоренции. Я буду ждать вас там.

Шайлер мгновенно поняла, чем вызвана реакция Геди. Возможно, именно поэтому священник с таким пессимизмом смотрел

на судьбу Мари Елены.

— Они забрали ее к вратам, — сообщила она Джеку. — Идем, у нас мало времени.

ГЛАВА 11

ПРЕДДВЕРИЕ АДА

Геди дал им точные указания, и Джек с Шайлер немедленно отправились в путь; благодаря скорости велокса они добрались к месту назначения в мгновение ока.

Раз похитители забрали девушку к воротам, то они не контрабандисты — размышляла Шайлер. А если они не контрабандисты, то кто они такие? Чего им надо от девушки? Не это ли было причиной беспокойства священника? Что именно Геди не хотел говорить им, пока они не будут «в безопасности»?

Они отыскиали пересохшее русло, ярко-красную ленту пятнистого, обожженного песчаника, что вела к темному устью пещеры. В точности как и описывала Шайлер, вход в пещеру порос мхом и был наполовину погружен в землю.

Джек пинком отбросил в сторону куст, перекрывавший вход, и первым двинулся вниз. Он подобрал палку и зажег на ее конце голубой огонек.

— Покажитесь! — крикнул он.

Голос его эхом отразился от каменных стен.

В пещере было темно и пахло сырой землей. Неужто это и был путь к воротам обетования? Шайлер ощущала в воздухе нечто отвратительное и угрожающее; они медленно двинулись вниз, осторожно ступая в густом мраке.

— Преддверие ада. Правда, интересное название? Похоже, у Красной крови талант давать названия, не зная их истинного значения. Но очевидно, они ощущают здесь что-то, — сказала Шайлер.

— На проявления силы реагируют все, — отозвался Джек.

Лучи света от его факела уходили вдаль, в кажущийся бесконечным туннель.

Шайлер немного поскользнулась на влажном мхе и схватилась за руку Джека, чтобы не упасть. Она оглядела темное замкнутое пространство. К собственному удивлению, она обнаружила, что

здесь, внизу, гнетущее ощущение обреченности ослабело, отчасти сменившись тоской одиночества.

Они остановились и вгляделись в темноту. Факел Джека освещал пещеру совершенно заурядного вида, с камнями, зелеными от мха, и песчаным полом. Пещера была усеяна обычными следами пребывания подростков: раздавленными окурками и пустыми бутылками из-под пива.

«Что-то не так», — послал мысль Джек.

«Ты тоже это чувствуешь? — переспросила Шайлер. — Но что же?» Потом она поняла.

«Они не здесь. Врата обетования не здесь».

« Нет. Здесь лишь дымовая завеса. Искусно сделанная иллюзия».

Пещера, которую называли преддверием ада, была всего лишь домом с привидениями, предназначенным для отпугивания местного населения, способом отвлечь внимание от подлинной угрозы.

— Что мы знаем про Голубую кровь? — задумчиво пробормотал Джек.

— Что они не любят излишней простоты, — начала перечислять Шайлер. — Что они хранят свои тайны. Они несут в мир покой, искусство и свет. Они — высокоцивилизованный народ. Они строят храмы и монументы, золотые города, что поднимаются к небесам, — произнесла она, думая о Париже и его красоте.

— Вот именно. Вспомни врага, которые мы уже нашли. Врата возмездия под статуей — скульптура, икона. Вторые врата — под самым красивым во всей Северной Америке готическим собором. Никакой вампир не стал бы возводить врата в дырке в земле, в грязной пещере.

Джек покачал головой.

— Да. Ты совершенно прав. Кто бы ни разместил это здесь, он сделал это нарочно, чтобы скрыть истинное местонахождение врат, — согласилась Шайлер. — Но если это не врата — тогда почему петрувианцы охраняют это место?

ГЛАВА 12

СИМВОЛ

Шайлер расхаживала по каменистому полу. А что им вообще известно про орден петрувианцев? В тот первый вечер Геди попросил их довериться ему. Он назвал Лоуренса ван Алена другом — однако же они никогда не встречались. Насколько правдива его история? После месяца заточения в гостях у графини Шайлер упрекала себя за то, что не была более осторожна.

— Как ты думаешь, не ошибаемся ли мы насчет Геди? — спросила она Джека.

Юноша покачал головой.

— Лучше доверять и столкнуться с предательством, чем подозревать всех и вся. Твое открытое сердце — это дар. Например, оно привело тебя ко мне.

А в данном случае мне не кажется, что Геди нас обманывает. Кроатан не использует Красную кровь. Я сомневаюсь, что он вообще когда-либо бывал здесь. Если орден петрувианцев был основан, как я предполагаю, изначальным привратником, Альциона должна была следовать определенным принципам обращения с людьми. Это общепринято, конспираторы проделывали это сотни лет. Они говорят Красной крови ровно столько, сколько тем нужно знать.

Они еще раз обошли темную пещеру, и Шайлер увидела кое-что, чего не заметила в первый раз: знак, высеченный на одной из стен. Это был триглиф, символ из трех частей. Первой частью были два пересекающихся круга, принятый среди Голубой крови знак объединения. Вторым шло изображение животного, которое им не удалось идентифицировать. А третьего символа Шайлер никогда прежде не видела: это был меч, пронзающий звезду.

— Это знак архангела, — объяснил Джек. — Звезда означает ангела, который носил этот знак. Люцифера. Утреннюю звезду.

Падшего ангела.

Шайлер провела пальцем по линиям триглифа.

— Ты когда-нибудь уже видел такое?

— У меня такое ощущение, что да, видел... где-то в прошлом. Но не могу вспомнить, — признался Джек, разглядывая триглиф и поднеся факел поближе, чтобы свет сфокусировался на изображении, — Возможно, это защита, сохраняющая заклинание смерти вокруг этого места.

— Почему-то мне так не кажется. — Шайлер не могла оторвать взгляда от триглифа. Символ обладал каким-то гипнотическим, убаюкивающим эффектом, и разрушил его только звук шагов. — Это Геди. Давай не будем говорить ему об этом, пока не выясним, что же ему известно.

Джек кивнул и направил факел в сторону входа, чтобы помочь отыскать путь. Когда священник добрался до них, дыхание его было прерывистым.

— Вы нашли ее? — спросил он, с беспокойством оглядываясь по сторонам.

— Нет. Нам надо идти. Если она не здесь, надо сообщить об этом родственникам, — ответил Джек.

На лице Геди отразилось облегчение, и они принялись подниматься вверх.

— Подождите!

Шайлер остановилась. Она услышала нечто знакомое: тихое отдаленное скуление, приглушенный стон страдающего существа.

— Сюда!

Она кинулась в самую дальнюю, самую глубокую часть пещеры, к маленькой скорчившейся фигурке, связанной, брошенной в темноте.

— Мари Елена! — шепотом позвала Шайлер.

Она присела и потрогала лоб девушки. Горячий. Обжигающе горячий. Надо надеяться, что это простуда, а не что-нибудь похуже.

Девушка пошевелилась и снова застонала.

Священник перекрестился и опустился на колени рядом с ней.

— Вы знаете, где находитесь? — спросила Шайлер по-итальянски.

— В пещере, — ответила Мари Елена, не открывая глаз. — Рядом с пересохшей речкой.

Джек снял куртку и набросил на девушку.

— Вы знаете, почему вы здесь? — спросил он.

— Они принесли меня сюда, — отрешенно произнесла девушка.

— Кто они? — спросила Шайлер. — Что они с вами сделали?

В ответ Мари Елена невольно задрожала, словно в припадке.

Шайлер обняла девушку и принялась успокаивать.

— Все хорошо, все хорошо, — шептала она. — Все будет в порядке. Теперь ты в безопасности.

Но девушка лишь покачала головой и крепко сжала губы.

— Вот, — предложил Геди и положил на ее пылающий лоб холодный носовой платок.

Шайлер осмотрела девушку в глOME, воспользовавшись возможностью заглянуть в ее воспоминания. Ухажер Мари Елены увез ее из городка в горы. Он новел ее напрямиком в лес. А дальше — ничего. Пелена, туман. Девушка очнулась и обнаружила, что находится в пещере.

Джек перерезал веревки и помог Мари Елене встать. Шайлер подхватила ее под руку. Девушка пошатнулась и упала без чувств.

Геди кинулся к ней.

— Дайте-ка я помогу.

А потом все завертелось слишком быстро, потому как Шайлер осознала — священник держит у горла Мари Елены нож с рукоятью из слоновой кости.

— Что вы делаете?! — воскликнула Шайлер и кинулась к девушке и священнику, а сзади к ним приблизился Джек.

— Исполняю свое предназначение, — ответил Геди, поддерживая девушку, которая болталась теперь у него в руках, словно тряпочная кукла.

Сверкающее лезвие было прижато к яремной вене. Тонкая блузка Мари Елены у шеи затрепетала, и Шайлер на миг снова увидела триглиф. На этот раз он был выжжен на груди девушки.

Пересекающиеся круги. Животное. Знак Люцифера. Он сиял во тьме, словно маяк.

Шайлер сосредоточилась на мощном принуждении, пытаясь остановить священника, но тут на нее обрушился неожиданный удар, и девушка отлетела к каменной стене. Удар этот нанес не Геди — он сам, судя по виду, пришел в замешательство. Ударил кто-то другой — или что-то другое.

— Шайлер! — разнесся по пещере полный боли крик Джека.

«Все нормально», — хотела мысленно сказать она ему, но обнаружила, что не может этого сделать.

Она не могла шевелиться, не могла говорить — ее парализовало во всех отношениях. Шайлер пыталась найти способ вырваться из оков, но это заклинание было не таким простым, как тогда у Игги. В этом заклинании чувствовалось присутствие черной магии, запрещенных действий, сделавших оковы крепкими, как камень.

Это вам не разношерстная компания крестьян, ищущих пропавшую девушку, — сейчас засаду устроили вампиры, с вампирской быстротой и силой.

— Не дергайся, или твоя девушка превратится в миленький костер, — произнес неизвестный вампир. Он протянул венатору веревку и двинулся к Джеку, намереваясь связать ему руки. Во второй руке у него был факел, пылавший черным огнем.

«Нет! — послала мысль Шайлер, отыскав свой голос в полумраке, хотя она пока что оставалась полностью недвижна. — Почему ты это делаешь? Ты работаешь на графиню?»

«Я ни на кого не работаю. Я не вхожу ни в какой клан. Это чисто личное».

«Так, значит, дело дошло до этого», — поняла Шайлер. Мими назначила награду за голову Джека, и этот вампир решил ее получить.

«Пожалуйста, не надо! У нас есть деньги — мы можем заплатить тебе. Я выкуплю его жизнь. Пожалуйста!» — беззвучно крикнула Шайлер.

«Извините, мисси, но я совершенно уверен, что вы не сможете дать цену больше, чем Мими Форс».

Охотник за головами скользнул к Шайлер, и она увидела нависшее над ней мрачное, искаженное лицо.

— Я пойду сам. Отпусти ее, — заявил Джек спокойно и отчетливо, отказавшись от сопротивления.

Вампир затянул узлы так, что у Джека на запястьях выступила кровь. Как только Джек был связан, вампир прошептал над пламенем несколько слов, и огонь погас; факел теперь походил на серый кусок угля. Вампир проворно сунул его в задний карман.

Геди встревоженно взглянул на вампира-ренегата, но стоило ему понять, что тот не собирается с ним ссориться, как лицо его снова застыло и он приготовился к исполнению мерзкой задачи.

Мари Елену убьют.

Джека заберут.

Шайлер ничего не могла с этим поделать — она могла только кричать мысленно.

ГЛАВА 13

ВРЕМЯ АНГЕЛА

У нее было слишком мало времени, чтобы сделать что-либо в реальном мире, где на нее напали и ее схватили. Потому Шайлер обратилась внутрь, в собственную душу и в глом. В этой внутренней вселенной время существовало иначе.

Шайлер открыла глаза в тумане сумеречного мира и почувствовала тяжкие объятия удерживавшего ее темного заклęcia. В глOME оно проявлялось как оплетающие ее змеиные кольца. Шайлер чувствовала прикосновение влажной чешуи по всему телу, и кольца эти сжимались все сильнее. Они были повсюду — стягивали талию, обвивались вокруг ног, скользили по пальцам. Шайлер почувствовала исходящее от них зловоние тины и содрогнулась, услышав издаваемый змеями скрежещущий звук.

Заклинание стазиса действовало как часть принуждения, разновидности контроля над разумом — оно заставляло жертву верить, что та находится в ловушке, и потому овладеть этим фактором было чуть ли не труднее всего. Надо было перестать верить в то, что находилось прямо перед тобою.

Шайлер сосредоточилась на змее, располагавшейся ближе всего к ее голове. Она чувствовала холодное тело рептилии, обвившееся вокруг ее плеч. Шайлер повернула голову, чтобы взглянуть ей в глаза. Это оказалась наводящая страх королевская кобра; она уже вздыбилась и раздула клобук, готовясь напасть. Змея обнажила клыки и зашипела.

Но прежде чем она успела ударить, Шайлер преодолела отвращение, ухватила кобру за хвост и одним плавным движением сорвала змею с себя и растоптала ей голову.

В мгновение ока она вновь очутилась в реальном мире, в пещере, и в руках у нее был меч ее матери.

— Стоять! — скомандовала Шайлер звенящим от ярости голосом.

Священник поспешил вонзить нож в горло девушки, но, прежде чем лезвие вспоролo кожу, Шайлер отбила его, и нож зазвенел на

камнях. Мари Елена упала наземь, и Геди с нею, сбитый принуждением сдаться.

Джеку только этого и требовалось. Он неистово взревел, разорвал веревку и преобразился в ужасающего Ангела разрушения; за спиной его развернулись великолепные черные крылья, витые рога увенчались алмазными остриями, а глаза вспыхнули леденящим кровь красным светом. Он схватил дрожащего охотника за головами и сжал когти.

— Джек, не надо! Не убивай его! — крикнула Шайлер.

«Пусть здесь сегодня не прольется кровь».

— Послушай девушку... — прохрипел охотник.

Шайлер нежно коснулась оперения крыльев Аббадона и почувствовала кроющуюся под этой шелковистой оболочкой мощь. Некогда она испугалась, увидев Джека в этом облике, но теперь, узрев его устрашающий истинный лик, сочла его прекрасным.

Он повернулся к ней. В облике Аббадона он одновременно был ни капли не похож на Джека и был им еще явственнее.

«Он хотел причинить тебе вред».

«Пожалуйста, любимый».

И на месте Аббадона вновь возник Джек, покрасневшийся и такой красивый. Он рывком вздернул охотника на ноги.

— Убирайся. Передай моей сестре, что ее прихвостень потерпел неудачу. Передай, что никто и ничто не вернет меня обратно.

Охотнику за головами этого хватило с лихвой. Никто и глазом не успел моргнуть, как он исчез. Шайлер рухнула в объятия Джека, и они приникли друг к другу.

«Я думала, что вот-вот потеряю тебя», — мысленно сказала она.

«Никогда. Мы никогда не расстанемся». Джек опустил голову ей на плечо, а Шайлер — ему на грудь; она слышала размеренные удары его сердца, и их сердца бились рядом.

«Никогда».

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Флоренция, 1452 год

Поутру Томи вернулась к своей работе в мастерской. Мастер должен был вернуться только завтра, но еще очень многое предстояло сделать. Девушка поздоровалась с другими подмастерьями и уселась на свое место в дальней части комнаты, где и принялась вырезать рельеф для восточных дверей баптистерия. Работа была кропотливой и трудоемкой, но Томи наслаждалась ею, находя великолепие и красоту в мелких деталях. Вскоре она погрузилась в свои мысли; руки девушки скользили по мрамору, а разум сосредоточился на событиях месячной давности.

Что это может значить — человек, носящий метку Князя тьмы? Неужто старый враг изыскал способ вернуться на землю? Этого не может быть! Они отправили дьявола в ад, заперли Калигулу за неразрушимыми воротами. Они совместно послали в мир Орден семерых, дабы хранить пути мертвых. Этот человек в одеянии Цитадели был самозванцем. Его никто прежде не видел. Он был чужим в их городе. Андреас считал, что человек солгал и то существо не было демоном, но Томи одолевало беспокойство.

Томи было шестнадцать лет. Она уже знала, кто она такая и каково ее место в этом мире. После кризиса в Риме венаторы во всех последующих жизнях видели свою задачу в том, чтобы охотиться на оставшуюся Серебряную кровь, на тех, кто оказался по эту сторону захлопнувшихся врат и до сих пор бродил по земле. Это было тайной, и венаторы хранили ее ради покоя вампирского сообщества. Голубой крови нечего бояться Кроатана. Андреас успешно оберегает свой народ уже сотни лет. Преследование Кроатана — это такая же рутина, как для кота — охота на мышей. Необходимая и эффективная.

И вдруг — вот это. Томи снова увидела триглиф, кровь, проступившую на руке мужчины, и уронила резец, оставив уродливый штрих на барельефе. Мастер будет недоволен.

— Ты нервничаешь, друг мой, — произнес Джио, подбирая резец и возвращая девушке. — Не надо. Мы об этом позаботимся.

Томи кивнула.

— Мне просто хотелось бы, чтобы Дре был здесь.

Андреас дель Поллайоло ^[2]был самым молодым из советников Лоренцо де Медичи; он трудился, помогая этому семейству укрепить свою власть над Флоренцией и обойти другие влиятельные семейства города. Банки Медичи процветают, семейство управляет филиалами во всех крупных городах Европы. Это прикрытие с легкостью позволяло Дре разъезжать по континенту, не вызывая подозрений.

Но Томи знала другую причину, заставлявшую Дре столь напряженно трудиться над тем, чтобы распространить влияние Медичи далеко за пределы их прекрасного города. Он непрестанно помнил о кризисе в Риме. Хотя он добился своего, изгнал Люцифера из мира, он оказался не в силах остановить упадок славной республики, которую развратил Утренняя звезда под именем Калигулы. Рим был потерян. Дре намеревался восстановить его славу. Он был полон решимости завершить начатое и обещал не только возродить славу Рима и античную культуру, но и вознести их на новый уровень. Он уже переписал кодекс вампиров с таким расчетом, чтобы упорядочить человеческую историю и внушить человечеству вкус и ценности Голубой крови — прославление искусства, жизни, красоты и истины. Он приведет человечество к возрождению — говорил он Томи во время их многочисленных разговоров о том, чего они надеялись добиться в этом цикле. Он уже дал этому название: Ренессанс.

Но вся эта работа уводила возлюбленного прочь от нее, и с ночи той погони им не досталось даже и минуты, проведенной вместе.

Он всегда был таким — ее Михаил. Андреас. Кассий. Менее. Какое бы имя он ни носил, он всегда принадлежал ей. Он был ее силой, ее любовью, ее причиной бытия. Они будут сражаться с этой новой угрозой вместе. Она будет ждать его возвращения, и он поразится, как настойчиво она трудилась над тем, чтобы разоблачить их тайных врагов и раскрыть истину, стоящую за меткой Красной крови.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИМИ ФОРС, РЕГЕНТ КЛАНА

Нью-Йорк

День нынешний

ГЛАВА 14

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

В лексиконе Мими Форс слов «жалость к себе» не было. Вместо того чтобы проклинать одиночество и изоляцию, в которой она оказалась из-за одновременной потери своего близнеца и возлюбленного — впервые за долгую бессмертную жизнь Мими это были двое разных мужчин, — она с головой ушла в дела Совета, похоронив гнев и горе под грудой работы и найдя утешение в руководстве бюрократическим аппаратом большой и бестолково деятельной организации.

Старая карга Корделия ван Ален называла нынешнее время закатом вампиров — как будто на сцену опустили тяжелый бархатный занавес и для Голубой крови настал час сойти со сцены. (Мими всегда нравилось это выражение — «сойти со сцены». «Сойти со сцены» — куда более интересный способ покинуть этот бранный мир, как будто вампиры готовы раскланяться перед аплодирующей публикой, а не просто убраться куда-то в тень.)

Если же это и вправду был их конец — ее конец, — то он был нестерпим. Мими не для того прожила множество жизней, чтобы окончить путь в одиночестве, без привычной поддержки Джека, без притягательной заносчивости Кингсли, помогающей ей держаться в тонусе. Она не собиралась сдаваться так легко.

Мими открыла дверь своего нового кабинета. Неделю назад, поскольку Форсайт Ллевеллин пропал после «бедствия» — как все называли ту пародию, в которую превратилась церемония заключения уз, — Совет всерьез заговорил о новом руководителе. К удивлению Мими, на поверхность всплыло ее имя. Через неделю после злосчастного несостоявшегося заключения уз Мими перехватили после уроков Амброуз Барлоу, энергичный джентльмен ста одного года от роду (продление никла было дозволено, дабы заслуженные деятели в отставке вновь могли послужить сообществу), и Минерва Морган, острая на язык старейшина Комитета, одна из ближайших подруг Корделии ван Ален, и принялись энергично доказывать свою точку зрения. Выставить свою кандидатуру на должность региса Мими отказалась — ну не тогда же, когда Чарльз жив, хоть и неизвестно где находится! — но согласилась принять

титул регента, номинального главы клана в то время, когда вампиры были лишены вождя.

Мими устроилась в удобном, эргономичном офисном кресле, ею же и заказанном, и вывела на экран базу данных Комитета. Сделать нужно было много: выбрать самых сильных членов и продвинуть их в ослабевший Совет, просмотреть списки личного состава венаторов, ввести новых подросших членов в молодежный Комитет — список дел грозил стать бесконечным. Форсайт оставил после себя редкостный беспорядок. Такое впечатление, что за время своего пребывания у власти он вообще ничем не интересовался, кроме Комитета, и многие подкомитеты — «Здравоохранение человеческих служб», «Центры трансформации» — были катастрофически недоукомплектованы.

Кстати, о Форсайте. Никто также не знал, где находится Блисс. Эти двое, возможно, бежали вместе, насколько было известно Мими. Ну и скатертью дорожка. После исчезновения Форсайта Ллевеллина венаторы обнаружили доказательства того, что предшественник Мими давал укрытие злейшему врагу Голубой крови и сыграл важную роль в организации нападения Кроатана на собор. Форсайт был предателем, змеей, которую Совет пригред на груди.

Что же касается Кингсли, у Мими до сих пор стояло перед глазами его ладо — таким, каким оно было за миг до того, как его стерло сабвертио. Он смотрел на нее с такой любовью... Где он теперь? Жив ли еще? Увидит ли она его снова? Иногда, принимаясь думать о нем, Мими ловила себя на том, что уже несколько часов смотрит перед собой невидящим взглядом — просто уставившись на мигающий курсор на экране компьютера, а сердце ее ноет от боли. И ничего, абсолютно ничего не помогало ей почувствовать себя лучше. Мими пыталась швырять деньгами, просадила с карточек какую-то невероятную сумму на шопинг, консультировалась у множества целителей и психотерапевтов. Но ничто не помогало, хотя прошел уже месяц. Если бы не многочисленные заседания Совета и селекторные совещания, она бы, наверное, сошла с ума от отчаяния.

Конечно, хотя Мими теперь и была регентом, ей еще нужно было закончить свой выпускной класс. Всяческим неотложным делам оставалось ждать до тех пор, пока она не сдаст экзамены — во всяком случае, по мнению Тринити, которая считала, что даже необходимость руководить вампирским сообществом — не повод

пропускать уроки. Мать позволяла ей выделять всего несколько часов в день на новые обязанности. Как будто мало было того, что все розыски Джека ничем не увенчались, так еще и Тринити не позволяла Мими уделять меньше времени школе.

Хотя поначалу она приняла титул без особого желания, постепенно эта идея начала греть Мими душу, особенно после того, как она поняла, что может воспользоваться новым положением к собственной выгоде. В качестве бесстрашного лидера клана она могла делать все, что пожелает. Шла первая неделя ноября. Она уже месяц как занимала свой пост, однако же до сих пор не применила власть кое для чего, что ей отчаянно хотелось сделать, — первым делом приходилось заботиться о нуждах сообщества. Но наконец-то день настал. Сегодня она поговорит с этим Оливером Хазард-Перри. Для этого его пришлось вытащить из недр Хранилища, и вот Мими позвонил ее секретарь и сообщил, что Оливер уже ждет в приемной.

— Проведите его ко мне, Дорис, — распорядилась Мими, готовясь к предстоящей, как она была уверена, схватке. Этот презренный человек-проводник был для нее единственной ниточкой к ее вероломному брату, и Мими преисполнилась решимости вытрясти из него все, что он знает о местонахождении Джека.

Оливер вошел в кабинет. Мими почти не знала этого парня и в прошлом обращала на него внимание лишь из-за его близости к сопернице, оспаривающей у нее внимание Джека. Но даже при этом Мими видно было, что он со времен их последней встречи стал выглядеть иначе — в глазах появилось нечто такое... некое смирение, которого не было раньше. Хотя опять же — а кто не изменился после того злосчастного дня заключения уз? Мими и сама как-то взглянула в зеркало и испугалась, увидев там изможденную, пришибленную горем девчонку. Трагедия разрушила ее имидж загорелой девушки с обложки. Это надо было прекращать.

— Звонила? — спросил Оливер.

Лицо его превратилось в маску глубокого страдания, и Мими удивилась, что он еще сохраняет способность шутить.

Она отбросила волосы назад.

— Что за обращение к вышестоящему, человек?

Оливер ухмыльнулся.

— Прошу прощения, мадам. — Он удобно устроился в кресле для гостей. — Чем могу быть полезен?

Мими сразу перешла к делу.

— Ты знаешь, где они.

В ту же минуту, как ее брат покинул город, Мими послала в погоню за ним армию венаторов и наемников, но до сих пор никому из них не удалось предать его в руки правосудия. А поскольку Джек покинул клан, он отказался и от предоставляемой им защиты, так что его дух невозможно было проследить в гломе.

— Они? — переспросил Оливер, выразительно приподняв бровь.

— Мой брат и его... — Мими не сумела заставить себя произнести эти слова. — Ты знаешь, куда они отправились. Венаторы сообщили мне, что ты был в аэропорту, когда они скрылись.

Оливер сцепил руки и твердо взглянул на Мими.

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это заявление.

— Не прикидывайся скромником. Ты знаешь, где они, и ты должен мне это сказать. Ты теперь работаешь на меня. Или посмеешь пренебречь кодексом? Ты знаешь, что наказание для проводников за непокорность — двадцать лет одиночного заключения! — прорычала Мими, подавшись вперед над столом и обнажив кончики клыков.

— О, да мы никак припутываем к этому кодекс?

— Если придется — да, — угрожающе произнесла Мими.

В качестве писца Хранилища Оливер занимал самую нижнюю ступеньку в иерархии. Он был второстепенной фигурой — какой-то там малооплачиваемый клерк. В то время как она была Мими Форс. Она теперь была регентом! В настоящий момент она была единственным, что удерживало клан от распада.

Оливер хитро улыбнулся.

— Тогда я вынужден в свою защиту воззвать к пятой заповеди.

— К пятой заповеди?

Эти слова повлекли за собой какие-то ассоциации, но Мими предпочла их проигнорировать. Она была всемогущей, а он — всего лишь фишкой в одной из игр, которую она вела. Раздавить этого

человечишку, этого таракана! Никто не смеет отказывать Азраил, когда она чего-то желает!

— Прошу прощения, если мои слова звучат покровительственно, но, согласно пятой заповеди кодекса вампиров, существует такая вещь, как конфиденциальность отношений вампира и его проводника. Я имею право не разглашать никакой информации о моей бывшей госпоже из Голубой крови. Наведи справки. Эти материалы можно найти в архивных делах. Ты не можешь меня и пальцем тронуть.

Мими схватила со стола лампу от Тиффани и запустила ею в Оливера, но тот исхитрился увернуться в последний момент.

— Спокойнее, дорогая, спокойнее.

— Вон из моего кабинета, слизняк!

Оливер медленно выпрямился и собрал свои вещи, устроив из этого целое представление. Ясно было, что он наслаждается раздражением Мими. Но все же, прежде чем выйти, он обернулся и в последний раз обратился к ней. Голос его был неожиданно мягок.

— Мими, ты знаешь, что я, как и ты, понес потерю. Я понимаю, что мое сочувствие мало что для тебя значит, но я вправду искренне тебе сочувствую. Я очень любил Шайлер, и я знаю, как ты любила Джека.

Джек! Никто не смел произнести это имя при Мими. И она испытывала по отношению к своему близнецу отнюдь не любовь, а сбивающую с толку смесь потрясения и печали. Любовь? Вся остававшаяся у нее любовь превратилась в ослепительную, цветущую пышным цветом ненависть, которую Мими лелеяла в душе, пока та не стала сверкать подобно изумруду.

— Любовь! — прошипела Мими. — Вы, фамильяры, ничего не знаете о любви! Чокнутые люди, вы никогда не испытывали любви! Вы чувствуете лишь то, чего требует от вас целование! Оно не настоящее! И никогда не было настоящим!

На мгновение вид у Оливера сделался такой уязвленный, что Мими захотелось забрать свои слова обратно, особенно с учетом того, что это были первые слова сочувствия, услышанные ею после потери всех, что-либо значивших для нее. И все-таки приятно было выпустить свою ненависть наружу, направить ее на кого-то. Тем хуже для Оливера, что он попытался помочь ей. Глупец. Он лишь оказался

на линии огня.

ГЛАВА 15

СМОТРИТЕ ВАШЕ ВИДЕО

Груша раскачивалась из стороны в сторону, словно маятник, и Мими с огромным удовольствием пнула ее еще раз, точно в середину. Она отправилась в спортзал напрямик из своего кабинета в конце рабочего дня. Не нужно ей ничьей жалости, особенно чтобы ее жалел какой-то дурацкий писец из Хранилища! Да уж, воистину тяжелые настали времена, если человек жалеет вампира! Особенно вампира с ее происхождением и статусом. Куда только катится мир? Она пережила римский кризис и выдержала путешествие в Плимут, и все это только для того, чтобы оказаться объектом сочувствия со стороны Красной крови? Чушь какая! Мими снова пнула грушу, послав ее в другой конец комнаты. Мышцы ныли, поскольку она вот уже четыре часа как выколачивала из груши пыль.

Мими представила себе Джека: с окровавленным лицом, униженно согнувшегося и умоляющего о пощаде. Какое это будет удовольствие — наконец-то перестать сдерживаться и дать волю ярости! Каждый день, каждую минуту ее снедала жажда мести. Она жила и дышала этой жаждой. Гнев подпитывал ее волю к жизни. Где он? Что он делает? Думает ли он о ней вообще?

«Ну почему я не могу просто плюнуть и выбросить это из головы?!» — подумала Мими, когда груша извернулась и стукнула ее, заставив на мгновение потерять равновесие.

Она даже больше не хотела Джека — она это поняла еще у алтаря. Ну да, он не хотел ее, но ведь и она же его не хотела. Так почему же она настолько одержима идеей убить его? Да потому, что кто-то должен заплатить за Кингсли. Кингсли ушел. Он мертв либо заперт в ловушке — без разницы. И ей легче было испытывать разрушительный гнев, направленный на брата, чем неодолимое горе от смерти возлюбленного. Мими просто убивала мысль о том, что Джек выжил, а Кингсли — нет. Что Джек сейчас где-то там счастлив со своей любовницей-полукровкой, а она, Мими, одинока. Кто-то должен был заплатить за все ее утра ты — изаплатит. Раз уж Мими не может быть счастлива, с чего вдруг должен быть счастлив кто-то другой.

Это было запредельно утомительно — все время пребывать в

гневе, и Мими страстно желала того физического изнеможения, которое ей приносили изматывающие тренировки. Обычно, покинув спортзал, она в оцепенении еле доползала домой, такая изможденная, что ее хватало лишь на то, чтобы лениво валяться на диване с ноутбуком, отвечая на сообщения в онлайн-чате и повышая свой статус в социальных сетях. Нынешним вечером, когда Мими вернулась в их городской дом, он был пуст — и неудивительно. Тринити, как обычно, исполняла какие-то общественные обязанности. А дом был слишком велик для них двоих. Прислуга держалась в стороне, и тишина в доме стояла такая угнетающая, что обычно по вечерам Мими врубала на полную и стереосистему, и телевизор, а сама в это время лазила по Сети.

Девушка закинула пропахшую потом спортивную форму в корзину для белья и быстро приняла душ. Накинув банный халат, она включила компьютер и зашла в свой почтовый ящик, пролистать список входящих писем. На самом верху стояло письмо с неизвестного адреса. Хотя комитетовская команда техподдержки умоляла ее прекратить так делать, Мими традиционно пропускала мимо ушей все предостережения насчет вирусов, которые могут содержаться в письмах от неизвестных, и в результате компьютер ее выходил из строя несколько раз в месяц. Мими не могла устоять против соблазна: она была слишком любопытна, чтобы не открывать такие письма. Вот и сейчас она щелкнула мышкой и открыла письмо. Там не было ничего, кроме ссылки. Мими щелкнула и по ней и морально приготовилась к атаке на компьютер, крушению операционной системы или появлению на экране какого-нибудь порнушного ролика. И ссылка на самом деле привела ее к ролику — но отнюдь не порнографического содержания.

На экране действительно появился нечеткий видеоролик — череда кадров, снятых камерой без штатива, пляшущей в руках, то и дело меняющей угол съемки. В конце концов Мими разглядела, что два темных силуэта в центре экрана определенно были подростками, целующимися и обжимающимися на диване.

Так значит, это все-таки порнушка. Мими уже готова была закрыть окно, но что-то ее остановило. Масштаб съемки увеличился, и Мими поняла, что подростки на экране не просто трахаются. Лицо девушки было скрыто длинными волосами, но Мими видела ее губы, прижатые к шее юноши, и кровь, текущую по ее подбородку, и видела, как юноша корчится и извивается в экстазе.

Все это было даже слишком знакомо: страстные движения юноши, то, как девушка держала его — достаточно бережно, чтобы контролировать неистовство парня, но при этом достаточно крепко, чтобы он находился именно в том положении, как хотелось ей. Сколько раз она, Мими, проделывала то же самое в той же самой позе? Это была практически иллюстрация из справочника Комитета. Нельзя допускать, чтобы голова фамильяра запрокидывалась назад, потому что тогда он лишится доступа кислорода к мозгу либо может подавиться языком.

Мими смотрела, оцепенев, как девушка отстранилась, камера на мгновение дала крупным планом ее клыки цвета слоновой кости, и они заблестели на свету, являя зрителю свою остроту и красоту, прекраснее и острее любой отфотошопленной иглы. Тем временем юноша обмяк на диване, одурманенный, побежденный — и на ближайшие сорок восемь часов бесполезный. Девушка — ее лицо по-прежнему оставалось в тени — нежно поцеловала его в губы и встала с дивана.

В нижнем углу экрана красовались дата и время съемки. Мими успела прикинуть, что это происходило на прошлых выходных, и тут камера показала комнату побольше, где присутствовала компания подростков. Стоп-стоп! Комната показалась Мими знакомой — эти шторы из дамаста и картина Ренуара на стене... Если подойти к картине слишком близко, сработает беззвучная сигнализация и дворецкий выпроводит вас прочь. Мими не раз бывала в этих апартаментах. Это был пентхаус, принадлежащий родителям Джейми Кипа, а ролик зафиксировал вечеринку в честь восемнадцатилетия Джейми. Мими была там в прошлую пятницу. Она ушла рано, потому что ей стало скучно. Недавно принятые члены Комитета были мелкими и нетерпеливыми, одурманенными вкусом впервые испробованной крови, а Мими все еще чересчур переполнял гнев, чтобы она могла как следует повеселиться.

Когда камера снова повернулась к девушке, та стояла к ней спиной — а потом исчезла в мгновение ока и появилась уже в другом конце комнаты, рядом с бочонком. Это не было каким-то трюком, спецэффектом или ловким монтажом. Было совершенно очевидно, что девушка находилась в одном месте, а потом, без всякого естественного объяснения, оказалась в другом. Боже милостивый, только не говорите, что...

Камера тем временем зафиксировала новые вампирские фокусы. Безмозглые новички выделялись: один поднимал рояль одной рукой, другой превратился в туман. Обычное юношеское буйство: вампиры упивались новообретенными силами, пришедшими вместе с трансформацией.

У Мими противно заныло под ложечкой. Кто, черт подери, снимает их? Вечеринки Голубой крови всегда были закрытыми: туда допускались только вампиры, их фамильяры и те, кто вот-вот должен был стать фамильяром. Так полагалось. А происходящее шло вразрез со всеми требованиями кодекса. Это было разоблачение. Ролик стоял в открытом доступе. Его еще кто-нибудь видел? Мими почувствовала, как волосы у нее на шее встали дыбом.

Экран потемнел, и на нем появилась надпись: «Вампиры реальны. Откройте глаза. Они вокруг нас. Не верьте их лжи.

Да здравствует госпожа!»

Кто-кто? Это что такое? Мими все еще пыталась осознать прочитанное, когда изображение на экране вновь изменилось. Теперь показывали другую комнату, и девушка теперь была связана; во рту у нее был кляп, а на глазах повязка, и ее по-прежнему невозможно было узнать. По серебряной отсрочке Мими узнала одеяние венатора. Да что такое? Что, черт подери, происходит? Кто эта девушка?

Экран сделался черным, и на нем появилась новая надпись.

«В канун восхода новой луны смотрите сожжение вампира».

Чиркнула спичка, и вспыхнуло пламя, заполняя экран. Дымные темные языки огня плясали вокруг черного как смоль центра. Черный огонь преисподней. Мими выключила ноутбук и захлопнула крышку. Она поймала себя на том, что дрожит. Это наверняка чья-то шутка. Кто-то на той вечеринке решил поразвлечься и отснять прикольный ролик. Только и всего. Иначе быть не может. Джейми Кип и Брюс Каттинг, наверное, сговорились, чтобы напугать ее. Они до сих пор не могли поверить, что Мими — их регент. Это просто их шуточка.

Однако же этой ночью Мими плохо спала. Ей хотелось забыть об увиденном, просто вычеркнуть из памяти и, как любому нормальному тинейджеру, снова приняться считать, сколько ее друзей сейчас в Сети. Но она не могла. Она была их главой. Она отвечала за безопасность всех вампиров клана. Она не собиралась

терять никого из них, пока она у руля. Ни в каком случае. Не в этот раз. Не после слепого отрицания существования Серебряной крови со стороны Чарльза... и предательства Форсайта. Что бы это ни было — новая угроза со стороны Серебряной крови или еще что-либо, — ей нужно быть готовой разобраться с этим. Она должна принять меры. Этот ролик прислали ей не просто так — тому была какая-то причина.

ГЛАВА 16

КОНСПИРАТОРЫ

На экране шестидесятидюймового монитора на стене застыло полное ужаса лицо вампира. Мими оглядела тех, кто сидел этим утром понедельника вокруг стола для совещаний, дабы убедиться, что каждый имел возможность как следует рассмотреть его. Ради сегодняшнего совещания она пропустила уроки, но даже Тринити вынуждена была согласиться, что оно важнее, чем дополнительные занятия по китайскому.

Вокруг стола сидели конспираторы, члены отдела в Комитете, отвечающего за отношения вампиров и людей и распространяющего среди смертных ложную информацию о вампирах. В число конспираторов входило несколько популярных писателей — один из них разрабатывал забавную теорию о том, что на солнце вампиры не сгорают, а начинают благоухать розами, — и кинопродюсеры, своими блокбастерами-ужасиками поддерживающие идею, что вампиру надо отрубить голову. Многие из них пребывали в раздражении из-за того, что их оторвали от прибыльной работы ради срочного совещания. Отдел не собирался в полном составе вот уже много лет.

Сеймур Корриган, старейшина Совета и глава конспираторов, открыл обсуждение.

— Есть у кого-нибудь идеи, откуда мог взяться этот ролик?

— Похоже, Гарри, это кто-то из твоих халтурщиков, — пошутил Лейн Барклай-Фиш, автор романа «Кровь и розы» и, как уже упоминалось, автор теории о вампирах, благоухающих розами. Обращался он к Гарольду Хопкинсу, продюсеру популярной мыльной оперы о вампирах, идущей сейчас по престижному каналу кабельного телевидения.

— Нет, это не мои. В моем шоу люди только используют нашу кровь в качестве витаминов. Ну, для долголетия и все такое, — хохотнул Гарольд, лысый вампир, не снимавший солнечные очки даже в помещении.

Страж Корриган кашлянул.

— Простите, но я не вижу, что в этом зрелище смешного.

— Парни, Сеймур прав — ничего смешного тут нет, — поддержала его Мими. — Это видео снято на реальной вечеринке. И на нем одна из нас, а не кто-то из актрис, которым Гарольд платит баснословные гонорары.

Ее бесило, что даже после всего произошедшего они несли какую-то чушь, в то время как одна из них пропала. Мими знала, что они всего лишь пытаются скрыть страх, но делали они это совершенно нелепо.

— Верно, верно, — извиняющимся тоном произнес Лейн. — Я бы сказал, что нам следует позволить Красной крови считать, что это трейлер к фильму. Возможно, к одному из фильмов Джози.

Джозефина Мара была одним из самых преуспевающих молодых режиссеров в этой отрасли. У нее был изможденный, загнанный вид, как будто она вечно пребывала в состоянии цейтнота. В прошлом году она привела несколько андерграундных фильмов ужасов к крупному коммерческому успеху. Снимать фильмы ужасов было нетрудно. Поскольку Джозефина сама была вампиром, ей не приходилось платить за спецэффекты. Она просто создавала их сама.

— Конечно. Отчего бы и нет? — слегка улыбнулась Джозефина. — Я буду говорить, что это продолжение «Памяти призрака». — Она имела в виду свой последний хит, историю о школе-интернате, оказавшейся домом с привидениями.

— Помнишь ту историю, когда в самом начале девятнадцатого века одна из фамильяров накропала откровенные мемуары? — произнес Гарольд.

— О да! Слава богу, мы уговорили ее издателя выпустить это как роман, — кивнув, подхватил Лейн. — Чем только эта женщина думала? А заголовок! «В жажде вечной любви» — ой, фу! У лорда Байрона нашлось бы немало ответов на это.

— У него вообще была слабость к женщинам. Кусать и бросать их. А бедняжки изнемогали от томления. Тяжело им было, наверное. Жаль, — Гарольд пожал плечами.

— Скучаю по старым временам, когда все было так просто, — вздохнул Лейн. — Помнишь, как мы придумали графа Дракулу? Какая была развлекуха! Отправить полчища туристов в Румынию!

Красная кровь готова поверить во все, что угодно.

— Да, недурная была шутка, — согласилась Аннабет Махони, создательница популярной компьютерной игры «Войны крови», в которой вампиры сражались друг с другом.

С точки зрения Мими, конспираторы иногда заигрывались и, распространяя вымыслы, слишком близко подходили к правде.

— Джентльмены, леди, — кашлянув, перебила их Мими. — Хотя мне и приятно присутствовать при этой прогулке по тропам памяти — или скорее по тропам манипулирования памятью, — речь все же идет не просто о нарушении режима секретности. Даже если нам удастся убедить Красную кровь в том, что это не более чем голливудские выдумки, происшествие показывает, что тот, кто сложил все воедино, знает о нас слишком много, а это подвергает нас всех опасности. Кроме того, в ролике фигурирует адское пламя. И одна из нас пропала.

Сэм взялся за мышку и щелкнул по иконке на экране, уменьшив ролик и вызвав на экран фотографию красивой рыжеволосой девушки. Это была девушка из ролика.

— Пропавшая Голубая кровь — это Виктория Тейлор. Семнадцать лет. Ученица выпускного класса Дачезне. В последний раз ее видели на вечеринке, которую устраивал Джейми Кип у себя дома. Там и был снят этот ролик. Насколько может судить Комитет, ее трансформация протекала совершенно обычно. Синие вены в пятнадцать, голод и все такое прочее. Никаких отклонений в поведении, никаких случаев нетипичных действий. Мы проверили документы в Хранилище. Из солидной семьи.

Он снова щелкнул мышкой и вызвал другую фотографию. На ней был симпатичный юноша с растрепанными светлыми волосами и ямочками на щеках.

— Это ее человек-фамилляр, Эван Хоув, шестнадцать лет, ученик предпоследнего класса Дачезне, также исчез в ночь праздника. Тэд, ты хочешь что-нибудь добавить? — спросил он брата.

— Да, конечно. — Тэд достал из кармана репортерский блокнот и принялся зачитывать: — К настоящему моменту ролик должны были выставить в Сеть, и, по предположению Лейна, это уже произошло. Красная кровь думает, что это трейлер к новому фильму.

Конспираторы закивали.

— Потому мы поддерживаем эту идею, распространяя слухи о грядущем выходе фильма под названием «Взасос». Фильм ужасов, снятый со стилизацией под документальную съемку. Пока что, похоже, публика на это купилась. Заранее приношу извинения более талантливым членам отдела — я не претендую на то, что способен исполнять вашу работу. Мы с Сэмом поручили технику немного подправить ролик, и новый вариант теперь тоже ходит по Сети.

Сэм снова щелкнул мышкой, и ужасающий ролик начался заново. В конце на экране возникла надпись кроваво-красными буквами: «"Взасос". Вскоре на экранах!»

— Я вставлю это себе в профиль как можно скорее, — согласилась Джозефина. — «Взасос»... А что, мне нравится! Хорошее название.

— Таким образом, по крайней мере, с нарушением секретности мы справились. — Сэм вздохнул. — А теперь давайте перейдем к реальной проблеме. Мы считаем, что угроза вполне серьезна и что Викторину похитили. Пока что мы понятия не имеем, ни где она сейчас, ни кто это сделал. Ее родители уехали на зиму на Мюстик [\[3\]](#). Они возвращаются завтра днем, но они не видели Викторину уже несколько месяцев и, насколько я могу судить, не очень интересовались ее повседневной жизнью.

Мими подумала, что это типично для родителей Голубой крови. Поскольку их «дети» им на самом деле вовсе не дети, у большинства вампиров родственные связи очень слабы. Мими всегда была благодарна Чарльзу и Тринити, хоть они и являлись ее родителями только в нынешнем цикле, за то, что были все же внимательны к ней. Могло быть и намного хуже, как было видно на примере Тейлоров.

— А Красная кровь? — спросила она.

— Его родители зашевелились чуть быстрее. Они на прошлой неделе подали заявление о пропаже. Школа конечно же, старается замолчать эту историю, чтобы ничего не попало в газеты. Никому не нужна новая порция антирекламы. Но если парень не найдется в ближайшее время, Хоувы собираются обратиться к средствам массовой информации. — Сэм иронически улыбнулся. — Агентство новостей Форс обожает подобные истории. Пропавшие детишки из

богатых семей. Скандал в Верхнем Ист-Сайде и все такое прочее. Но я полагаю, эту историю они придержат? — поинтересовался он у Мими.

— Само собой. Через нас они ничего не добьются, — пообещала Мими.

— Мы проследили IP-адрес компьютера, через который ролик выложили в Сеть. Адрес оказался динамическим, меняющимся. На данный момент техподдержка с ним разбирается, — продолжал Сэм. — До восхода новой луны семь дней. Предлагаю начать обратный отсчет. Это будет день первый. А значит, у нас осталось всего шесть дней.

— А вы уверены, что это не дело рук Серебряной крови? — спросила Мими.

— На них это не похоже: выносить подобные вещи на публику. Они не... не современные, скажем так, — отозвался Сэм. — Нет. Мы практически уверены, что за этим стоит кто-то другой. Мы думаем, что в данном случае угроза исходит от людей.

Аннабет ахнула.

— Разве люди способны на такое? Что за чушь! Овца не устраивает засаду на пастуха!

— К несчастью, ничего невозможного в этом нет, — возразил Тэд. — Это вопрос численности, а их всегда было больше, чем нас.

— Если они выяснят, кто мы такие, — произнес Сэм, — кто знает, что может произойти... Совет всегда заботился о том, чтобы каше существование оставалось незримо для их мира. Потому что в противном случае...

— В любом случае этого произойти не может, — произнес Тэд, перебив размышления брата, — Мы это дело прикроем.

— Насколько мы можем судить, ролик снял какой-то человек, вхожий в наш круг, — мрачно заявил Сэм. — Вряд ли это фамильяр, потому что церемония Оскулор закрепляет верность человека своему вампиру; фамильяр уже неспособен причинить вред. Так что это должен быть кто-то другой. Мы проверили записи — взглянуть, имел ли кто из людей доступ в дом Кипов, и наиболее вероятным подозреваемым нам кажется кто-то из проводников. Это, конечно, допущение, но у них имеются ключи от Хранилища, что означает, что

у них есть и возможность раздобыть адский огонь.

Адский огонь держали под строжайшей охраной в самом глубоком подвале Хранилища. Казалось почти невыносимым, чтобы занимающий низкое положение проводник сумел пробраться туда, не всполошив охрану, состоящую из венаторов, но пока что другого объяснения не было.

Мими втянула щеки.

— Вы допросите всех проводников. Если понадобится — под пытками. Без капли жалости.

— Именно это мы и хотели с вами обсудить. Мы, конечно же, планируем внимательно изучить их воспоминания. Но тот, кто способен устроить нечто подобное, знает, как мы работаем, и, вполне вероятно, предусмотрел это в своих планах и, возможно, как-то обеспечил себе защиту. Проводникам дают некий минимум знаний о гломе, а минимум знаний может много куда привести.

— А может, сделать так, чтобы допросы вел кто-то из них и старался их подловить? — предложила Мими, тут же подумав об Оливере. — У меня есть на примете подходящий человек.

Она получила на Оливера восторженную характеристику из Хранилища. Он пользовался там глубоким уважением за верность и благоразумие. Кроме того, если он будет докладывать ей лично, она сможет присмотреться к нему поближе и отслеживать его связи. А вот добиться, чтобы он согласился помогать, — это уже другое дело. И зачем только она так грубо разговаривала с ним в прошлый раз... Мими уже сейчас могла сказать, что заручиться его согласием будет непросто.

— Может и сработать. Почему бы и нет? — согласился Сэм Леннокс.

Лейн побарабанил пальцами по столу.

— Это похоже на план. Ну как, мы закончили? Я сегодня встречаюсь за ланчем в «Майкле» с моим издателем, и я уже опаздываю. Мы обговариваем продолжение.

— Новые розы? — ехидно поинтересовалась Аннабет.

— Настоящий розовый парад живых мертвецов, друзья мои! — Лейн вскинул сжатый кулак к плечу. — Да здравствуют

конспираторы!

Страж Корриган кашлянул в платок.

— Похоже, венаторы обеспечат прикрытие этой истории. Со своей же стороны мы убедим Сеть в том, что речь идет исключительно о фильме. Мы опровергнем любое предположение о том, что ролик может быть реальным. Хотя из этого может получиться хорошая реклама, — произнес Гарольд, задумчиво взглянув на Джозефину.

Та кивнула.

— Неплохое предложение, — согласилась Мими. — Джозефина, ты начнешь съемки этого фильма. Лейн, Гарольд, Аннабет, продолжайте все, что уже начали делать. Спасибо, что нашли время встретиться с нами.

Мими дала понять конспираторам, что они свободны, и все гуськом потянулись прочь из комнаты, пожимая руку Сеймуру Корригану, — а тот остался.

— Слишком многие из конспираторов считают, что их работа сводится к пропаганде и хитроумным махинациям. Это похищение — дело серьезное, — произнес страж.

Мими кивнула.

— Мы выясним, кто стоит за этим. Даю слово.

— А мы? — спросил Тэд, собирая бумаги. — Как насчет нашего другого задания?

— Вы имеете в виду моего брата? — уточнила Мими, когда страж Корриган удалился шаркающей походкой.

Сэм кивнул.

Нам сообщили, что он больше не пребывает под покровительством графини. Мы готовы заново начать тщательный поиск. Мими вздохнула. Ей сильнее всего на свете хотелось пустить близнецов-венаторов по следу Джека с Шайлер. Чтобы они приволокли вероломного брата к ней. Еще она хотела поговорить насчет сожжения. Но понимала, что с этим придется обождать. Она не может бросить в беде несчастную Викторину Тейлор.

— Нет. Сосредоточьтесь сейчас на этом деле. Нам необходимо

отыскать девушку. И того, кто отснял ролик.

Тэд отдал честь.

— Как прикажете, мэм.

Венаторы удалились, а Мими осталась сидеть, барабаня пальцами по столу. Она почувствовала, как по ее жилам побежало былое возбуждение. Мими внезапно избавилась от парализующей ненависти и удушающего бессилия. Она отыщет того, кто это сделал, и растопчет его своими шпильками. И проделает это с наслаждением. Никто не смеет угрожать вампирам. Никто.

ГЛАВА 17

НОВИЧОК

Как и предполагала Мими, Оливер проигнорировал ее просьбу о встрече, и на следующий день ей пришлось его выслеживать. Оливер по-прежнему продолжал учиться в Дачезне, так что это было не так уж трудно. Мими отыскала его рядом с его шкафчиком — он убирал туда трубу после репетиции. В Дачезне не было столь примитивным вещи, как марширующий оркестр, зато был студенческий оркестр, каждый год выступающий в Центре Кеннеди.

— Я и не знала, что ты занимаешься музыкой, — заметила Мими.

— Ты много чего обо мне не знаешь, — буркнул в ответ Оливер. — Что тебе надо, Форс? Ищешь, об кого разбить новую лампу?

Мими скрестила руки на груди и нахмурилась.

— Почему ты не явился ко мне в кабинет вчера днем, как тебя просил мой секретарь?

Оливер пожал плечами и вытащил из шкафчика сумку с книгами.

— Я подумал, что ты хочешь все того же, а ответ прежний — «нет».

Явственное неуважение с его стороны раздражало Мими, и хотя она понимала, что если еще сильнее восстановить Оливера против себя, это не пойдет на пользу делу, удержаться не смогла.

— Зачем ты по-прежнему держишь ее фото в своем шкафчике? Если хочешь знать, это выглядит жалко. Ей, похоже нет до тебя дела. Больше нет. Если вообще хоть когда-то было.

Оливер шумно выдохнул и возвел глаза к потолку.

— Может, хватит молоть языком?

— Как я тебя уже говорил, ты могла бы и знать, что вампир на самом деле его фамилльяр практически безразличен. Ну да, конечно, история ее матери вроде как заставляет предполагать обратное, но такое никогда прежде не случалось за всю историю клана, и можешь мне поверить...

— Форс, заткнись. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. И в любом случае — ты-то тут зачем? Подкалывать меня насчет Шайлер? Тебе что, заняться больше нечем? Пойди поспасай мир от чокнутых вампиров Серебряной крови.

Оливер захлопнул свой шкафчик и загнал прочь по коридору, так что Мими пришлось бежать за ним следом. Прочие ученики начали с любопытством поглядывать на них. Всем было известно, что эти двое терпеть не могут друг друга.

Мими перегородила Оливеру дорогу и произнесла шепотом, чтобы не услышал никто из окружающих:

— Слушай, нам надо поговорить насчет вчерашнего заседания конспираторов.

— А! Я видел этот ролик в Сети. Похоже, Джозефина Мара снова принялась за свои фокусы. Какой-то новый фильм — «Взасос», или как-то так, — отозвался Оливер, нарисовав в воздухе кавычки, дабы выразить свое отношение.

— Да, так мы и хотим, чтобы все думали. Но ролик подлинный.

Оливер остановился и уставился на Мими.

— Погоди минуту. В каком смысле — подлинный? Что это...

— Случилась первая настоящая утечка информации за сотню лет. Там заснята Виктория Тейлор. Ролик сняли в квартире Джейми Кипа. Он собирал небольшую вечеринку по случаю своего восемнадцатилетия. Виктория пропала в тот самый вечер, и больше ее никто не видел. У нас осталось пять дней на поиски, пока ее не сожгли заживо.

— Ну а от меня-то ты чего хочешь? — поинтересовался Оливер. — Разве такие дела полагается разгрести не венаторам?

— Тот, кто это сделал, знает, как мы действуем. Нам нужно, чтобы ты поговорил с другими проводниками — выяснил, кто мог настучать, кто был на вечеринке, кто имеет зуб против нас.

Оливер покачал головой и приподнял бровь.

— А почему я должен тебе помогать?

— Ты — писец Хранилища. Ты работаешь на меня.

— Не совсем так, — отозвался Оливер, огибая Мими. В Нью-

Йорке стоял ноябрь, и воздух был холоден. — Я работаю на Хранилище, каковое находится под юрисдикцией Ренфилда. Для того чтобы я стал работать на канцелярию регента, тебе придется сперва оформить у него мой перевод по службе. Могу гарантировать, что у тебя уйдет на это добрых три месяца. Ренфилд очень строго следит за тем, что касается правил и процедуры. Он не любит, чтобы вы, вампиры, помыкали им.

Мими скрипнула зубами. Оливер был прав. Этот старый болван и не подумает просто перевести Оливера к ней — он устроит бюрократическую тягомотину по полной программе.

— Ну ладно! Ты поможешь мне потому, что девушка в беде, а я знаю, что ты хороший парень и не допустишь смерти вампира.

— Вампиры не умирают, — возразил Оливер. — Они возрождаются, чтобы снова пить кровь. Ты что, не знаешь собственную историю?

— У тех, кто это сделал, есть черный огонь. Он сжигает кровь, — надала Мими. — Это тебе ничего не говорит?

— А почему это должно меня волновать? — огрызнулся Оливер. — Это не моя проблема. Извини, но нет. Отправляй Ренфилду запрос о переводе. Встретимся через три месяца.

Мими слегка опешила. В Хранилище явно переоценили преданность Оливера сообществу. Она никак не могла понять, отчего он держится столь враждебно. Что это — простое раздражение, личная нелюбовь к ней или затянувшаяся обида на то, что Шайлер его бросила? Но Мими осознала, что ее не волнует причина. Оливер был бессмысленно упрям. Дело касалось не только их двоих и их личной вражды. На кону стояла бессмертная жизнь.

— Боже милостивый, Перри! Ты вообще думаешь, что говоришь?! — взорвалась Мими.

Ее вспышка привлекла внимание присутствующих во дворе, и несколько учеников повернулись в их сторону. Мими сердито зыркнула на любопытных. Ей хотелось топнуть ногой, но она удержала эмоции в узде. Она была достаточно сильна, чтобы ввести в битву воинство ангелов — неужто она не сможет заставить одного красно-кровного дурня понять ее точку зрения? Мими решила использовать непривычный для нее способ.

— Послушай, я понимаю, в чем дело. Я понимаю... просто тебе, как и мне, больно.

Вот. Она призналась в этом.

Оливер оставался все так же мрачен, но Мими поднажала.

— Я просто подумала... ну, может быть, если ты займешься этим делом, твоя боль немного утихнет. Если тебе будет на что отвлечься. — Она раздраженно пригладила волосы. — Мне это помогло, так что, может, и тебе поможет. Хотя бы немного.

Оливер повертел в руках куртку и вздохнул.

— Знаешь, если бы ты хоть иногда просила, вместо того чтобы требовать, как обычно делаешь, это пошло бы на пользу.

— Ты что имеешь в виду? — сощурившись, поинтересовалась Мими.

— Да то, что ты могла бы просить по-хорошему. Не угрожать и не командовать, как какой-нибудь диктатор из страны третьего мира. Тебе не хватает только красной фуражки, эполет и очков-консервов, — произнес Оливер, взмахнув рукой. — А так — в точности белокурый Иди Амин [\[4\]](#).

— А это кто такой? А, неважно. Ты имеешь в виду что-то вроде: «Оливер, не будешь ли ты так добр помочь мне отыскать предателя?»

— Именно.

Теперь настала очередь Мими закатывать глаза

— Прекрасно. Оливер, не будешь ли ты так добр помочь мне отыскать предателя?

Она чувствовала себя трехлетним ребенком, которого родители ругают за невоспитанность.

Оливер улыбнулся.

— Неужто это было настолько трудно, Мими? Не отвечай. Я знаю, что трудно. Но конечно же, я с радостью помогу тебе, раз ты просишь. Что еще мне остается?

ГЛАВА 18

ОБЫЧНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Как правило, Мими не особенно любила общество парней Красной крови, если только они не были вкусными. Ей понадобилось довольно много фамильяров, чтобы выдержать эту напряженную неделю. Но если она не запускала клыки в шею какого-нибудь человека и не потребляла его кровь, люди ее совершенно не интересовали. И потому Мими сама была удивлена, обнаружив, что не питает к Оливеру отвращения, как можно было бы подумать, и что работа с ним вовсе не была пыткой, как она предполагала. У них осталось четыре дня до появления молодой луны, и Мими испытала немалое облегчение, убедившись, что Оливер действительно был дотошным и понятливым исследователем, как о нем и говорили. К следующему утру он уже собрал всех проводников, присутствовавших на вечеринке у Джейми Кипа.

Поскольку очень немногие семейства Голубой крови все еще придерживались этого обычая, в городе было всего четыре проводника, которые могли присутствовать на вечеринке, не возбуждая подозрения других гостей, и провернуть тот трюк. Оливер приводил каждого из подозреваемых в небольшую комнатку в Хранилище, которую венаторы использовали для допросов, а Мими тем временем наблюдала за ними из-за двустороннего стекла.

Джемма Андерсон уселась напротив Оливера. Джемма была внучатой племянницей Кристофера Андерсона и проводником Стеллы ван Ренсле.

— Что стряслось? — спросила она у Оливера. — Стелла сказала, что ты хочешь как можно быстрее встретиться со мной. Я что-то сделала не так? Это из-за них с Кори? Я ей говорила, что такими темпами она его выпьет досуха, если не притормозит. Но Стелла — просто проглот какой-то. Она ничему не учится.

Такое непочтительное отношение к вышестоящим шокировало Мими. Так вот что проводники говорят о них за глаза? Что Голубая кровь — всего лишь компания кровопийц? Фу, как грубо!

— Нет, Кори тут ни при чем, — отозвался Оливер. — Хотя, если Стеллу поймают за нарушением сорокавосемичасового периода на

восстановление, Комитет сделает ей выговор. Они сейчас не следят за соблюдением этого правила, поскольку у них есть более серьезные поводы для беспокойства, чем вопросы заботы о семьях. Я тебя звал из-за дел конспираторов.

Он вызвал на экран своего ноутбука пресловутый ролик и продемонстрирован его девушке.

— Ну да, я это видела, и чего? Какой-то вампир-тупица решил покрасоваться в Интернете. Это было предрешиено в тот момент, когда придумали You Tube. Аплодисменты тому, кто заметал следы. Все мои знакомые уже мечтают посмотреть «Взасос». Поглядеть на сожжение вампира, зашибись! Страшилка для малышни.

Джемма скрестила ноги и нетерпеливо повела лодыжками.

Оливер пожал плечами, словно желая сказать, что это в любом случае не имеет особого значения.

— Я верно понимаю, что ты была у Джейми в тот вечер, когда это отсняли?

Вот теперь он завладел вниманием Джеммы.

— Так это с вечеринки у Джейми?! — Девушка снова взглянула на экран. — Боже мой, а ведь правда! Да, мы там были.

— Ты не заметила ничего необычного? — поинтересовался Оливер. — Кого-нибудь с видеокамерой? Они сейчас бывают совсем крохотные.

Джемма нахмурилась и покачала головой.

— Да нет как-то. Все было как обычно. Вампирские шалости. Оргазмы и выпивка.

— Когда ты тем вечером в последний раз видела Викторию?

Джемма помолчала.

— Пожалуй, я видела, когда они с Эваном вышли в заднюю комнату. Чтобы уединиться — ну, ты понимаешь. А потом я видела, как она болталась вместе с Брюсом и Фрогги у бочонка. Нам со Стеллой пришлось уйти, чтобы попасть в другое место: она хотела встретиться с Кори на какой-то вечеринке в Риверхеде. Погоди! А что, с Вик что-то случилось? Я не видела ее в школе на этой неделе.

Оливер заколебался.

— Да, произошел инцидент. Она вернулась домой в пять утра, пьяная от крови. Ее родители решили, что им не нравится компания, в которой она возвращается в Дачезне, и перевели ее в Ле Розе — ее мать сама там училась.

Такова была история, состряпанная Советом, и Мими на своем наблюдательном пункте за стеклом надеялась, что друзья Виктории купятся на нее.

— Что, правда? Они настолько взбеленились? Ее родители всегда казались такими клевыми.

— Дело не в Виктории, — заявил Оливер. — Совет обеспокоен утечкой этого ролика. Хотя все сложилось благоприятно — конспираторы сумели замять дело прежде, чем люди начали что-то подозревать, они твердо намерены выяснить, чьих это рук дело. Ты же понимаешь: разоблачение — это очень серьезно.

Джемма нетерпеливо кивнула.

— Само собой!

— Могу я попросить тебя описать твои взаимоотношения со Стеллой? — спросил Оливер, берясь за ручку.

Хорошенькая девушка-проводник откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Ага, теперь ясно. Вампиры думают, что это сделали мы. Кто-то из людей-проводников. Потому ты и хотел со мной встретиться.

— Я этого не говорил.

— Нет, но я здесь, и я что-то не видела, чтобы кто-нибудь задавал Буззи, или Джейми, или любому из тех ребят кучу вопросов. Их кровь голубая, потому они вне подозрений, в то время как мы всего лишь слуги, которым доверена большая тайна. Ясно.— Джемма вздохнула.— Ну да ладно. Расскажу я тебе про наши со Стеллой взаимоотношения. Если не считать того факта, что она слишком часто берет у меня что-нибудь из нарядов поносить, мы с ней друзья. Я имею в виду... ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Любить ее и ненавидеть — это одно и то же.

— Ты не... возмущаешься тем, что она выше тебя по положению?

Джемма фыркнула.

— Нет. А с чего бы? Стелла — избалованная вампирская принцесска, но она — моя избалованная вампирская принцесска. Моя семья работает на Bail Ренсле уже прорву лет. Стелла мне как сестра — мы с ней друг друга понимаем. Не хотелось бы вдаваться в патетику, но быть проводником — это честь. И с чего бы я стала выкидывать подобные фокусы? Снимать такой ролик? Выкладывать его в Интернет? Это просто... Нет. — Девушка смахнула слезу. — Сказать тебе честно? Я думаю, что мы храним тайны вампиров куда лучше, чем они сами. Брюс и все те парни то и дело рисуются, когда думают, что за ними никто не наблюдает. Бегут слишком быстро. Поднимают классную доску одним пальцем. Я прямо удивляюсь, что ничего такого не произошло раньше. Если бы они не пользовались стиранием памяти, словно губкой, уже весь мир все бы знал.

Следующие три беседы прошли точно так же. Все проводники демонстрировали одинаковое потрясение и негодование при самом предположении, что они способны выдать кому-то тайны вампиров; такая идея вызывала у них одинаковое раздражение. Мими не требовалось читать их мысли или пробовать их кровь, чтобы понять, что они говорят правду. Яростная верность, продемонстрированная проводниками, тронула ее. Отчего Чарльз перестал их использовать? Хотелось бы ей это знать... Когда последний проводник удалился, Мими прошла в комнату и уселась напротив Оливера.

— Итак, каков вердикт? Кто наш Иуда?

— Кто бы он ни был, но это не проводник. Их мы можем исключить из списка. Кто бы ни похитил Викторию и ни снял этот ролик, это не они, — произнес Оливер, вставая со стула. Он поднял руки вверх и потянулся. — С алиби у них все в порядке. Техники не нашли в их компьютерах ничего, и осмотр венаторов тоже показал, что все чисто.

— Да знаю. Я тоже видела доклады. — Мими вздохнула. — Они просто чертовски верны.

— А что, если мы пошли неверным путем? — произнес Оливер.

Мими приподняла бровь.

— Как так?

— Викторию похитили, и ее фамилляр тоже пропал. Венаторы считают, что Эван на такое не способен, но вдруг... — Оливер уселся обратно. — Он был первым человеком-фамилляром у Виктории, и

они были вместе недолго. Насколько мне удалось выяснить, священное целование на том диване было их первой связью.

— Ты хочешь сказать, что Эвана Хоува следует внести в список подозреваемых?

— Я хочу сказать, что, поскольку у нас нет подозреваемого, Эван годится на эту роль не хуже любого прочего, — отозвался Оливер. Мими отмахнулась.

— Ты чего, серьезно?

Оливер пожал плечами.

— Я просто предположил.

— Но уж кто-кто, а ты бы должен был знать, что церемония заставляет фамильяров любить своих господ-вампиров. Ни один фамильяр никогда... никоим образом... — Мими замотала головой. — Этого не может быть никогда. Даже венаторы не стали рассматривать такой вариант. Священное целование не допустит ничего подобного. Это невозможно.

— На свете нет ничего невозможного. Да, такого никогда не происходило прежде, но это еще не значит, что подобное не может произойти в будущем. Кто знает? Возможно, силу церемонии можно каким-то образом извратить или ослабить — нам это неведомо.

— Но это чушь! Совет надо мной только посмеется, если я выскажу подобное предположение!

Но Оливер твердо стоял на своем.

— И все равно нам надо проверить эту версию.

ГЛАВА 19

ЖИЛИЩЕ ВЕНАТОРОВ

Иногда ей было больно видеть близнецов Леннокс. Их вид слишком сильно напоминал Мими о задании, на котором она была вместе с Кингсли. Она путешествовала по миру в составе его команды и держала его на расстоянии все это время, не считая того единственного контакта в Рио. А времени, проведенного вместе в Нью-Йорке, было слишком мало, и настало оно слишком поздно. Мими осознала, как она на самом деле относится к Кингсли, лишь в последний момент, а теперь его не было. Горе снова подступило к горлу, но Мими затолкала его обратно: у нее не было времени сидеть и жалеть себя.

Она была рада, что Сэм с Тэдом никогда об этом не заговаривали — для этого братья были слишком тактичны. Они попросили ее встретиться с ними в штаб-квартире венаторов, бывшем сдаваемом в аренду многоквартирном доме в дальней части Вест-Виллидж. Был вторник, до появления молодой луны оставалось три дня, и Мими начала нервничать. Венаторы делали все, что могли, но пока что ничего обнаружить не удалось. К нынешнему моменту им следовало бы иметь подозреваемого — ну или хоть какую-то ниточку. Они были Голубой кровью, хранителями тайной истории, вампирами, знающими правду о мире. Они не привыкли, чтобы им угрожали и держали их в неведении.

Мими вошла в ворота и уколола палец о замок на главной двери. Здешние обветшавшие помещения были полной противоположностью лощеному, изысканному совершенству Башни Форс. При виде пыльных перил, сломанных ступенек и облезающей краски Мими поджала губы. Венаторы перебрались сюда в девятнадцатом веке, и здание до сих пор выглядело так, словно там и пребывало. У Мими вдруг всплыло в памяти, как всех членов Комитета вызывали на допрос после исчезновения Мэгги Стэнфорд; Мими тогда была дебютанткой, только-только начала выезжать в свет.

— Сюда! — позвал чей-то веселый голос. На лестничной площадке показался Тэд и помахал Мими рукой. — Лифт сломан.

— Само собой, — буркнула Мими.

Спальни располагались на втором и третьем этажах. Поскольку венаторы много путешествовали, Комитет предоставлял им жилье. Множество комнат пустовало. Чтобы работать венатором, вампир должен был продемонстрировать выдающееся мужество, честь и верность клану на протяжении минимум пятидесяти жизней. Но даже хотя Совет снизил уровень требований, чтобы больше вампиров могли присоединиться к венаторам, их ряды все еще были слишком малочисленны.

В нынешние времена очень мало кто из Голубой крови стремился стать венатором. Корделия ван Ален говорила правду — большинство вампиров теперь вполне устраивала жизнь, лишь чуть превосходящая образ жизни сверхпривилегированной краснокровных: люди с добавкой бессмертия, чуть большим количеством денег и без особой ответственности. Странно, почему ей никак не удастся выбросить из головы Корделию? Как могло получиться, что Корделия ван Ален, паникерша и сторонница теории заговора, отстраненная от деятельности Совета, являлась настоящей провидицей, в то время как отец Мими, Чарльз Форс, возглавлявший вампиров от самого начала времен, оказался столь недалеким?

Тэд провел Мими в их с братом кабинет — тесное помещение, заваленное книгами и допотопным полицейским оборудованием, которое братья собирали на протяжении многих лет: чернильными подушечками для снятия отпечатков пальцев, аналоговыми детекторами лжи, пожелтевшими бланками свидетельских показаний, сломанными биноклями. Тэд питал особенную слабость к причудливым представлениям краснокровных об обеспечении правопорядка Венаторы в подобных вещах не нуждались, поскольку их работа по большей части выполнялась в сумеречном мире глома.

Однако они отчасти придерживались того же протокола, что и их коллеги-люди. По стенам были развешаны фотографии всех, кто был в тот вечер в гостях у Джейми Кипа, с приписками, касающимися статуса крови и положения: ГК, КК, ФАМ, ПРОВ. Мими принялась разглядывать фотографии. Посередине висело ее собственное фото времен работы моделью. Интересно, это что означает, что она тоже подозреваемая? Она почти не знала Викторию, хотя они обе входили в одну элитную приятельскую группировку.

— Ну так что у нас? — поинтересовалась Мими, опершись на захламленный стол, заваленный стопками папок. Она подобрала

стальные наручники и принялась вертеть их в руках.

Сэм развернулся к ней вместе с креслом. Под глазами у него залегли темные круги. Мими помнила, что из двух братьев именно Сэм относился к заданиям более ответственно, и бессилие явно начало изводить его.

—Техникам удалось определить компьютер, с которого загрузили тот файл, — сообщил он. — Мы проследили его через анонимное соединение — цепочка протянулась отсюда до Москвы и в конце концов привела нас к интернет-кафе в Ист-Виллидж. Мы получили список всех, кто там был в день загрузки ролика, и всех проверили. Обычный молодняк Красной крови, никакой связи с кланом.— Сэм вздохнул. — Но есть и хорошие новости: нам удаюсь дотянуться до Виктории в гломе, мы убедились, что она жива. Перепугана и нема, но жива. Однако есть еще одно: ее излучение затемнено — нам не удалось определить ее физическое местоположение.

—Может, дело в маскирующем заклинании? — высказала предположение Мими.

—Мы использовали все контрзаклинания для орис, но если это действительно маскирующее заклинание, мы никогда прежде с таким не сталкивались, — произнес Тэд; он, ссутулившись, стоял в дверном проеме, и вид у него был настороженный. — Если дело действительно в маскирующем заклинании, тот, кто его наложил, не станет рисковать, перемещая ее с места на место. Чтобы переместить тело, придется снять покров. Мы предполагаем, что девушка до сих пор находится в той самой комнате, где снимался ролик, так что, если мы сумеем вычислить, где это, сможем отыскать ее. Мы прокручивали его десятки раз, чтобы посмотреть, не наткнемся ли хоть на что-нибудь, что помогло бы определить ее местонахождение.

—И как — ничего?

Тэд покачал головой и отправил скомканный лист бумаги в стоящую рядом корзину для мусора.

—Пока что нет. Но мы заметили кое-что интересное. Помнишь шумиху пятидесятых годов про всяческие послания, воздействующие на подсознание? Нет? Ты тогда была не в цикле? Но ты про это ведь слышала? Так вот, мы засекли штуку в этом духе, только она на сей раз не призывает покупать кока-колу или попкорн. Покажи ей. Сэм.

Оно там прямо с начала.

Сэм включил компьютер, и трое вампиров сгрудились вокруг экрана монитора. Сэм поставил ролик на сверхмедленное проигрывание, одна трехсотая кадра в секунду. Мими наблюдала, как чернота заполнила экран, а затем на миг появилось изображение льва, взгромоздившегося на самку.

«Ничего се...»

— Это еще не все, — сообщил Сэм, включив ускоренную перемотку.

Следующая картина появилась посреди съемок вечеринки. Это была насаженная на кол голова барана: мертвые глаза открыты, язык свисает изо рта, над трупом вьются мухи. Последняя картинка располагалась за секунду до окончания ролика — королевская кобра, свернувшаяся кольцами и изготавившаяся к броску.

— Ну и? — нетерпеливо поинтересовалась Мими и раздраженно встряхнула наручники, да так, что они разорвались со щелчком. Они ищут пропавшую девушку, а ее ударная команда тут демонстрирует ей фото из «Нэшнл джиографик»!

— Мы думаем, что это некая разновидность шифра, некое послание. Надо показать это Ренфилду. Проверить — может, Хранилище в состоянии выдать нам какое-то объяснение.

— Ну ладно. Не уверена, что это поможет нам найти Викторию, но хуже от этого точно не будет,— Мими оттолкнулась от стола и посмотрела на ребят. Она знала, что всегда будет думать о них как о ребятах. Азраил, одна из перворожденных, она была на столетия старше их, даже хотя они являлись бессмертными и в придачу старшими венаторами. — Еще что-нибудь?

— Угу, — отозвался Сэм, выпрямившись в кресле и быстро подавшись вперед. — Мы нашли Звана Хоува. Или, по крайней мере, знаем, где он находится.

Мими положила наручники.

— Ему известно, где может находиться Виктория?

— Сомневаюсь. Но поскольку ты хотела, чтобы мы его проверили, мы это сделали. Прикинули, что он появится рано или поздно, когда придет в себя после церемонии. Ты же знаешь, первый

укус — самый трудный, — Сэм поморщился.

— Ну и?

Тэд достал из кармана визитную карточку.

— Свидетель видел, как он взял такси до Ньюарка.

— Ньюарк? Что ему там делать? — насмешливо поинтересовалась Мими. Что изнеженному принцу из Верхнего Ист-Сайда делать в криминогенном городке Нью-Джерси? — Что могло заинтересовать парня вроде Эвана в Ньюарке?

— Ничего, кроме заброшенных зданий и дома крови. — С этими словами Тэд вручил Мими визитку.

— Быть не может! — Мими прочитала надпись на визитке, и ее передернуло. На ней затейливыми красными буквами было выведено: «Клуб фамильяров».

— Это единственное место, где он может находиться, если рассуждать логически. Извини — произнес Сэм.

— Я не знаю его. Я не... Просто... — бессвязно выпалила Мими. Дом крови? Эван Хоув? Этот симпатичный юноша с ямочками на щеках? Ему же всего шестнадцать... он такой молодой...

— Ты хотела знать. — Тэд пожал плечами. — Так вот, он там. Но я бы не советовал идти за ним туда. Овчинка выделки не стоит. Мальчишка не имеет никакого отношения к тем, кто похитил Викторину. Фамильяры так не действуют, сама знаешь. А если ты отправишься туда, то не найдешь там ничего, кроме все той же старой истории. Старой как Рим.

ГЛАВА 20

ДОМ КРОВИ

Ньюарк располагался на другом берегу реки — сразу за мостом, рукой подать, и в последнее время его репутация слегка улучшилась, но, как правило, Мими, подобно многим манхэттенцам, старалась не посещать Нью-Джерси, кроме как по пути в аэропорт и далее. И даже тогда она ехала только напрямик в Тетерборо. Она покинула пункт расквартирования венаторов несколько часов назад и помалкивала, пока машина проезжала симпатичный прибрежный район и углублялась все дальше и дальше в суровый промышленный сектор. Мими просто радовалась тому, что нынче вечером она не одна.

— Сюда, пожалуйста, — велел Оливер водителю. — Высадите нас перед домом.

На протяжении сорокаминутной поездки Оливер молчал, но, похоже, не особо удивился, когда Мими сообщила ему, где они будут искать Эвана.

Уйдя от венаторов, она зашла за Оливером в Хранилище — он сидел там со вчерашнего дня, раз за разом пересматривал ролик в поисках какой-нибудь зацепки. Мими рассказала ему о трех изображениях, обнаруженных братьями Леннокс.

— Историки с этим разберутся. В Хранилище есть все, — заверил ее Оливер.

— Мне бы твою уверенность! — отозвалась Мими. Еще она надеялась, что поездка в дом крови не станет напрасной тратой времени, невзирая на то что венаторы именно так и считали.

Мими вышла из машины следом за Оливером и злобно огляделась по сторонам. Это был район заброшенных складских помещений и пустырей. Улицу усеивали разбитые бутылки и использованные шприцы. Неподалеку располагалась свалка, обнесенная колючей проволокой, и несколько собак, тощих и грязных, бесцельно бродили по улице. Мими передернуло.

— Идем. Я думаю, это здесь, — сказал Оливер, направившись к ближайшему зданию.

Мими увидела стальную дверь, помеченную полосой красной

краски.

Дверь чуть-чуть приотворилась.

— Вход только для членов клуба, — раздраженно буркнул кто-то из-за двери.

Оливер кивнул Мими. Та произнесла слова, соответствующие роли:

— Я друг клуба. Нам нужна комната.

Дверь захлопнулась с грохотом, потом открылась уже нормально. Вход перекрыла бандитского вида женщина средних лет. Мими слыхала об опустившихся вампирах — обычно они держались подальше от клана, — но никогда прежде с ними не встречалась.

— Вам придется заплатить по ночному тарифу, а если захотите что-нибудь сверх меню, заплатите отдельно.

Мими вручила женщине кредитную карту, и их с Оливером пропустили внутрь. Они оказались в небольшом холле; здесь в круге красного света стояли два кресла. Хозяйка заведения оглядела гостей.

— Мальчик или девочка?

Мими, не вполне понимая, о чем именно их спрашивают, пожала плечами, так что инициативу взял на себя Оливер.

— Э-э... девочку, пожалуйста.

Они, словно скованные мрачными чарами, смотрели, как перед ними выстроилась группа девушек Красной крови; на шеях у девушек виднелись свежие укусы, из ранок сочилась кровь. Девушки выглядели одурманенными, использованными и нездоровыми. На них были платья с декольте либо воздушные ночные рубашки. Некоторые были еще подростками.

Мими, конечно же, знала о существовании домов крови — в конце концов, она не вчера появилась на свет. Сюда приходили брошенные фамильяры, чтобы испытать священное целование с любым желающим вампиром. Это была омерзительная практика, ведь церемония сокровенна и священна, ее нельзя превращать в дешевку. Хотя священное целование гарантировало, что никакой другой вампир не сможет взять человека, который уже отмечен, существовала древняя, темная магия, устранявшая этот яд. Это был опасный процесс, подрывавший силы человека, но тех, кто

проделывал это в заведениях такого рода, подобные мелочи не волновали. Излишне было упоминать, что все это было абсолютно незаконно и являлось нарушением кодекса.

Этот дом пах кровью и страданием, как любовь, промотанная впустую и иссякшая. Лица фамильяров были изможденными и пустыми, а глаза — мертвыми и тусклыми.

— Ты, — сказала Мими и ткнула в самую молодую девушку в группе, чувствуя, что ее начинает мутить.

— Вторая комната направо, — отрывисто бросила мадам, указав на лестницу.

Они прошли по коридору. Комнаты даже трудно было назвать таковыми: это были просто стены с занавесками, скрывающими уединившиеся пары. Они отыскивали отведенное им место и уложили девушку на кровать: эту роль исполнял матрас на полу.

— А ведь можно было бы подумать, что они раскошелятся хотя бы на диван из «ИКЕА». — Мими презрительно скривилась.

— Просто будь здесь, — сказал Оливер, помогая девушке улечься. — Спи. — Он повернулся к Мими. — Они тут не дают им отдыхать.

Мими кивнула. Она указала на противоположный конец коридора.

— Ты берешь те комнаты, я — эти.

— Давай.

— Будь осторожен, — сказала она Оливеру.

— Здесь нечего бояться. Тут все настолько измотаны, что они нас даже не заметят, — мрачно произнес Оливер.

— Ты что, уже бывал здесь? — поинтересовалась Мими.

Оливер не ответил.

— Если найдешь его — зови меня.

Мими отдернула первую занавеску и увидела вампира, питавшегося двумя людьми сразу. Эта тройка развалилась поперек кровати в томном объятии. Вампир, белокурый парень, оторвался от бледно-белого горла ближайшей к нему девушки.

— Присоединишься? — улыбнулся он. — Она очаровательна.

Мими нахмурилась и задернула занавеску. В следующем закутке обнаружилась девушка Голубой крови; она спала, свернувшись клубком, рядом с юношей-человеком. Это был не Эван, так что Мими не стала их трогать. Она уже готова была отдернуть следующую занавеску — «Ну-ка посмотрим, что у нас за дверью номер три», подумала она слегка истерически, — когда услышала яростный шепот Оливера, перекрывающий стоны и булькающий звук:

— Он здесь!

Мими кинулась в дальний конец коридора. Занавеска была отдернута; Оливер стоял над обмякшим телом Эвана Хоува. Юноша отсутствовал дома меньше недели — и уже сделался неузнаваем. Худой, как скелет, волосы грязные, щеки ввалились, а от ямочек не осталось и следа. Мими подумала, что это на самом деле больше не Эван. Судя по неживым глазам с несфокусированным взглядом. Если кровь человека пило слишком много вампиров, это могло привести к более легкой форме шизофрении того же рода, что поражала совращенных. Мими вспомнила мертвый взгляд бараньей головы, и ее пробрал озноб.

— Он жив, — сказал Оливер. — Эван, вставай.

Юноша с трудом сел. Он с вождением взглянул на Мими.

— Привет, красотка.

— Мими Форс. — Мими пожала ему руку. — Эван, мы хотим задать тебе несколько вопросов о Виктории.

— О ком? — Из рта у него текла слюна.

— Виктория Тейлор. Твоя... подруга, — напомнила Мими.

— А! Вик. Давно ее не видел. Она меня бросила.

Стоило Эвану услышать имя Виктории, как его глаза снова сделались живыми.

— Когда ты видел ее в последний раз? — мягко спросил Оливер, опустившись на колени рядом с юношей.

Эван обмяк.

— Без понятия.

— Ты помнишь вечеринку у Джейми Кипа? Ну, на прошлых выходных? — спросила Мими.

— А это кто такой — Джейми Кип? Слушайте, вы пришли меня сосать или чего? — раздраженно поинтересовался Эван и ухватился за подол короткого платья Мими.

Мими пресекла его усилия, и они с Оливером обменялись напряженными взглядами. Оливер помог ей уложить Эвана обратно на матрас, где тот сразу же и уснул.

— Сколько вампиров пило его? — шепотом спросила Мими у Оливера.

Оливер скрестил руки на груди и покачал головой.

— Я бы сказал — много... Он в плохом состоянии. Удивительно, что вообще вспомнил Викторину.

— Первого помнишь всегда, — сказала Мими.

По крайней мере, для фамильяров это было правдой. Они никогда не забывали — у них не было выбора. А для Голубой крови? Помнит ли она первого юношу-человека, над которым свершила церемонию? Как там его имя... Скотт — а дальше? Мими покачала головой.

— Просмотри его, — предложил Оливер.

Мими кивнула. Она исследовала подсознание Эвана в гломе. Она увидела, как парень проснулся субботним утром на диване в пентхаусе Джейми Кипа, в одиночестве, нетвердо держащийся на ногах и плохо соображающий, но счастливый. На протяжении выходных он все еще пребывал словно бы в тумане. Потом это состояние рассеялось. Мими уже доводилось видеть такое раньше: первую вспышку любви. Юноша схватился за мобильник. Он звонил Викторине. Он нуждался в ней. Он любил ее даже сильнее, чем прежде. Он отправился к ней домой, но ее там не было. Он обзвонил всех друзей Викторине. Никто не знал, где она. Так прошел день. Эвана охватило страстное желание. Церемония связала его с Викторией навеки. Он жаждал повторения, хотел, чтобы она пила его кровь, — но она исчезла. Настал вторник. Эвана лихорадило. Он терял контроль над собой. Среда. Он не пошел домой, не пошел в школу. Словно во сне, он обнаружил, что очутился в доме крови. С того момента он здесь и находился. Венаторы были правы: он не

имел никакого отношения к исчезновению Виктории. Он был всего лишь еще одной жертвой. Дополнительной потерей.

— Эван, мы хотим отвести тебя домой. Родители беспокоятся о тебе, — сказала Мими, встряхнув его.

— Не пойду. Я никуда отсюда не пойду. — Юноша замотал головой. На мгновение его взгляд снова прояснился. — Теперь дом здесь.

Мими спустилась по лестнице следом за Оливером. Она забрала свою кредитку, и они вышли. Мими обнаружила, что ее бьет дрожь. Сколько фамильяров у нее было? Много. Не сосчитать. Попал ли кто-нибудь из них сюда, когда она его бросила? Скольких она обрекла на подобную судьбу? Неужто она сделала это с людьми? С парнями, которых использовала? Мими не любила их, но и не желала им такого конца. Она понимала, что была легкомысленна и эгоистична, но она... она не...

— Нет, — произнес Оливер. — Я знаю, о чем ты думаешь, но это не так. Да, некоторые из нас гибнут от этого — но не все. С этим можно бороться. Это называется самоконтроль. Здесь заканчивают путь только слабые. Или те, кому не повезло. Вампир Эвана исчез после первой крови. В момент, когда желание сильнее всего. Уже после пары раз к этому привыкаешь. К ощущению, что ты неполон.

— Так фамильяры... с другими все в порядке? Даже хотя они больше не переживают этого? — с надеждой спросила Мими.

— Конечно. В зависимость попадают не все. Ты просто обучаешься жить с этим — как с печалью, которая не проходит. — Оливер пожал плечами. — Во всяком случае, я так слышал.

Они стояли на грязном тротуаре. Мими вдруг захотелось положить руку Оливеру на плечо, чтобы утешить его, но она не знала, оценит ли он этот жест. Вместо этого она сказала:

— Ты никогда не закончишь так. Даже и не беспокойся.

— Надеюсь, — согласился Оливер. — Но зарекаться не стоит.

На мгновение Мими возненавидела Шайлер ван Ален даже сильнее, чем прежде, но в этот раз ее вспышка никак не была связана с Джеком.

ПОДМЕНЫ!!!

Флоренция, 1452 год

Джованни Рустичи, или Джио, как все его называли, был самым молодым венатором в группе, но уже сделался одним из лучших. Кроме того, он был хорошим скульптором, куда более талантливым, чем могла бы надеяться стать Томи. Всего лишь за несколько месяцев он успел стать любимым учеником мастера. Дре постоянно отсутствовал. У него были какие-то дела в Сиенне, что означало, что в ближайшие две недели его дома не будет. Днем Томи с Джио трудились над дверью баптистерия, а по ночам без усталости, бдительно патрулировали улицы города.

Томи призналась Джио, что ее беспокоят связи той Красной крови и возможные последствия этой связи.

— Возможно, нам пора нанести визит нашему другу Подменьшу, — предположил Джио.

Подменьш жил в канализации Флоренции. Это существо уже сто лет не видело дневного света и было сморщенным, слепым и жалким. Он был слишком слабым, чтобы представлять для вампира какую-либо опасность, и потому Андреас приказал, чтобы никто не смел прикасаться к Кроатану, поскольку тот был цепным источником информации. В обмен венаторы позволяли ему жить. Подменьш предупредил их, что один из ему подобных сумел внедриться в ряды дворцовой стражи.

Подменьш не обрадовался их появлению.

Томи проигнорировала его шипение и нарисовала на стене пещеры знак.

— Мы обнаружили эту метку на человеке. Расскажи, что ты о ней знаешь.

Джио кольнул его острием меча.

— Отвечай, тварь, или мы отправим тебя туда, где тебе самое место.

Подменьш рассмеялся:

— Я не боюсь ада.

— Есть вещи и похуже, чем преисподняя. Твой господин наверняка не очень-то рад тому, что ты его оставил еще во времена Рима. Если он вернется, то отомстит сторонникам, которые его бросили, — предупредила Томи. — Кто отметил человека этим знаком? Что он означает?

Джио несколько раз с силой ударил существо.

— Отвечай!

— Я не знаю! Не знаю! — Серебряная кровь сжался в комок. — Не далее как сегодня ваш друг Савонарола стал кардиналом, — произнес он с хитрой улыбкой.

— И?

— Этот добрый брат — Серебряная кровь.

— Он лжет! Савонарола — не Кроатан, — насмешливо бросил Джио.

Томи кивнула. Монах-петрувианец был венатором еще до того, как принял сан.

— Он был извращен, превращен в Мерзость во время событий в Триесте, — сообщил Подменьш.

В Триесте передовой отряд венаторов подвергся нападению сборища Серебряной крови, которую они выслеживали. Однако же в тот день венаторы одержали победу. Во всяком случае, Томи всегда так считала.

— Кто еще об этом знает? — решительно спросил Джио.

— Андреас дель Поллайоло, — прошептал Подменьш.

ГЛАВА 21

ДОКТРИНА РЕГИСА

Эти бесконечные заседания! С тех самых пор, как она приняла титул регента, у Мими было ощущение, что ее жизнь превратилась в череду селекторных совещаний и ни к чему не приводящих дебатов. Сегодня в школе случился выходной — у преподавателей была какая-то конференция, — и в прошлой жизни день Мими прошел бы по обычному распорядку: поздний завтрак, за ним массаж, потом неспешная прогулка по бутикам Мэдисон-авеню с заходом в «Пьер» на чашку чая, а затем короткий дневной сон и ужин в самом новом ресторане.

Теперь же у нее больше не было времени на подобную ерунду. Мими весь день просидела в своем кабинете, разбирая бумаги и утрясая различные вопросы с подкомитетами. Последним, что она уладила, была отправка команды венаторов на поиски Форсайта Ллевеллина. Хотя сабвертио Кингсли удерживало Левиафана и Люцифера закрытыми в преисподней, их сообщники по-прежнему оставались на свободе. Венаторы доложили, что, по их сведениям, Форсайт отправился в Аргентину, и Мими согласилась послать туда команду.

Что же касается судьбы Виктории, Мими начало снедать беспокойство. Они все так же оставались в неведении, как и в первый день, а луна быстро убывала. Вскоре на горизонте появится тонкий серп молодой луны, призрачный полумесяц, как называла его Голубая кровь.

С того воскресного вечера подозрительных электронных писем больше не приходило, но Мими эта тишина беспокоила Сэм с Тэдом привлекли к делу всех венаторов, находившихся в Нью-Йорке, но этого могло оказаться недостаточно. За столетия войны Мими выучилась понимать стратегию боя, приобрела исчерпывающие знания об армиях и сражениях — но сейчас против них выступил новый враг, умный и непредсказуемый. Мими опасалась, что Голубая кровь чересчур привыкла к своему превосходству, чрезмерно полагаясь на грубую силу, и не приобрела опыта борьбы с похищениями и подрывной деятельностью.

Мими подперла голову руками и принялась размышлять так

напряженно, что сама забеспокоилась, не закипят ли у нее мозги. Она тщательно изучила все книги, уделяя внимание истории регисов, принципам действий во время кризиса, изучила все решения, принятые, чтобы сохранить их сообщество до нынешнего момента. Майлз Стэндиш (Михаил, Чистый Сердцем) пообещал Голубой крови, что они обретут безопасное убежище в новом мире, и сделал это, отколовшись от европейского клана. Для этого он прибег к доктрине региса. Вот! Мими попытается сделать то же самое! Она сможет что-то предпринять, если венаторы потерпят неудачу. Конечно сможет. Выход есть всегда. Она не беспомощна. Кодекс вампиров четко это обговаривал.

«Доктрина региса: регис, или регент, должен принять все меры предосторожности, дабы обеспечить безопасность клана всеми необходимыми средствами».

Это навело Мими на мысль. Пользуясь властью, которую ей давала доктрина региса, она могла снять охранные заклинания. И как только она не подумала об этом раньше? Это же так просто! Похитители Виктории скрывали ее физическое местонахождение, затуманивая ее излучение в глуме. Но если снять защитные заклинания, каждый из Голубой крови станет виден в мире духов. Это перекроет все наложенные на Викторию маскирующие заклинания, и венаторы смогут отыскать ее через глом.

Но в этом был риск. Защитные заклинания, что оберегали клан, скрывали их бессмертные души в глуме и хранили сангре азул от множества опасностей сумеречного мира. Без этой охраны вампиры практически становились Красной кровью. Но Мими подумала, что это можно сделать всего лишь на краткий миг — открыть и закрыть, в мгновение ока. Она все восстановит в ту же секунду, как только они вернут Викторию.

Она должна была попытаться. Если венаторы не добьются успеха, она снимет защиту. Мими надеялась, что до этого не дойдет, но если придется, будет к этому готова. Она не позволит сжечь Викторию.

И все же, даже невзирая на нависшую опасность, жизнь Мими продолжалась. Особенно светская. Ей нельзя было слишком часто пропускать общественные мероприятия. В клане пойдут разговоры,

потом начнется беспокойство, потом паника, а этого она не могла допустить. Достаточно было уже тех сплетен и волнения, которые вызвали события месячной давности. Мими нужно было успокоить свои войска, показать им, что тревожиться не о чем. Они по-прежнему оставались Голубой кровью, просвещенными, благословенными и проклятыми.

На сегодня было намечено открытие оперного сезона в Линкольн-центре, и от Мими ждали, что она будет там присутствовать. Мими выключила компьютер. Надо зайти домой переодеться. В прежней жизни она наслаждалась бы возможностью надеть новое дорогое платье и продемонстрировать драгоценности, но теперь ощущала лишь бремя долга. Мими хотела разыскивать Викторину, в Хранилище вместе с Оливером или в глеме с венаторами. А не торчать на каком-то дурацком светском празднестве.

После поездки в дом крови Мими решила следовать правилам Комитета, предписывающим заботиться о людях-фамильярах. Она отыскала своего первого фамильяра, Скотта Кэдвелла, ныне студента последнего курса Нью-Йоркского университета. Он помнил их роман так живо, словно тот произошел вчера, и был просто счастлив сопровождать Мими на концерт. Скотт был именно таким парнем, какие нравились Мими в качестве фамильяров, красивым и глупым, и Мими могла только надеяться, что его полная неспособность справиться с собственными эмоциями не приведет его в конце концов в дом крови. Он определенно выглядел вполне податливым, а в смокинге смотрелся потрясающе.

Они вошли в зал, уже слегка опоздав. Мими подобрала шлейф своего бального платья, чтобы Скотт на него не наступил. Она помахала замеченным знакомым, дону Алехандро и Даниэле Кастанеда недавно заключившим узы, — они прилетели сюда из Лондона. А вон там сидит Маффи Астор Картер, невозмутимая в своем багряном шелковом платье. Хелен Арчибальд, жена старейшины Совета Джосаи Арчибальда и одна из старших матрон клана, пристала к Мими, пока та шла к рампе.

— Маделайн, я видела Тейлоров вчера на балете. Гертруда выглядит просто кошмарно. Она мне не сказала, но я слышала, что случилось нечто ужасное, что-то связанное с тем чудовищным роликом, который мне показал сын. Что происходит, я тебя

спрашиваю?

Венаторы предупреждали Мими, что даже после того, как конспираторы нейтрализовали угрозу разоблачения, которую нес в себе этот ролик, продолжали распространяться слухи о том, что за всем этим стоит Серебряная кровь, и это очень пугало старые семейства.

— Все поп контролем, — успокаивающе произнесла Мими. — Конспираторы приняли меры. Дурацкие шуточки молодежи. Просто несколько младших членов Комитета решили блеснуть креативностью.

— Ну, после того, что произошло на твоём заключении уз, возможно, нам стоило бы подумать о рассеянии клана. Быть может, это было бы безопаснее для нас... мы перестали бы быть мишенью... как прежде.

— Вы хотите снова загнать нас в укрытие? — огрызнулась Мими. — Не знаю, как вам, а мне больше нравится жить на поверхности!

После происшествия во время заключения уз по сообществу поползли шепотки насчет того, что, быть может, пришло время распустить Комитет и уйти под землю. Мими отвергла эту идею как паникерскую. Она не имела ни малейшего желания возобновлять темные века и была в ужасе от того, что эта идея вообще всплыла.

— Ты говоришь как настоящий темный ангел. Тебя не волнует ничего, кроме собственного комфорта! — насмешливо произнесла Хелен. — Ты поставишь всех нас под удар. Мы этого не потерпим!

Мими была шокирована. Она понимала, что далеко не все в Комитете рады видеть своим регентом Азраил и что многие никогда не простят ей и Аббадону их роли, сыгранной во время мятежа против Всемогущего. Большинство, возможно, до сих пор винили их в своём изгнании. Но чтобы бросить подобное заявление ей в лицо?!

— Прошу прощения, — произнесла Мими и отодвинула Хелен в сторону. Хватит с нее грубостей светских всезнаек!

В зале зазвучали гонги, призывая гостей занять свои места. Мими последовала за Скоттом к дверям, ведущим к первым рядам партера, но тут у нее зазвонил мобильник. Это был Оливер.

— Ну что еще? — раздраженно бросила Мими. — Здесь вот-вот

закроют двери в зал, а ты сам знаешь, что в Метрополитен-опера не пускают опоздавших.

— Не волнуйся. Когда ты услышишь то, что я тебе хочу сказать, пропущенный первый акт будет волновать тебя меньше всего.

ГЛАВА 22

КАПУСТА И ВІНОГРАДНЬІЕ ЛОЗЫ

— Думаю, мы определили местонахождение Виктории, — мрачно произнес Оливер.

После их поездки в дом крови он получил в Дачезне дозволение пропустить занятия, безвылазно засел в Хранилище, пересматривая записи, и вот в конце концов отыскал зацепку.

— Мэм! Вы к нам присоединяетесь? — нетерпеливо спросил капельдинер, взявшись за створку двери, пока Скотт теребил свои запонки.

— Подожди, — велела Оливеру Мими, прикидывая, не получится ли у нее шепотом вести переговоры по телефону, пока тенор начнет свою арию. Но Тринити слишком хорошо ее воспитала. Мими махнула рукой своему кавалеру. — Иди, мне тут надо разобраться. Встретимся в антракте.

И она пошла прочь от дверей, к фонтану.

— Мы ее нашли? — с надеждой спросила Мими, прижимая телефон к уху.

— Еще нет. Но мы уже в пути.

Мими сердито взглянула на капельдинеров, зашикавших на нее.

— Где?

— Гостиница «Карлайл».

— Встретимся там.

Тротуары перед «Карлайлом» были битком забиты краснокровными. Пробираясь через толпу, Мими успела услышать разговоры о бомбе и об эвакуации. Она показала охранникам свой жетон Совета и вошла в недавно очищенный вестибюль. Оливер стоял среди группы венаторов, проверявших пространство у лифта.

— Извини за «Парсифаля». Это моя любимая опера, — произнес

Оливер вместо приветствия.

— Где она?! — рявкнула Мими. Сейчас ей было не до расшаркиваний Оливера.

— Мы полагаем, что в пентхаусе. Его сняли на месяц для какого-то актера, но он был пуст несколько недель, по словам здешнего управляющего.

— Откуда вы знаете, что она здесь?

— Мы не знаем. Только предполагаем. — Оливер нажал кнопку верхнего этажа. — Я знаю, что венаторы сосредоточились на этих кадрах, действующих на подсознание, но я решил, что, может быть, лучше повнимательнее присмотреться к основной части ролика. Я просмотрел его по-кадрово и обнаружил кое-что в тени. Техники по моей просьбе увеличили эту часть кадра.

Он показал Мими картинку на экране своего телефона.

— Ну и что здесь можно увидеть? — поинтересовалась Мими.

Изображение походило на череду загогулин, и ничего волнующего в нем не было. Уж точно не настолько, чтобы эвакуировать постояльцев престижного отеля, испортив им вечер. Венделл Рэндольф, магнат Голубой крови и владелец «Карлайла», будет недоволен — можно даже не сомневаться. Мими увидела, что он уже прислал ей несколько сообщений.

— Это картинка с обоев у нее над головой. Блики получились, когда венаторы подсветили изображение. Это называется «капуста и виноградные лозы». Знаменитый узор Уильяма Морриса — он был снят с производства в восьмидесятые годы девятнадцатого века. Но в тридцатые годы двадцатого века, когда строилась эта гостиница, хозяева заказали той же самой фабрике партию таких обоев. После реконструкции, проведенной в прошлом году, изначальные обои сохранились только в нескольких комнатах. Две мы уже проверили. Эта — последняя.

— Мы здесь из-за обоев? — переспросила Мими. — Вы эвакуировали целую гостиницу, используя массовое принуждение против всей этой Красной крови, из-за каких-то обоев?

Она изо всех сил старалась сдержать эмоции.

— Это все, что у нас есть, — извиняющимся тоном произнес

Оливер. — Ты сказала, что никто не умрет, пока ты на посту. Мы должны испробовать все.

Дверь лифта отворилась, и Мими увидела Сэма с Тэдом, занявших позицию перед дверью номера люкс. Остальные члены команды разместились в коридоре.

— Даешь добро? — спросил Тэд.

Мими не знала, что и сказать. До сих пор они действовали, не советуясь с ней, — с чего вдруг им потребовалось придерживаться протокола теперь? Отступить уже поздно. Возможно, это было простой любезностью — раз уж она тут появилась. Это все же лучше, чем грубость Хелен Арчибальд. Надо потакать своим венаторам. Мими кивнула.

— Даю. Вперед.

Ударная группа ворвалась в номер, заполонив пространство, со взрывами гломовых гранат, со сверкающими мечами наголо.

В кресле сидела привязанная девушка.

Увы, это была не Виктория.

Они захватили врасплох актера, кинозвезду, который вернулся сюда накануне вечером со своей новой подружкой. При виде одетых в черное, вооруженных венаторов он уронил двухквартирную бутылку шампанского и грохнулся в обморок.

ГЛАВА 23

ПАБ

После провала налета на « Карлайл» — вину за каковой Мими тут же возложила на плечи Оливера, чтобы предотвратить критику ее венаторов, — она на следующий вечер встретилась с братьями Леннокс в их излюбленном пабе. Ночь была темной. До появления в небе молодой луны оставалось меньше двадцати четырех часов. Время на исходе. Мими знала, что ребята не оценят того, что она собиралась им сказать, но у нее не было выбора. Она — регент, и это ее долг. Она не собиралась терять никого из своих. Она надеялась, что у Ленноксов есть для нее хорошие новости.

В этом пабе нелегально торговали спиртным во времена сухого закона, когда Голубая кровь была единственным поставщиком алкоголя во всем городе. Здесь сохранились изначальные двустворчатые двери, замочная скважина, в которую можно было заглядывать, древесные опилки на полу, скамьи из сучковатых сосновых досок, расписанных именами друзей и врагов.

Венаторы всех типов — жизнерадостные ветераны с потертыми лицами и сигаретами в углу рта и поджарые новые рекруты, явившиеся прямиком из Лэнгли (ЦРУ было создано венатором, и изначально тренировочный центр Голубой крови располагался в том же городе штата Виргиния), — теснились за столиками бок о бок с эксцентричными студентами Нью-Йоркского университета, забредшими сюда и понятия не имеющими, что сидят в окружении вампирской тайной полиции. Здесь имелись бильярдный стол, мишень для игры в дротики и доска за стойкой бара, на которой мелом писались результаты раундов.

Мими отыскала Сэма в дальней кабинке, в окружении пустых бутылок, и уселась напротив него.

— Моя очередь! — объявил Тэд, принеся три пинты темного горького эля, дополненного сверху золотым лагером.

Они это называли «Черный с рыжим». Мими обычно не нравился вкус пива — она предпочитала мартини или вино, — но она также не любила устраивать суматоху. Она попробовала напиток. А

вообще-то не так уж и плохо. Не так пикантно, как кровь... Она вспомнила вкус крови Кингсли, сладкий и острый. У Мими перехватило горло, а на глаза навернулись слезы, и на мгновение ей показалось, что сейчас она расплчется. Но все-таки она удержалась.

— Во-первых, не наезжай ты на этого проводника. Хазард-Перри хотел как лучше, — сказал Сэм. — Гипотеза была не хуже любой другой. Парень не спал несколько дней. Он вкалывал больше всех.

— Возможно, но этот выскочка, Венделл Рэндольф, требует, чтобы я освободила должность «за злоупотребление полицейскими силами». Он заявил, что на следующем совещании потребует белого голосования.

— Не потребует. Он просто спускает пар, — отмахнулся Тэд. — У них нет никакой альтернативы, кроме тебя, и они все это знают.

— Возможно. Слушайте, ребята, мне трудно это говорить... — Мими глубоко вздохнула. — Я понимаю, что всю последнюю неделю мы работали с полной отдачей, и я ценю ваши старания, но у меня нет другого выбора: если мы не найдем Викторию сегодня ночью, я сниму защитные заклинания. Я не хочу этого, но это единственное, что мне осталось. Я не могу допустить, чтобы Викторию сожгли, ни в онлайне, ни как-либо иначе... По крайней мере, со снятыми защитными заклинаниями мы точно узнаем, где она, и сможем вытащить ее оттуда.

— Венаторы встретили эту новость кислыми минами.

Это огромный риск. Ты же понимаешь: если Серебряная кровь выкинет какой-нибудь фокус в это же время, мы окажемся легкой добычей, — предупредил Тэд.

— Я понимаю масштабы риска. — Мими вскинула руки. — Но что еще мне остается?

— Чарльз никогда бы этого не позволил, — заметил Сэм. — Даже во время тех убийств, — добавил он, имея в виду события двухлетней давности, когда несколько подростков Голубой крови были выпиты досуха.

— Чарльз допустил смерть шестерых бессмертных, — отозвалась Мими. — А Лоуренс потерял почти весь Совет в Рио. Нет. Я приняла решение. Если мы не найдем Викторию до полуночи, я так и сделаю.

Сэм откинулся на спинку стула и заложил руки за голову. В морщинах на лице венатора отразились все годы жизни бессмертного.

— Но разве ты не должна для этого получить одобрение всего Совета?

— Во время войны — нет. Только не тогда, когда действует доктрина региса, — ответила Мими с легким самодовольством. «Как насчет заглянуть в кодекс?» — подумала она. — И, джентльмены, если вам все еще не ясно, позвольте напомнить, что мы находимся в состоянии войны. И я не допущу, чтобы наши органы безопасности увязли в бессмысленных бюрократических проволочках.

Тэд с Сэмом переглянулись, и Сэм пожал плечами.

— Ну, тогда ладно. Как ты сказала, это твой долг, мэм. Но дай нам все время до последней минуты, прежде чем ты нажмешь на спусковой крючок. Мы хотим, чтобы кто-нибудь до упора работал над этим маскирующим заклятием. Мы найдем ее. Ты помнишь, что случилось, когда регис в прошлый раз снял охранные заклинания.

На самом деле Мими не помнила, но признаваться в этом не собиралась, особенно после того, как объявила им о своем решении. Кроме того, чего он хотел добиться, называя ее «мэм»?

— Ладно. Но ни минуты больше.

— Еще мы хотели тебе кое-что показать, — сообщил Сэм. — Мы получили ответ от Ренфилда. Кстати, а чего с ним такое?

— Он посмотрелся фильмов, отснятых конспираторами, — ухмыльнулась Мими, — В следующий раз вы узнаете, что он собирается начать пахнуть розами.

Сэм фыркнул.

— Он к нам явился с классной вещью. Помнишь те три штуки, которые мы обнаружили в ролике? — Он принялся рисовать на салфетке. — Совокупляющиеся животные. Голова барана. Змея, — Он постучал ручкой по рисунку.

— Угу.

— Историки отыскиали кое-что в архивах — вот, взгляни.

Сэм толчком послал к Мими по столу какую-то книгу. Это был

старинный том из Хранилища, вероятно, самого начала шестнадцатого века, как предположила Мими по витрувианскому силуэту на корешке. Она почувствовала запах архивной пыли.

Тэд открыл книгу и указал на иллюстрацию на странице слева. Там был изображен символ, разделенный на три части. В первой были два пересекающихся круга, во второй какое-то животное на четырех ногах. Третьим был меч, пронзающий звезду.

— Знак Люцифера, — вздохнула Мими, отодвигая книгу. — Так значит, за всем этим стоит Серебряная кровь. Ну конечно...

— Не совсем, — возразил Сэм. — На самом деле нас беспокоит второй знак.

— А что с ним такое? — Мими, прищурившись, взглянула на картинку. Она изображала какое-то животное с пушистой шкурой... вроде бы... — Это ягненок?

— Да.

Добавлять к этому ничего не требовалось. Мими знала историю не хуже, чем они. Так вот что означали те три изображения в ролике... Это была отсылка к символам данного триглифа: совокупляющиеся животные обозначали союз, голова барана — овцу, а змея была еще одним символом Люцифера. Ягненок символизировал человечество. Красную кровь. Человеческое стадо. Под водительством Люцифера. Символ союза объединял этих двоих в одно целое.

Серебряная кровь в сговоре с... с людьми? Мими замутило. Это не имело смысла. Никакого.

ГЛАВА 24

ТЩЕСЛАВИЕ МИССИС АРМСТРОНГ ФЛУД

В воскресенье вечером Мими встретилась с Оливером в Дачезне.

— На сей раз ты абсолютно уверен насчет места? — поинтересовалась Мими, когда они поднимались по полутемной черной лестнице.

У них осталось очень мало времени до новолуния. Это был просто фарс какой-то. Мими вообще не понимала, как позволила втянуть себя в эту затею. Но если существует хоть какой-то шанс спасти Викторию, не снимая защиту... то надо поторопиться.

Когда они подошли к школе, Мими быстро провела их внутрь, не поднимая тревогу. Она как регент располагала ключами и кодами от всех твердынь Голубой крови. Темное, пустое здание показалось Мими на удивление унылым. Она никогда прежде не бывала в школе в то время, когда нет занятий, и поразилась, обнаружив, как здесь тихо и пустынно без учеников. Дачезне в ее сознании всегда было оживленной, шумной, и лишь теперь она осознала, что душой этого места были ученики. Без них школа превращалась в пустой сосуд, театральную декорацию.

— Я не хочу повесить себе на шею очередной «Карлайл». Венделл Рэндольф требует мою голову на блюде за то, что я разгромила его отель. Нам пришлось провести массовое стирание памяти всей той Красной крови. Неприятная история. А актер, наверное, подаст иск. У него на лбу царапина. А лицо застраховано, ты же понимаешь.

— Актеры! — произнес Оливер таким тоном, словно это было ругательство. — Ты просто вели кому-нибудь из конспираторов дать ему роль в их новом фильме. Я считал, что мы должны испробовать все, что только можно, прежде чем ты снимешь защиту.

Юноша посмотрел в окно, на небо, но луны еще не было видно.

— У нас осталось... сколько, пятнадцать минут? — уточнил слегка запыхавшийся Оливер.

— Примерно.

Они подошли вплотную к назначенному моменту, но Мими пообещала братьям Леннокс, что у них будет время вплоть до последней минуты перед восхождением молодой луны, и они попросили ее встретиться с Оливером и дать им последний шанс.

На то, чтобы снять охранные заклинания, потребуется одно мгновение. Мими достаточно будет произнести нужные слова, и они тут же увидят Викторию. Мими так решила, но теперь, когда приближалось время действовать, ее стали одолевать сомнения. Следует ли ей рисковать безопасностью всего сообщества ради жизни одного вампира? Чарльз никогда такого не делал, как и Лоуренс в свою бытность регисом. Ну почему, почему регентом стала она?! Она не готова принимать подобные решения! Пускай по крови ей сотни лет — но в нынешнем цикле всего семнадцать!

Оливер на секунду остановился перевести дух.

— Как бы то ни было, я отвечу на твой вопрос: мы здесь потому, что это одно из мест, где может находиться Виктория. Сэм с Тэдом сейчас уже во втором.

— Во втором?

Оливер кивнул.

— Сейчас объясню. Помнишь тот узор в «Карлайле»?

— Что, опять обои? — возмутилась Мими.

— Да выслушай меня! Этот узор для обоев был создан Уильямом Моррисом в конце девятнадцатого века. Копию изготовили исключительно для отеля «Карлайл», эксклюзивную партию. Предположительно, больше ни у кого на свете не могло быть таких обоев. Но я никак не мог успокоиться: ну почему этот узор кажется мне таким знакомым? Я был уверен, что видел его прежде, и не только в «Карлайле».

— Ну и?

— Тогда я покопался в истории отеля. Ты в курсе, что прежде он принадлежал Флудам? Тому самому семейству, которое отдало свой особняк под школу Дачезне? Миссис Флуд, Роза, была в те времена законодательницей мод. Казалось вполне резонным предположить, что она выбирала эти обои лично. Воспроизвести их было крайне

хлопотно — для этого практически пришлось купить фабрику. И я подумал: если она настолько их любила, может...

— Она наклеила их у себя в комнате, — договорила за него Мими. — Так значит, Виктория в мезонине? Все это время?

— Я так полагаю. Либо в особняке Флудов в Ньюпорте — Ленноксы в данный момент именно там. Из особняка сейчас сделали музей, потому я подумал, что лучше будет, если мы возьмем школу на себя, а их отправим туда. Так тебе не придется отвечать перед ньюпортским обществом охраны памятников, если дела пойдут наперекосяк, как в прошлый раз.

— Неплохая идея — но знаешь, если ты ошибся, мне придется стереть тебе память и ты никогда больше не будешь работать на нас.

— Обещаешь?

Мими с Оливером поднялись к спальне миссис Флуд. Классные комнаты, расположенные на верхнем этаже, были заброшены несколько лет назад, из-за того что слишком многие ученики Красной крови клялись, что видели здесь призраков или слышали поднимаемый ими шум. Глупцы! Призраков не бывает! Это были просто проделки вампиров, дурачившихся в глуме. Но чтобы успокоить людской контингент, администрация опечатала эту часть здания. В результате образовалось место, где отлично можно было спрятать кого-нибудь, поскольку заклинание отвлечения внимания не давало людям попасть сюда, а вампиры отнесли бы любую необычную активность на счет последствий заклинания. Но мысль о том, что все это время Виктория находилась здесь, буквально у них под носом, была оскорбительной. Впору было поверить, что похитители насмехались над ними.

Мими прижалась ухом к двери. Она услышала какие-то звуки: ужасное ворчание и ерзание. Мими толкнула дверь. Дверь удерживало мощное блокирующее заклинание. Черт! Наложение и снятие заклинаний никогда не было ее сферой деятельности, не считая того единственного раза, когда она занялась темными искусствами.

— Попробуй детонатор, — посоветовал Оливер.

— Сейчас, — откликнулась Мими, раздраженная тем, что сама не подумала об этом раньше.

Она сосредоточилась на ручке двери и представила, как та рассыпается в прах, взрывается и выпускает ее внутрь.

Дверная ручка дрогнула и затряслась, но дверь осталась запертой. Ужасное ворчание сделалось громче; теперь к нему добавился страшный низкий стон. Виктория? Да что там происходит, за этой дверью? Сердце Мими бешено заколотилось. Она почувствовала идущие из-за двери волны страха.

Она предприняла еще одну попытку и покачала головой. Что бы ни удерживало дверь, держало оно хорошо. Это было все равно что колотиться в бетонную стену.

— Крепко заколочено, — буркнула Мими.

Она посмотрела в окно. Уже почти стемнело.

Небо приобрело оттенок серого песка; на горизонте появился первый намек на свет. Вскоре молодая луна должна явить свой лик.

— Она там, — убежденно произнес Оливер и толкнул дверь плечом, как будто это могло помочь.

Мими собралась было ответить, но, прежде чем она успела что-либо сказать, из комнаты донесся крик, столь ужасный, что Мими позабыла обо всем. В этот миг она приняла решение. Больше нельзя было терять время. Викторию собрались сжечь.

Надо снять защитные заклинания. Немедленно. Азраил вступила в глом, могущественная и ужасающая Ангел смерти, белая королева с темным мечом, что горел светом небес. Ее шестифутовые крылья распахнулись во всю ширь.

Она проговорила слова, которые до нее произносил лишь Михаил.

Защита пала, и в тот же миг глом наполнился духами всех ныне живущих вампиров, и Мими увидела сквозь мешанину душ одну конкретную девушку, кричавшую в углу, — девушку, чей дух до этого момента был скрыт...

«Виктория!»

В глеме Мими увидела, как Сэм и Тэд Ленноксы движутся к девушке, тянутся к ней, подходят с другой стороны.

А потом, неизвестно почему, венаторы подняли головы,

отвернулись от Виктории и помчались к Мими — на их одинаковых лицах застыл ужас.

«Что вы делаете?! Нет! Возвращайтесь! Вик...»

Мими была рядом, так близко, что могла дотянуться до руки Виктории. Их пальцы соприкоснулись в сумеречном свете...

Но Мими не успела выдернуть Викторию в реальный мир: что-то ударило ее, словно зажигательная бомба, и Мими показалось, будто каждый атом ее тела взорвался.

ГЛАВА 25

МОЛОДАЯ ЛУНА

Когда Мими моргнула и открыла глаза, оказалось, что она лежит на полу, засыпанная древесными опилками. Над ней склонилось чье-то знакомое лицо. Мими закашлялась. Что бы ни ударило ее, это было больно. Похоже, у нее трещины в трех ребрах, и еще она вдохнула целую стену асбеста. Мими вообще удивилась, обнаружив, что все еще жива, — если верить ощущениям, ее разорвали на миллион кусочков и только потом сшили заново. Что это было такое? Заклинание крови? Да, наверное, больше нечему. Что ж иное могло вывести ее из строя, да еще и в гломе? Но если это было заклинание крови, почему она все еще здесь?

— Что произошло? — выдавила Мими, осознав, что теперь она находится в спальне мезонина.

Дверь валялась на полу, вся разломанная. Мими огляделась. Оливер был прав: обои в комнате те же, что в ролике. Тот же причудливый узор. Посреди комнаты стоял стул, и вокруг его ножек была обмотана веревка, которой пользовались венаторы. Перед стулом была установлена видеокамера. Именно здесь сняли тот ролик с Викторией. Но девушки больше не было здесь. Как похитителям удалось переместить ее, не раскрыв ее излучения в гломе?

— Где она? Где Виктория? — прохрипела Мими.

Оливер дрожащей рукой указал на мерцающий экран компьютера, стоящего на столе посреди пустой комнаты.

На экране горела Виктория Тейлор. Плавилась в языках черного огня. Ее кожа коробилась от жара и облезала, кровь превращалась в обсидиан, уничтожаемая навеки.

Виктория находилась в ньюпортском особняке. Братья Ленноксы выскочили из глома и отважно попытались сразиться с пламенем, но было слишком поздно. Ничто не могло потушить адский огонь, когда он начинал поглощать бессмертный дух, отданный на уничтожение.

— Проклятье! — воскликнул Сэм Леннокс, пнув горящий стул.

Его брат, стоявший позади, плакал. Мими рухнула на пол — у нее подогнулись ноги. Она вспомнила: глом, Виктория, венаторы. Они были так близко! Венаторы могли бы спасти Викторию, но в последнюю секунду Ленноксы оставили ее, чтобы вместо этого попытаться спасти Мими. Они увидели направленное на нее заклинание крови. Теперь же они опоздали. Все они опоздали. Она подвергла опасности весь клан, чуть не погибла сама — ради чего? Она не сумела спасти Викторию, точно так же, как прежде не сумела спасти Кингсли.

— О господи...

В конце концов от Виктории осталась лишь горстка пепла.

Мими закрыла лицо руками и разрыдалась. Она все провалила! Она бесполезна! Как Серебряная кровь! Даже хуже!

Оливер молча выключил компьютер.

Высоко в небе стояла молодая луна, сияя серебром.

КАРДИНАЛ

Флоренция, 1452 год

Если верить Подменышу, Андреас позволил Серебряной крови руководить человеческой церковью. Конечно же, Андреас не мог этого знать. Он никогда не допустил бы подобного святотатства. Разве только... разве только Андреас был не тем, кем его считала Томи. Не был Михаилом. Не был ее возлюбленным. Томи больше не знала, кому и чему верить. Такого никогда прежде не случалось. Она всегда распознавала своего близнеца в любом воплощении, и сейчас каждая клеточка ее существа говорила ей, что Андреас — Михаил. Как она могла так ошибиться? Томи не понимала. Должно существовать другое объяснение. Она не могла принять его. И все же...

— Андреас — изменник. Я чувствую это, но не хочу об этом говорить, пока не буду знать наверняка,— сказал Джио, озвучив все сомнения, тревожащие Томи.

Был полдень, и к кардиналу, недавно возведенному в этот сан, стояла очередь посетителей, желающих поздравить его с избранием и поцеловать его кольцо. Томи с Джио, как венаторы, обошли очередь, и секретарь провел их в личный кабинет Савонаролы.

Тот встретил их с распростертыми объятиями.

— Друзья мои!

Джио не стал терять времени. Едва лишь они вошли в комнату, как он метнулся вперед, схватил священника за горло и сжимал, пока Савонарола не начал задыхаться. Глаза кардинала стали красными, с серебряными зрачками.

— Мерзость! — вырвалось у Джио. — Ты же когда-то был ангелом! — произнес он, указывая на мир, построенный Голубой кровью, — великолепный город красоты, покоя, любви и света. — Мы не позволим тебе уничтожить созданное нами!

— Где твой господин? Где он скрывается? — потребовала ответа Томи.

Кардинал лишь захихикал, но заговорил его секретарь — застывший в нерешительности у двери человек-проводник. Дрожа от страха, он сообщил венаторам:

Он в самой высокой башне, в доме госпожи... Прежде чем он успел закончить фразу, Савонарола вырвался из хватки венатора, схватил со стола изукрашенный драгоценными камнями кинжал и заколол секретаря.

— Мне была обещана неприкосновенность! — завопил кардинал, перед тем как Джио мечом полоснул его по шее, обезглавив священника — Серебряную кровь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДЭМИН ЧЭНЬ, МИЛОСЕРДНАЯ
УБИЙЦА

Нью-Йорк

День нынешний

ГЛАВА 26

АНГЕЛ СНИЗОШЕДШИЙ

— Как многим из вас известно, две недели назад, пытаюсь спасти Викторию Тейлор, я решила на краткий срок снять защитные заклинания, оберегающие нас. Однако же мы не сумели своевременно вытащить Викторию, а я подверглась нападению в гломе — против меня применили заклинание крови. — Юная правительница обвела присутствующих венаторов и членов Совета печальным взглядом. Голос ее был мрачен. — Я уцелела, невзирая на вероломное воздействие заклинания крови. Виктории повезло меньше. Ее убили.

В зале надолго воцарилась тишина. Ни слова, ни звука — ни нервного покашливания, ни нетерпеливого поскрипывания кресла. Со своего расположенного сзади места Дэмин Чэнь внимательно наблюдала за Голубой кровью. Их способность удерживать эмоции под контролем произвела на нее впечатление, но она ощущала страх и гнев присутствующих.

Это был плохой знак. Это означало, что Мими Форс как регент не пользуется поддержкой своего Совета. Очень жаль — ведь всякий, кто способен отклонить заклинание крови так, чтобы на нем не осталось отметины, явно пользуется особым покровительством, а потому достоин уважения и восхищения. Когда Мими в первый раз связалась с ней, Дэмин была шокирована, обнаружив, что слухи правдивы и что нью-йоркский клан возглавляет вампир, находящийся в самом начале цикла и несущий дух самой Азраил, ни больше ни меньше. Воистину плохи дела, если сообщество возглавляет Ангел смерти. Дэмин до тех пор встречалась с Мими Форс лишь раз, во время бала Четырех сотен, почти два года назад, когда молодая поросль открывала свои бессмертные личности.

Мими понравилась Дэмин, хотя память о том давнем мятеже Голубой крови была все еще свежа, как будто все это произошло вчера. Азраил и Аббадон вели войну против Всемогущего — они помогли Утренней звезде собрать легион лучших и ярчайших. «Теперь мы — боги,— сказала им Азраил. — Власть над раем может стать нашей». Великая и могущественная королева воинов льстила

им и уговаривала их, убеждая в том, что они избраны за свою силу. Как они могли отказаться?

Дэмин огляделась по сторонам. Это была жалкая группа с множеством стариков и непроверенных членов. Некоторые члены Совета выглядели так, словно время их цикла давно истекло, тогда как другие, подобно самому регенту, лишь приближались к обретению полной силы и памяти. Хотя ей ли подходить к этому так критично? Она сама только-только отпраздновала свой семнадцатый день рождения.

То, что Голубая кровь ослабела до такого состояния, мягко говоря, беспокоило. Новости поступали — одна хуже другой. Связь с европейским кланом после событий в Париже была прервана. Они отказывались что-либо сообщать или делиться сведениями, страшась снова нарваться на предателей в сообществе. В Южной Америке Совет объявил о введении военного положения и не контактировал с другими кланами. От североамериканской делегации Дэмин ждала большего: Нью-Йорк пользовался репутацией самой мощной твердыни вампиров. Именно это место Михаил и Габриэлла избрали своим домом. Но Неразвращенные исчезли неведомо куда, и никто не знал, когда они вернутся и вернутся ли вообще. Вампиры оказались предоставлены сами себе.

Дэмин допила свой кофе. От шанхайского международного аэропорта Пудун до аэропорта Кеннеди было восемнадцать часов лета, и все это время она провела, сосредоточенно изучая доклады венаторов, перечитывая по несколько раз каждый отчет, критически оценивая каждое решение. Ищущие истину действовали по правилам, и Дэмин ни в чем не могла их обвинить, однако же нынешняя ситуация требовала от них больше, чем рутинные приемы. Дэмин попыталась скрыть зевок. Она практически не спала и чувствовала, что голова начинает раскалываться.

«А ведь, казалось бы, на бессмертных проблемы перемещения по разным часовым поясам сказываться не должны!» — уныло подумала девушка.

Регис произнесла ее имя, и Дэмин, вздрогнув, осознала, что все присутствующие смотрят на нее.

— Позвольте представить вам венатора Дэмин Чэнь. Дэмин неоднократно доказала, что является одним из самых успешных и

умелых искателей истины. Я уверена, многие из вас помнят, что она, вместе со своей сестрой-близнецом Дэхуа, внесла немалый вклад в решающие победы нашей истории: египетские события, римский кризис и Великий раскол — лишь несколько из битв, в которых меч Дэмин помог нам победить. Мы благодарны ее клану за то, что он любезно согласился прислать Дэмин нам на помощь, чтобы разобраться с этим делом.

Это представление до некоторой степени походило на зачитывание резюме, но Дэмин привыкла. Она была Куань Инь, Ангел милосердия, и очень остро чувствовала эмоции и настроение других. У себя в Шанхае она прославилась своей способностью различать гуаньхуан других, или, на священном наречии, аффектус, цветное отображение внутреннего состояния, незримое для глаз. Дэмин являлась одной из двух вампиров (второй была ее сестра), способных видеть его без помощи глома. У Красной крови имелось для этого свое название, но их шарлатаны, претендующие на то, что читают ауру человека, занимались исключительно гаданием на кофейной гуще. Чтобы прочесть ее на самом деле, требовалось ангельское зрение.

Дэмин встала и присоединилась к Мими на возвышении.

— Шесть месяцев назад в нашем клане был похищен вампир.

С этими словами она взяла со стола пульт и вывела на экран на стене две фотографии. На одной была изображена Виктория, связанная, с повязкой на глазах, а на другой — темноволосая девушка, связанная подобным же образом.

— Отец Лилин Тан — один из самых богатых бизнесменов Китая, и похитители Лилин потребовали за ее возвращение двадцать миллионов долларов. Из-за требования денег мы, вполне естественно, сосредоточились на людях, входящих в наше сообщество. Однако же в конце концов обнаружили, что ее похитил один из наших. Голубая кровь.

Присутствующие застыли. Они словно ожидали этого, и Дэмин продолжила:

— Ее местонахождение скрывало маскирующее заклятие, но после тщательного расследования нам удалось вычислить, где она находится, и спасти ее до назначенного похитителем срока. Я просмотрела дело Виктории, — добавила она. — Согласно

контролерам-стражам, Виктория прибыла на вечеринку в одиннадцать вечера. После этого ее больше никто не видел. Иначе стражи засекли бы ее излучение в гломе, когда она уходила. Следовательно, ее похититель, кем бы он ни был, присутствовал на этой вечеринке. А это означает также, что он входил в число близких знакомых Виктории. Это кто-то из Дачезне. Кто-то, кому она доверяла.

— Дэмин будет зачислена в выпускной класс Дачезне, — объявила регент. — Она внедрится в группу друзей Виктории Тейлор, тех, кто в тот вечер находился на празднестве у Джейми Кипа. Поскольку мы не желаем без необходимости возбуждать страх или панику, эта операция должна храниться в строгой тайне.

— У меня вопрос, — подал голос Тэд Леннокс. — Как вам удалось найти Лилин, если ее излучение было замаскировано?

Дэмин уже виделась с ним этим вечером: они с братом встречали ее в аэропорту.

— Нам удалось пройти в гломе путем смерти.

При этой новости по комнате прокатился гул.

— Уход в кому в гломе? Чтобы спрятать след духа? Но возможный вред для души... — Тэд покачал головой. — Надо быть либо очень храбрым, либо совершенно чокнутым, чтобы решиться на такое. И кого вы выбрали для исполнения столь рискованной операции?

— Я проделала все сама, — холодно отозвалась Дэмин.

Идти предстояло либо ей, либо Дэхуа, а Дэмин всегда была сильнее сестры. Она никогда бы не позволила Дэхуа так рисковать.

Присутствующие одобрительно загудели. Идущий по пути смерти обнажал свой бессмертный дух до самой его сути и таким образом маскировался под мертвых. Поскольку дух их никак не отображался в гломе, Дэмин смогла пройти под маскирующее заклинание и отыскать, где похищенная девушка пребывает во плоти.

Регис постучала по кафедре.

— Есть еще вопросы?

Она оглядела зал. Вопросов не было.

— Надеюсь, мне не надо вам напоминать, что эта информация — только для Совета и той команды венаторов, которая изначально занималась этим делом. Больше никто в клане не должен знать, что мы проводим внутреннее расследование. Главное, что конспираторы приняли меры к восстановлению секретности, нарушенной из-за этого ролика в Сети. Основная часть мира остается в блаженном неведении о нашем существовании. Исчезновение Виктории мы объясним ее переводом в закрытое учебное заведение в Швейцарии. Тейлорам объяснили ситуацию, и они готовы сотрудничать.

Совещание закончилось, и пока Дэмин собирала вещи, регент подошла к ней. Красота Азраил поразила Дэмин. Среди вампиров поговаривали, что одна лишь Габриэлла прекраснее ее, хотя Дэмин уже давненько не видала ее во плоти — она была не в цикле, когда Аллегра еще действовала. Полупрозрачная кожа Мими Форс обладала мягкостью и свежестью юности и лучилась жизненной силой, особенно заметной по контрасту с глубокой печалью в изумрудно-зеленых глазах.

— У тебя есть все, что нужно? — спросила Мими. — Как с тобой обращаются?

— Жилье у венаторов — настоящая дыра. Прямо как дома, — ухмыльнулась Дэмин. — Но я справлюсь.

— Рада слышать. Не забывай: в школе мы с тобой незнакомы. Так что, пожалуйста, не принимай близко к сердцу то, что я могу сказать или сделать.

— Постараюсь запомнить, — отозвалась Дэмин.

Она двинулась было к двери, но у нее возникло ощущение, что регент хочет сказать еще о чем-то, так что она задержалась.

Мими подождала, пока зал опустеет, и лишь после этого заговорила:

— И еще одно. По моим наблюдениям, некоторые из нас считают, что в качестве сообщества мы превращаемся в мишень. Преданные мне венаторы сообщили, что Джосая Арчибальд и еще несколько членов Совета планируют переворот и роспуск клана. Они собираются закрыть Хранилище, переселить Дом архивов под землю и забрать с собой половину зарегистрированных семейств. Я позволила им думать, будто ничего не знаю об их планах. Но мне необходимо найти убийцу. Если мне удастся вычислить, кто стоит за

этим видеороликом, я смогу вновь завоевать их доверие, успокоить оппозицию и сплотить клан воедино.

Дэмин кивнула. Мими не упомянула об этом, когда выслушивала ее доклад, и она была потрясена, узнав, что нью-йоркский клан пребывает в такой опасности. Но с другой стороны, никакой другой клан не потерял такое количество бессмертных жизней.

— Обрушенное на тебя заклинание крови — ты не думаешь, что Совет может быть как-то связан с этим? — спросила Дэмин.

— Венаторы пока что не уверены. Они все еще разбираются с механизмом заклинания. Но на данный момент склоняются к тому, что да, оно было направлено на то, чтобы убрать меня с дороги. — Мими склонила голову. — Совет имел доступ к моему архиву в Хранилище. Каким-то образом они вычислили, что я планирую снять защитные заклинания.

— Как ты полагаешь, они причастны к похищению Виктории?

— Нет. Конечно нет. Но они воспользовались этой возможностью, чтобы напасть на меня.

— Могу я поинтересоваться, как тебе удалось отразить заклинание крови?

Регент вздохнула.

— Я сама толком не знаю. Как считают наши врачи, оно просто прошло сквозь меня и при столкновении нейтрализовалось, как будто на мне был бронежилет.

— Как бы там ни было, ты очень везучая. Я видела жертвы заклинаний крови. Это неэстетично, — заметила Дэмин, избавив Мими от подробностей: того, как останки соскребались в кучку, а затем кровь сжигалась, — это было проявлением милосердия, поскольку бессмертный дух распылялся в ничто. Заклинания крови — ужасающие приемы, позволяющие обуздать глом и обрушить его эффекты на конкретного вампира, причем мишенью становятся молекулы его крови. — В любом случае роспуск клана кажется мне чересчур радикальным предложением, — добавила она.

— Они пытаются избавиться от меня, потому что знают: я никогда этого не допущу, — сказала Мими, подняв блестящие глаза. — Каждый сам за себя? Никаких рождений согласно циклу? Они что, позабыли, что это такое? Был бы здесь Чарльз — они бы ни за что не

посмели бы предпринять подобную попытку.

— Не волнуйся, я найду для тебя убийцу, — сказала Дэмин, коснувшись руки Мими.

— Хорошо.

Регент странно взглянула на нее, и Дэмин сначала не поняла этого взгляда — лишь потом осознав, что Мими завидует ей. Завидует, что Дэмин сумела спасти заложницу, в то время как она, Мими, потерпела неудачу — и наказанием для нее стало то, что под угрозой оказался весь ее клан. Она явно стремилась не к этому, когда снимала защиту.

— Ты не виновата в том, что случилось с Викторией, — произнесла Дэмин. — Не вини себя. Не беспокойся. Я не провалю дело. Со мной такого не бывало никогда.

Мими подала ей руку.

— Ты уж постарайся. А то ведь старейшины не понимают, что если преуспеют со своей затеей роспуска клана... вполне вероятно, что мы никогда больше не возродимся.

ГЛАВА 27

НОВЕНЬКАЯ

Отведенная Дэмин комната была маленькой, с окном, выходящим во двор-колодец, так что из него открывался вид на кирпичную стену — до нее было футов пять. В Шанхае в ее распоряжении был расположенный на верхнем этаже пент-хаус, но над городом висел такой смог, что из окон было видно примерно то же самое, что и тут, — серая мгла Братья Ленноксы, проживавшие на верхнем этаже, предлагали ей помощь, но Дэмин пока отказалась. Ей лучше работалось в одиночку.

Дэмин прихватила свою сумку и покинула здание; она решила воспользоваться метро. Обстоятельства были затруднительными, но она наслаждалась вставшими перед ней препятствиями. Больше всего на свете Дэмин любила завершающую фазу борьбы, особенно когда не собиралась проигрывать. Шанхайские коллеги называли двойняшек Чэнь самонадеянными, но Дэмин так не считала. Близняшки отличались от других. Подобно легендарному Кингсли Мартину, они делали все необходимое, чтобы добиться результата. Они были холодными и безжалостными и не остановились бы ни перед чем, чтобы добраться до истины. Именно поэтому клан без особых колебаний отправил одну из них в Нью-Йорк, поскольку у них оставалась вторая.

У Дэмин это было третье задание с внедрением за тот год, что она проработала венатором, — они с Дэхуа воспользовались поблажками, предоставляемыми новыми правилами, и, подобно двойняшкам Форс, рано поступили на службу, — и она мысленно подготовилась к грядущему дню. До похищения Лилин Тан самой большой головной болью азиатского клана было нарушение прав людей: слишком многие вампиры выпивали своих фамильяров до состояния полного потребления и оставляли за собой шлейф из трупов Красной крови либо чересчур вольно обращались со стиранием памяти, так, что люди теряли рассудок. В данный момент ее сестра находилась в сельской местности, отслеживала пробре спиритус, вампира, который использовал глом, чтобы насылат кошмары на местное человеческое население.

Задание в Дачезне было более похожим на то, которое она выполняли в Международной школе, когда их привлекли к делу о похищении. Лилин Тан вращалась в причудливой компании эмигрантов, держась в стороне от обычной замкнутой группировки богатой молодежи из коммунистической элиты. Ее друзьями были представители Голубой крови со всего мира, а ее похититель — приедем из Европы. Это преступление заставило азиатский клан задуматься о выходе из всемирного вампирского сообщества, но пока что они предпочли сохранить лояльность по отношению к Нью-Йорку.

Дэмин понимала, что Дачезне не похожа на типичную американскую среднюю школу: здесь не было ни чирлидеров, резвящихся в юбочках, едва прикрывающих задницы, ни торжественно шествующих по коридорам массивных футболистов, ни угрозы со стороны любителей внезапно облить другого ледяным коктейлем — возможно, она излишне насмотрелась американских фильмов, — но стоило ей войти в резные двустворчатые двери школы, и она обнаружила, что в целом здесь все так же, как везде.

Здесь тоже существовало жесткое разделение: клевых от прибабахнутых, красивых от некрасивых. Популярные ученики, и в их числе друзья Виктории, собрались перед первым уроком во внутреннем дворе: девушек с завидными фигурами, ухоженными волосами и ослепительно-белыми зубами, с парижскими сумками вместо рюкзаков окружали красивые юноши, с волосами в художественном беспорядке, с мечтательными взглядами, в небрежно повязанных галстуках и таких же небрежно сидящих пиджаках, как будто они только что встали с постели. Это был узкий, замкнутый круг привилегированных лиц Голубой крови — словом, та самая группа, к которой Дэмин намеревалась присоединиться.

Девушка решила, что это будет не слишком сложно. Она не страдала ложной скромностью насчет своей внешности: знала, что красива со своими прямыми черными волосами, ниспадающими на спину, с кожей кофейного оттенка, с большими глазами и курносым носиком, с худощавой мальчишеской фигуркой. Кроме того, у нее имелся большой опыт пребывания в роли новенькой. Ее отец этого цикла был промышленником с дочерними компаниями по всему миру, и двойняшки успели поучиться в Лондоне, Тегеране, Йоханнесбурге и Гонконге. Дэмин знала, как ладить с окружающими и как им понравиться.

Все собрания Комитета, и младших членов, и старших, были отложены на неопределенный срок, поскольку стражи были слишком заняты: они восстанавливали защиту вокруг клана после импульсивных действий регента. Никто не знал, насколько сильно Мими раскрыла их врагам и каковы будут последствия. Неудивительно, что клан потерял веру в своего главу. Тем более неудивительно, что будущность клана оказалась под угрозой.

Скверно, что собрания прекращены на неопределенный срок. На них несложно было бы смешаться с группой, не привлекая к себе особого внимания. Дэмин заглянула в расписание. Первым уроком у нее значился гуманитарный факультатив для выпускников «Суть самости». Тот, кто составлял расписание, определенно питал слабость к звуковым эффектам: можно было выбрать «Спорные сущности» (этика), «Движение и динамика» (урок танцев) и «Преодоление преград» (как ни странно, английский). Интересно, что случилось со старой доброй историей, алгеброй и ИЗО?

Дэмин выбрала этот факультатив из-за того, что его посещали трое главных подозреваемых. Она уселась рядом с Френсисом Кеноченом, которого все звали Фрогги, — одним из двух парней, с кем Викторию видели в последний раз на вечеринке у Джейми Кипа. Фрогги определенно не походил на хранящего ужасную тайну. У юноши было открытое, дружелюбное лицо, волосы невообразимого апельсинового цвета и, судя по сутулости покатых плеч, легкий, покладистый характер. Впрочем, это не имело особого значения. У того парня Голубой крови из Гучжоу, который выпил досуха две дюжины фамильяров, было лицо ангела.

— Извини, — сказала Дэмин, когда ее сумка задела локоть девушки, сидящей с другой стороны.

— Это палочки для еды? — спросила девушка.

Дэмин подняла голову и увидела красивую рыжеватую блондинку. Та оценивающе взидала на нее. Пайпер Крэндаль. Подозреваемая номер два. Она была лучшей подругой Виктории, а следовательно, одной из тех, у кого могло иметься больше всего причин навредить ей. По опыту Дэмин знала, что главным врагом всегда оказывается кто-то из самых близких.

— Клево! — сказала Пайпер.

— Спасибо.

Рука Дэмин машинально потянулась к длинным черным волосам: девушка носила их в виде нетуго закрученного пучка на макушке, скрепленного изящными серебряными палочками для еды, — это был последний писк шанхайской моды. Впрочем, в данном случае это не были обычные палочки для еды. Их выковал мастер Аларбьель, и соединенные воедино они образовывали ее меч, который звался Жэн Ци Ша Шоу, Милосердный Убийца.

— Классные у тебя часы, — сказала она Пайпер, — Это винтаж?

— Подлинные «Картье», того времени, когда их еще делал Луи. — Пайпер улыбнулась. — Забавно: Красная кровь думает, что вещи нельзя забрать с собой. Я пользуюсь этими часами уже почти две сотни лет.

— Потрясающе, — сказала Дэмин.

Ей не нужно было прибегать к глому, чтобы понять, что дорога к женской дружбе вымощена лестью. Да и зачем использовать глом там, где вполне довольно здравого смысла, проницательности и понимания человеческой (и вампирской) психологии? Слишком многие из искателей истины обленились и стали чересчур зависимы от телепатических приемов. Они утратили способность мыслить самостоятельно.

— Может, я как-нибудь дам их тебе поносить, если научишь меня так укладывать волосы, — сказала Пайпер.

— Да когда захочешь, — отозвалась Дэмин. — Меня зовут Дэмин Чэнь.

Из соображений маскировки она явилась в Дачезне наряженная по последней моде и теперь отметила про себя одобрительный взгляд, который Пайпер бросила на ее дорожную сумочку.

— А я Пайпер Крэндэлл. Я про тебя знаю. Совет получил письмо, что тебя переводят сюда. Где ты остановилась?

— Мой дядя — венатор, и у него есть несколько комнат на Бликер-стрит.

— Ужас какой. — Пайпер качнула головой. — Там же ничего не ремонтировали с...

— Деятнадцатого века! — хором закончили они.

Пайпер рассмеялась.

— Это здание, наверно, ровесник моих часов. Если тебе надоест там, перебирайся жить ко мне. У нас есть цифровое телевидение. Готова поспорить: у этих консерваторов даже и обычного-то нет!

Дэмин решила, что это многообещающее начало. Она планировала после нескольких дней нудной и усердной дружбы с Пайпер Крэндалл — обычных сплетен о парнях и заимствования друг у дружки нарядов — досконально выяснить, что же именно произошло с Викторией Тейлор в тот вечер, когда Джейми Кип праздновал свой день рождения.

ГЛАВА 28

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

Пайпер Крэндалл принадлежала к одному из самых солидных семейств нью-йоркского клана, и ее связи и окружение были безупречны. Крэндаллы были преданы ван Аленам. Бабушка и дедушка Пайпер были двумя самыми надежными союзниками Корделии и Лоуренса ван Аленов в Совете. Их положение упрочилось, когда Лоуренса избрали регисом.

Пользуясь положением подруги, Дэмин сумела детально осмотреть подсознание Пайпер так, что та ничего и не заподозрила. Пока все признаки свидетельствовали о том, что Пайпер была не более чем нормальной, всесторонне образованной представительницей Голубой крови.

Дэмин надеялась пробраться глубже, исследовать запутанные слои ее памяти. Существует множество способов спрятать истину, даже от себя самого, но рано или поздно внешняя невинность спадает, обнажая темную сердцевину вины. Но если Пайпер и была причастна к гибели Виктории, Дэмин до сих пор не могла обнаружить мотива, и это мучило ее. Даже если Пайпер втайне и ненавидела Викторию, должна была возникнуть причина для убийства, что-то толкнувшее маятник от тайной враждебности к открытому насилию. Убийство Виктории было расчетливым и жестоким, и если Пайпер приложила к нему руку, у нее должны были найтись на то серьезные причины. У Дэмин возникли свои предположения, в основном базировавшиеся на историях, когда девичья дружба скрывала жестокое соперничество и затаенную злобу. Ей доводилось видеть, как девушки убивали подруг и за меньшее, но пока ничто в Пайпер не указывало на неискренность ее отношения к Виктории.

Второй загадкой был характер ролика. Если это сделала Пайпер или еще кто-нибудь из друзей Виктории, почему они попытались поставить под удар вампиров?

В тот день Дэмин вместе с Пайпер отправилась на общий для них факультатив «Суть самости». Насколько понимала Дэмин, посещение этих занятий было для здешних сверхпривилегированных юнцов предлогом читать книги, смотреть старые фильмы и с важным

видом вещать на философские темы, в которых они ничего не смыслили, а также легкой возможностью получить отличную оценку, которая украсила бы их табель успеваемости. (По этому факультативу экзамена не было, только две отчетные работы.) Для Дэмин такие занятия были приятным разнообразием после предыдущего задания внедрения. Несколько месяцев назад она устроилась работницей на фабрику, дабы собрать доказательства того, что принадлежащие к Голубой крови владельцы фабрики, используя принуждение, заставляли красно-кровных рабочих трудиться на износ, до грани истощения.

Профессор, длинноволосый бывший хиппи, начал урок.

— Ну и как вам «Потерянный рай»? — поинтересовался он.

Вчера они смотрели фильм «Адвокат дьявола». В этом году темой семинара было изображение зла в современном мире, образ дьявола как продукт поп-культуры.

— Мне не понравилось! — тут же отозвался какой-то парень. — Милтон сделал из дьявола какого-то Хитклиффа ^[5]. Он представил зло слишком привлекательным.

Юноша был стройным, застенчивого вида, с вьющимися темными волосами и ясными голубыми глазами. Пол Рейбурн был одним из краснокровных стипендиатов в Дачезне. Он, вероятно, понятия не имел, что окружен бессмертными. В Шанхае они называли таких людей овцами, а овцы Дэмин не интересовали.

— А я не согласен. Я не считаю Люцифера чудовищем. Я думаю, что его просто неправильно поняли. Ну, я хочу сказать, что без него вообще никакой истории не было бы, — произнес другой темноволосый парень.

Он сидел, развалившись на стуле, и грыз ручку. Его темные густые волосы были зачесаны назад, открывая пронзительные темные глаза. В его лице было нечто такое, что приковывало внимание и поражало сильнее, чем красота, а что-то в изгибе его губ наводило на мысль, что он, должно быть, с наслаждением наблюдал бы за смертью невинных существ.

Это был подозреваемый номер три, Брюс Каттинг. Уже по одной его ауре Дэмин поняла, что это темный ангел. Об этом в докладах венаторов не говорилось. Несомненно, существовало некоторое

количество выходцев из преисподней, которые поклялись последовать за Михаилом и Габриэлой в изгнание, но их было немного. Дэмин не хотелось с предубеждением относиться к их происхождению — это делало бы ее столь же глупой, как краснокровных с их одержимостью расовыми различиями (подобно многим другим представителям Голубой крови, Дэмин за множество циклов сменила множество этносов и рас), — но все же тут было над чем подумать. Слишком уж редкие из темных ангелов не сделались Серебряной кровью. Брюс Каттинг, как и нынешний регент, был одним из них.

— Интересное замечание, Брюс, — кивнул профессор. — История Сатаны действительно дала толчок сюжету.

Брюс одарил оппонента самоуверенной ухмылкой, но она лишь подтолкнула Пола к страстному возражению.

— Но ведь именно это все и испортило — то, что дьяволу придали вид романтического героя. Меня отчего-то не тянет симпатизировать желанию Сатаны сделаться Богом. Мы не должны позволять укореняться злу, — заявил он. — Вся эта затея с идеализацией зависти и амбиций здорово смахивает на то, как Уолл-стрит превратили в рекламу того, как это здорово — разбогатеть, играя на фондовой бирже, вместо едкой полемики, каковой задумывал эту историю Оливер Стоун. В результате зрители, вместо того чтобы ненавидеть героя Майкла Дугласа, мечтают быть им. Алчность — это хорошо, и они этим восторгаются. Вот и здесь то же самое. Дьявол — это мы, и предполагается, что мы должны положительно относиться к масштабу его амбиций? А что плохого в том, чтобы оставаться в раю? Неужто играть на арфе и летать среди облаков действительно настолько плохо? Я так не думаю, — улыбнулся Пол.

Класс захихикал, и похоже было, будто Пол выиграл дискуссию, но Брюс не собирался признавать поражение.

— Трагический герой — это хорошо. Эта страна была основана с той же самой идеей, на которой базируется «Потерянный рай», — что лучше править адом, чем прислуживать на небесах. Лучше быть независимым, быть господином собственной вселенной, чем рабом, — торжествующе заявил Брюс.

— Что-то я сомневаюсь, чтобы отцы-основатели имели в виду

«Потерянный рай», когда писали конституцию, — насмешливо бросил Пол.

— А тебе откуда это знать? — подколот его Брюс. — Тебя там не было! На мгновение Дэмин показалось, что Брюс может сейчас раскрыть свой статус бессмертного и обнажить клыки, чтобы перепугать несчастного человека до смерти. Но конечно же, Брюс просто ударился в демагогию. Да и в любом случае, он плохо знал американскую историю. Дэмин готова была поспорить, что в это время он не был в цикле. Скорее всего, его просто раздражало, что Пол, сам того не зная, случайно набрел на истину. Джон Милтон, один из членов первого состава конспираторов, написал свою поэму, дабы предупредить человечество о дьявольских искушениях, а вместо этого краснокровные восприняли ее как трагическое повествование о несбывшейся надежде. Еще Дэмин подозревала, что Брюса злит популярность Пола, — надо же, какой-то человечиска наделен острым умом и способностью убеждать других и в результате завоевал популярность в классе.

И тем не менее это было святотатством со стороны любого из Голубой крови — так говорить об Утренней звезде. Люцифер — герой? Его просто неправильно поняли? Да, конечно, Дэмин слыхала о либеральности в нью-йоркском клане, но не до такой же степени! Она сосредоточилась на усилиях расколоть Пайпер, но, возможно, у ее хорошенькой новой подруги действительно отсутствовало что-либо, кроме обычной подростковой тревожности и тяги к эффектности. Дэмин пока не готова была исключить Пайпер из списка подозреваемых, но только что Брюс Каттинг этими своими словами перевел себя в самое начало списка.

ГЛАВА 29

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В тот же день, позднее, Дэмин обнаружила дюжину ребят из компании Брюса сгрудившимися за двумя сдвинутыми вместе столами в местной пиццерии. Дело было в Верхнем Ист-Сайде, и пиццерия походила скорее на художественную галерею, чем на обычную забегаловку, — с величественным стеклянным куполом над обеденным залом, с открывающимся из нее роскошным видом на парк.

В центре этой веселящейся группы восседала Мими Форс, но, как и предупреждала регент, она не только никак не показала, что знает Дэмин, но вообще не взглянула в ее сторону. Дэмин нашла себе местечко между Крокером Балсаном по прозвищу Кики и Бузменом Лэнгдоном по прозвищу Буззи (у них что, у всех тут есть такие дурацкие прозвища?) и сосредоточила внимание на разговоре.

Дейзи Фостер, одна из старшеклассниц, как раз говорила о внезапном отъезде Виктории.

— Вот Вик повезло! Европейский клан позволяет им делать все, что угодно. Вы знаете о новых правилах, которые ввел Комитет? Теперь мы обязаны регистрировать предполагаемых фамильяров, чтобы им сделали анализ крови и провели психологическое тестирование, прежде чем «позволят» нам взять их. Чушь какая! — выпалила она, взяла ломоть пиццы и откусила крохотный кусочек. — Ну у кого есть на это время?

— Это для нашего же блага, — возразила Мими, встряхнув пустую банку из-под диетической колы.— Хорошие фамильяры получают лишь из определенного типа людей. Риск бывает значительный, а с болезнями много заморочек и лечить их дорого. Вообще-то стражам следовало бы сделать это раньше.

Дэйзи презрительно фыркнула.

— Мими, да ты сама была еще какой нарушительницей, пока не устроила нам все эти танцы-шманцы. Сколько-сколько у тебя фамильяров? И я готова поспорить, что ни один из них не

зарегистрирован!

— Кстати, почему бы тебе не рассказать нам, что на самом деле происходит в Совете? В смысле — что, Вик правда в Швейцарии? — хохотнула Уиллоу Фрост.

— Я на днях получила от нее письмо, — спокойно отозвалась Мими. — Она сейчас на весенних каникулах в Гиггаде. Можно встретиться с ней там, если хотите.

— Она никогда ничего не говорила про катание на лыжах! С каких это пор вы с ней сделались подругами? — выпалила Пайпер. Вид у нее был слегка уязвленный.

Дэмин подумала, что, если Пайпер причинила вред своей лучшей подруге, она определенно знала, как это скрыть.

— Эта Вик! — произнесла Стагла ван Ренсле, — Я просто поверить не могу, что она не устроила прощальную вечеринку. Просто взяла и уехала! А что случилось с ее малюткой бойфрендом? Его больше не видать. Вам это не кажется странным? Чего это они оба исчезли так внезапно? Помните, что случилось с Эгги Карондоле и всеми остальными пару лет назад? Спорим, что Совет что-то скрывает?

— Кто-то мог бы рассказать нам об этом, а не рассказывает! — обвиняюще заявила Пайпер, глядя на Мими в упор.

— Ребята, я же вам говорила: это просто почетный титул. На самом деле они мне не позволяют ничего делать. Ну будет вам! — запротестовала Мими. — Они просто дали мне этот титул потому, что Чарльз уже слишком долго отсутствует. Все решения принимает Совет. Меня даже не приглашают на заседания.

Дэмин решила, что это очень умно со стороны Мими — не давать своим ровесникам осознать весь масштаб ее новообретенной власти и ответственности. Во-первых, они бы все равно не поверили, потому что она настолько молода. А во-вторых, некоторым членам клана сделалось бы не по себе, если бы они осознали пределы ее влияния. Хотя Азраил и Аббадон были двумя из самых сильных и яростных бойцов Голубой крови, их силу всегда контролировали Неразвращенные. Теперь, с отсутствием Михаила и Габриэллы, ситуация менялась в корне. Неудивительно, что Совет задумал переворот.

Фрогги швырнул в Брюса хлебной палочкой, и между парнями разгорелась по-театральному эффектная битва. Девушки тем временем хохотали и вопили, чтобы мальчишки прекратили и не сыпали чеснок им в волосы.

Дэмин обратила внимание на то, что остальные посетители косо посматривают в их сторону. Вампиры устроили представление, привлекая к себе внимание. Они вели себя в точности как Красная кровь. Глупо и неосторожно. Дэмин поймала взгляд Мими, но регент, судя по виду, смирилась с происходящим.

«На улице», — послала мысль Мими и, извинившись, вышла из-за стола.

Через несколько минут Дэмин, заплатив за себя, вышла следом за ней в переулок за рестораном, где они не видны были прочим членам компании.

— Считается, что ты вроде как должна отмечаться у меня каждое утро. Ну, что ты уже успела? — поинтересовалась Мими. — Эти крысы из Совета уже заставляют писцов перетаскивать архивные дела из Хранилища. Они что, всерьез верят, что я ничего не замечаю? — Она с изумлением покачала головой.

— Я пока занята внедрением. Прошло же всего три дня, — отозвалась Дэмин. — Докладывать еще не о чем. В подобных делах для прорыва требуется некоторое время.

Регент нервно дернула себя за прядь волос.

— Мои источники сообщили, что они намерены начать действовать через две недели. Хотят захватить штаб-квартиру и запереться, а меня с венаторами не впускать.

— И ты ничего не можешь поделать?

— Я не могу раскрыть карты, пока не поймаю убийцу. Это единственный способ сохранить клан единым и убедить их остаться.

— Я доберусь до убийцы за этот срок.

Мими с сомнением качнула головой.

— Хорошо бы. Держи меня в курсе.

Она ушла — присоединилась к все той же компании, которая теперь столпилась на тротуаре, и через несколько минут Дэмин

последовала ее примеру.

— Мы идем к Стелле, — сообщила Пайпер, заведя венатора. — У нее брат вернулся из Брауновского университета, и у него потрясающие друзья.

— Я пас, — пожалуй, слишком резко отозвалась Дэмин.

Импровизированное совещание с регентом раздосадовало ее. Ну ладно, придется действовать быстрее. Дэмин оглядела группку парней, что бесились, перебрасывая друг другу айфон Фрогги.

Она попрощалась с девушками и подошла к Брюсу.

— Проводишь меня домой? — спросила она, проскользнув сквозь толпу.

Брюс осмотрел ее с ног до головы. Последние два дня они провели в одной компании, но до этой минуты не перекинулись и словом. Хотя на самом деле это не имело значения, если только она ему нравилась — а Дэмин еще не встречала парня, который не запал бы на нее.

— Давай, — согласился Брюс.

Дэмин знача, что так оно и будет. Голос Брюса напоминал соус габаско с медом: резкий и сладкозвучный одновременно.

— Ладно, парни, пока! — бросил он друзьям, и они с Дэмин зашагали прочь. Дэмин изучала идущего рядом с ней красивого юношу. За время своей службы в рядах венаторов она навидалась несправедливости и жестокости и пренебрежительное отношение к жизни считала личным оскорблением. Смертный ты или бессмертный — без разницы, всякая жизнь ценна. Уж не решил ли Брюс Каттинг, что жизнь Виктории ценности не имеет? А если решил, то почему?

Она пообещала регенту, что найдет убийцу Виктории. До сих пор Дэмин не давала обещаний, которых не могла сдержать.

ГЛАВА 30

РОЛЬ ПОДРУЖКИ

Встречаться с Брюсом было даже слишком легко. После того как он проводил Дэмин домой из пиццерии, они тут же сделались темой разговоров. На следующий день в школе Брюс уже поджидал ее после каждого урока, чтобы они могли пообниматься и поцеловаться где-нибудь в коридоре. Правда, Дэмин еще не привыкла к вкусу его языка у себя во рту и к обращению «детка».

В субботу после уроков наступало время всеобщего отдыха и развлечений. Брюс пригласил Дэмин встретиться с ним в городском доме Фрогги. Добравшись туда, Дэмин тут же извинилась и сказала, что ей нужно в дамскую комнату, а вместо этого прокралась в спальню Фрогги. За то время, что у краснокровного агента ушло бы на снятие отпечатков пальцев, Дэмин успела тщательно исследовать ближайшее окружение Фрогги и его семейные связи.

Девушка сделала копию жесткого диска его компьютера, чтобы передать техникам, и провела проверку в гломе — посмотреть, не найдется ли какой зацепки. Если бы Фрогги был искомым преступником, она сумела бы засечь с комнате следы вины, ужаса или насилия в его непосредственном физическом окружении. Особенно если он держал в руках адское пламя — оно оставляло после себя характерный запах, сохранявшийся долгие годы. Пожар в Рио все еще тлел. Но здесь Дэмин почувствовала лишь зловоние, исходившее из корзины с грязными носками.

Девушка со вздохом задвинула обратно ящик письменного стола. Как она и подозревала, в этом парне не было ничего особенно хорошего или особенно плохого, он нес в себе всего лишь дух незначительного ангела с ничем не примечательной историей. Его родители в этом цикле, Кеночены, почти не интересовались делами клана. Никто из них никогда не служил ни старейшиной, ни стражем. Это были аполитичные типы, не способные выйти на бой с Серебряной кровью, даже если бы от этого зависела их жизнь. Когда-то они были воителями божьими, теперь же превратились в американских банкиров. Насколько могла судить Дэмин, их интересовало только одно — уровень цен на бирже.

— Детка! Ты все еще там? — позвал Брюс.

— Одну секунду, милый! — откликнулась Дэмин.

Ей еще не доводилось играть роль чьей-нибудь подружки — во всяком случае, ради исполнения задания. Вообще-то, конечно, у нее были парни. У кого их сейчас нет? Ныне стало модно играть с вечными узами, флиртовать с судьбой. Старшее поколение оказалось захвачено врасплох тем, как легкомысленно молодая поросль вампиров относится к своим священным обязательствам. Чего стоит одно происшествие с Джеком Форсом! Просто позор! Что за небрежное отношение?! Стоит ему вернуться в Нью-Йорк, и его тут же отдадут под суд и сожгут. Если, конечно, к этому времени клан еще будет существовать. В противном случае Мими настигнет Джека сама, даже и без су да — вэтом Дэмин не сомневалась.

Дэмин всегда была очень осторожна в отношениях с парнями и разрывала их прежде, чем они перетекали во что-нибудь серьезное. Она не хуже прочих знала, что, как только ты находишь своего суженого и вы с ним узнаете друг друга в этом цикле, игра окончена.

Что же касается Брюса, его бессмертная история оказалась так же чиста, невзирая на прошлое темного ангела. Однако же Дэмин заметила, что аффектус его затемнен, мутно-белый, а это означало, что Брюс что-то скрывает. Дэмин пока не могла сказать, имеет ли это какое-то отношение к истории Виктории. Ей нужно было придумать способ сблизиться с парнем, чтобы суметь прочитать его память и выяснить, что он скрывает. Дэмин не любила действовать наспех, но поскольку регент требовала ежедневных докладов, Дэмин пришлось изыскать способ убыстрить темп.

Память глома в квартире Джейми Кипа подтвердила показания свидетелей: Виктория действительно оставила Эвана на диване и в конце вечеринки тусовалась с Фрогги и Брюсом. Никакие духовные следы не указывали ни на похищение, ни на какое бы то ни было нападение. Если бы Викторiu увели насильно, против ее воли, Дэмин это почувствовала бы. Нет. Виктория ушла с другом, который на самом деле не был ей другом. Может ли оказаться, что это был Брюс? Не это ли он скрывает? Может, его склонности темного ангела взяли верх? Дэмин не хотелось быть предвзятой по отношению к нему, но при отсутствии других версий это было тяжело.

Дэмин проследила, чтобы после нее в комнате остался такой же

бардак, какой был прежде. Спустившись вниз, она нашла Брюса с друзьями валяющимися на диванах в укромной гостиной Кеноченов. Их дом, подобно домам многих других богатых ньюйоркцев, был заполнен вещами музейной ценности, бесценными произведениями искусства и антиквариатом — все это подбирал художник по интерьеру, получающий ежемесячное жалованье. Однако, насколько поняла Дэмин, этими прекрасными, совершенными помещениями никто никогда не пользовался.

Вместо этого дизайнер оставлял в дальней части дома одну комнату без окон, помещал туда удобные диваны и огромный телевизор, и в результате девяносто процентов жизни в городском доме протекало в одной битком набитой комнате, в то время как прочая часть дорогих апартаментов стояла пустой — хоть сейчас снимай крупным планом для «Шелтер». Но и разрешения на подобные съемки тоже не давались. Элита Голубой крови предпочитала не привлекать внимания — не давать широким массам повода говорить об их привилегиях, чтобы ни у кого не возникало стремления снести им головы. Хотя Мария Антуанетта и выжила — в настоящий момент она как раз пребывала в цикле, принадлежала к европейскому клану и считалась одной из самых знаменитых и капризных кинозвезд, — вампиры усвоили преподанный урок.

— Мы тут подумываем, не рвануть ли к Руфусу в Гринвич. Он собирает народ на этих выходных, — сказал Брюс. — Вертолет залетит за нами где-то через час. Мы туда с ночевкой. Ты как, участвуешь? Ночное путешествие, сутки в обществе ее загадочного нового бойфренда и главного подозреваемого в убийстве бессмертной. Это был тот самый шанс, которого ждала Дэмин. Она одарила Брюса ослепительной улыбкой и пообещала, что встретится с ним на вертолетной взлетно-посадочной площадке уже с собранной сумкой.

ГЛАВА 31

ПРИЕМ ГОСТЕЙ

Поместье Кингов занимало двадцать акров частных земель на берегу моря, на юго-западе Коннектикута. Отец Руфуса был одним из тех финансистов, которые не только не потеряли деньги во время экономического спада, но и нажились на нем, поскольку сделали ставку на жесткий расчет. Дэмин стало любопытно, насколько это соответствует тем положениям кодекса вампиров, где говорится о просвещении человеческой расы. Похоже было, что в настоящее время многие вампиры совершенно не интересуются оказанием помощи человечеству, но зато очень заинтересованы в оказании всемерной помощи себе любимым.

Когда они добрались до места, уже стемнело и вечеринка была в полном разгаре. Дэмин проследовала за парнями в дом и обнаружила, что прихожая завалена рюкзаками и сброшенной одеждой. Где-то громко звучал рэп, ему вторил плеск.

Руфус Кинг, закончивший школу в прошлом году и ныне обучающийся на первом курсе в Йеле, встретил их с распростертыми объятиями.

— Привет! Спасибо, что пришли! Бассейн сзади.

В поместье имелся уличный бассейн, сейчас спрятанный под непромокаемым брезентом, и крытый бассейн, расположенный в стеклянном атриуме посреди дома. Дэмин со спутниками двинулись к нему. Друзья Брюса уже были в воде, так что он немедленно сбросил рубашку, брюки и носки и, оставшись в одних трусах, с громким плеском нырнул в воду.

— Привет! — поздоровалась Дэмин, проходя мимо компании девчонок, что сидели и болтали ногами в воде.

— Привет. Как долетели? — отозвалась Стелла, но отвернулась прежде, чем Дэмин успела что-либо ответить.

Остальные даже не потрудились сказать «привет». Пайпер, прежде чем отвернуться, состроила кислую мину. Она приняла тот уход Дэмин из компании близко к сердцу и с тех пор не проявляла никакого дружелюбия по отношению к ней. Но с другой стороны,

Пайпер была девушкой именно того типа, которые способны всерьез разозлиться, если их новая подруга находит себе парня. Некоторые девушки просто так устроены, и с этим Дэмин ничего не могла поделать. Впрочем, не очень-то ей и хотелось. Она здесь не затем, чтобы заводить друзей.

Необходимость торчать на этой дурацкой вечеринке вызывала у Дэмин легкое раздражение. Она явилась сюда лишь затем, чтобы иметь возможность с чистой совестью вычеркнуть Брюса Каттинга из списка подозреваемых. После сегодняшнего вечера, если аура Брюса не выкажет никакой связи с этой историей, ей придется еще раз пересмотреть материалы дела. Дэмин была убеждена, что обнаружит искомого убийцу в этой компании жадных до наслаждений, эгоистичных подростков, но после недели, проведенной в их обществе, начала думать, что, быть может, вступила на неверный путь. И ее раздражало, что столько времени было потрачено впустую. Убийца Виктории по-прежнему оставался вне досягаемости, а регент рассчитывала на нее, Дэмин, — на то, что она поможет сохранить целостность клана.

Дэмин оставила девушек и отыскала пустую спальню, где можно было переодеться в купальник. Переоблачившись, она присоединилась к компании, собравшейся у бара на кухне, и, к удивлению своему, обнаружила, что среди них есть и Красная кровь.

Когда она приблизилась, один из парней поднял глаза.

— Привет! Ты Дэмин? — произнес он.

Дэмин видела его в Хранилище: он спорил с другим писцом, запикивающим книги в ящик. У регента действительно были основания для беспокойства: Совет не терял времени даром. Если Мими не отыщет способа остановить их, они снова загонят вампиров под землю.

— А ты Оливер, — отозвалась Дэмин, пожимая юноше руку. — Друг Мими.

Она как-то натолкнулась на него, когда он выходил из кабинета регента.

Оливер скривился.

— Это что-то новенькое! Здесь она мне не друг.

— И мне, — ответила Дэмин, и они рассмеялись, как два

заговорщика.

— Я и не знала, что на вечеринке предполагается присутствие людей, — сказала Дэмин, приняв предложенный красный пластиковый стаканчик со спиртом, разведенным «Маунтин дью». Алкоголь был для людей. Предполагалось, что вампиры выпьют позже, во время церемонии,— а у людей от спиртного кровь делалась вкуснее.

— Мы друзья с Джеммой Андерсон, проводником Стеллы. Что же касается всех смертных в списке гостей, я думаю, что это вербовочная вечеринка, — произнес Оливер.

Он имел в виду, что Голубая кровь пригласила сюда людей, из которых, как они думали, могли получиться хорошие фамильяры. Иногда такие вечеринки называли «пробой».

— Ну, твоего жребия в шапке нет, — заметила Дэмин, обратив внимание на следы от укусов у него на шее. — Все хорошее уже разобрано, как обычно.

При этих словах Оливер улыбнулся, но улыбка получилась вымученной, и это сказала Дэмин все, что она хотела знать. Кто бы из вампиров ни сделал это, его уже не было рядом с Хазард-Перри. Бедолага.

— Вы знакомы с Полом? — поинтересовался Оливер, повернувшись к мнущемуся у нее за спиной парню.

— Мы вместе ходим на «Суть самости». Привет, — сказала Дэмин.

— Ты имеешь в виду «Сатану и самолюбие»? — с лукавой улыбкой отозвался Пол.

— Дьявол получит свое, — сострил Оливер. — Я посещал этот факультатив в прошлом году. Вы сейчас на «Потерянном рае»?

Дэмин отпила из своего бокала и скривилась.

— Да. Пол считает, что Мильтон был слишком добр к Сатане. Сделал из него чрезмерно романтическую фигуру, и мы в него влюбились.

— Синдром плохого парня. Курочки просто млеют, — бросил Пол. Глаза его засверкали. — Если уж на то пошло, — пробормотал он еле слышно.

И тут на голое плечо Дэмин легла чья-то рука.

— Вот ты где! — произнес Брюс. Поздороваться с собеседниками девушки он не потрудился. — Идем, мы там собрались у бассейна.

Дэмин извинилась перед Оливером и Полом и заспешила за Брюсом.

— Послушай, вовсе не обязательно вести себя так грубо, — упрекнула она его, когда они соскользнули на мелководье. — Если они Красная кровь, это еще не значит, что они абсолютно бесполезны. Один из них — из Хранилища.

Девушка под водой обвила Брюса ногами.

— Там, наверху, есть комната... как раз для нас, — жарко шепнула она ему на ухо. — Ты ни с кем... не связан узами? По крайней мере, пока?

— Нет. — Он поцеловал ее в шею, — А ты?

— Я вообще звезднорожденная близняшка. У меня нет суженого, — сообщила Дэмин.

Подобное было редкостью среди вампиров — иметь настоящего брата или сестру. Звезднорожденные близнецы были двумя половинками одной личности, созданной из одной и той же райской звезды, что раскололась и произвела на свет два духа вместо одного, идентичных во всех отношениях.

Дэмин никогда не суждено было понять законов кровных уз, как и союзов душ, заключенных на небесах. Тех, кто был завершен и при этом все-таки неполон. Многие из звезднорожденных становились венаторами, как, например, те же Сэм и Тэд Ленноксы. Примерно раз в сто лет Дэмин заводила роман с кем-нибудь, кто потерял свою суженую, но в основном держалась особняком. Звезднорожденные вампиры обычно проживали свои циклы в одиночестве.

Но это не означало, что она оставалась одна все время.

— Жду тебя наверху, — бросила она Брюсу.

Она намеревалась выманить темного ангела из тени.

ГЛАВА 32

ДОПРОС

Брюс нависал над ней, темный и великолепный в лунном свете. Дэмин провела пальцами по его твердому животу, обводя каждую мышцу. Его поцелуи были глубокими и настойчивыми, доказывая, что он из тех парней, которые всегда получают то, чего желают. Любая другая девушка была бы в восторге, но после обмена поцелуями, который, казалось, затянулся на несколько часов, Дэмин заскучала, и ей уже не терпелось перейти к делу.

Брюс на мгновение перестал целовать шею девушки и заглянул ей в глаза.

— Что-то не так? — хрипло спросил он, поскольку она перестала — что она там делала? — ах да, старательно постанывать и запускать пальцы в его волосы.

— Нет-нет, все хорошо, — отозвалась Дэмин и решила воспользоваться моментом. В этом заключалась одна из причин, делавших ее таким успешным венатором. Ей не нужно было использовать глом, чтобы заставить других говорить правду. Она не принуждала, а соблазняла. Она становилась лучшим слушателем, жилеткой, в которую можно поплакаться, той, кому можно исповедаться, той, кто все поймет. Сейчас, когда Брюс возлежал на ней, был идеальный момент, чтобы задать ему вопрос, который он не ожидал услышать.

— Я беспокоюсь насчет Виктории. Насчет того, что тогда сказала Стелла. Как ты думаешь, это правда? Ну, что она, может быть, вовсе не в Швейцарии и что Совет что-то скрывает.

— Кто знает? — отозвался Брюс. — Ну, в смысле, это ведь не в первый раз.

— Ты хорошо ее знал?

— Вик? Да примерно как и все, — ответил он, наклонился и поцеловал девушку в шею. Дэмин слегка вздрогнула из-за идущего от окна сквозняка, но Брюс воспринял эту дрожь как отклик на его чувственные труды и поднажал. — Ну, в смысле, она была другом.

Частью компании. Ну, ты понимаешь, — пробормотал он.

— А как ты думаешь, не мог ли кто-нибудь что-то иметь против нее? Может, она из-за этого и уехала? — спросила Дэмин.

Брюс прижался к ней всем телом, но, вместо того чтобы как-то на это откликнуться, Дэмин велела своему телу застыть.

— Иногда, если у кого-то неприятности в школе, бывает, что родители его куда-то переводят. Может, у Виктории с кем-то испортились отношения — хоть с той же Пайпер?

Брюс прекратил свои поползновения и отвел глаза. Дэмин назвала Пайпер наугад и не ожидала подобной реакции. Она почувствовала, как его тело внезапно заledenело. Любопытно...

— Пайпер ее не любила? — продолжала допытываться Дэмин.

— Я этого не говорил, — произнес Брюс, скатываясь с нее.

Теперь Дэмин знала: тут определенно что-то есть. Аура юноши приобрела насыщенный пунцовый оттенок. Дэмин видела ее вокруг тела Брюса — четкую, почти что осязаемую. Юноша был взволнован и обеспокоен. Он что-то знал про Пайпер и Викторию. Сердце Дэмин забилося, словно пойманная птица, но лицо оставалось недвижимым, как маска. Неужели она наконец-то что-то обнаружила?

— Они что, поссорились? Виктория как-то разозлила Пайпер? — поднажала Дэмин.

— Ну, я толком не знаю, — отозвался Брюс, почесывая нос.

Он словно бы сжался, а его аура принялась пульсировать алым и черным, сияя, словно огонь во тьме.

Дэмин ринулась в глом и стремительно прошла через защиту, прикрывавшую дух юноши от постороннего вторжения. Она настойчиво продвигалась через дымку его воспоминаний. Потом она увидела его — воспоминание, так взволновавшее Брюса. Вечер праздника. Пайпер Крэндалл, спорящая с Викторией Тейлор. Дэмин не могла разобрать, о чем разговаривают девушки — Брюс находился слишком далеко от них, — но ясно было, что, когда они вышли вместе, Пайпер была чрезвычайно расстроена. Это означало, что именно Пайпер была последней, кто видел Викторию живой. Виктория ушла с Пайпер, и больше ее никто никогда не видел.

Это было все, что требовалось Дэмин. Она откатилась в сторону

и схватила свою одежду. Ей необходимо было еще раз просмотреть дело Пайпер — понять, что же она упустила.

— Ты куда?

— Извини, я забыла тебе сказать — мне надо вернуться в город, у меня завтра встреча с дядей, — бросила Дэмин, не оборачиваясь.

Она оставила Брюса на кровати одного и осторожно спустилась вниз. Было уже за полночь, вечеринка закончилась. Большинство из гостей Голубой крови ушли или устроились на отдых в какой-нибудь из многочисленных спален. Оставшиеся краснокровные, обмякнув, лежали без сознания на диванах или на полу, покинутые своими новыми хозяевами.

— А! — воскликнула Дэмин, наткнувшись на Пола Рейбурна, выходявшего через центральную дверь. — Дьяволенок!

— О, привет, — отозвался Пол. Похоже, он удивился, увидев ее.

Дэмин заметила, что на его шее не было следов укусов, а значит, его не избрали. Пол был достаточно миловиден, но, по прикидкам Дэмин, большинство девушек-вампиров на вечеринке не питали интереса к умным и тонко чувствующим. Они их называли «жидкокровными». Дэмин испытала странное чувство облегчения и сама этому удивилась. Какая ей разница, отметил ли кто из вампиров этого юношу как свою собственность?

— Ты уходишь? — спросила Дэмин. Она намеревалась проделать обратный путь бегом, на скорости велокса, но тогда дорога утомила бы ее. — Ты не в Манхэттен, случайно? Можешь подбросить?

— Вообще-то... — Пол оглянулся, — Я кое-кого ждал... Ну да ничего. Конечно могу. Я взял машину брата.

— Здорово! — Дэмин улыбнулась — Мне в Виллидж.

ГЛАВА 33

ИСТОРИЯ ДВУХ ПОДРУГ

Пол Рейбурн вел машину, держа руль почти за самый верх. Он то и дело застенчиво поглядывал на Дэмин. Юноша кашлянул.

— Я думал, у вас роман с Брюсом.

— Был. — Дэмин зевнула. — Больше нет.

С этим определенно было покончено. Брюс Каттинг был ей не нужен больше, раз она уже знала его тайну.

— Быстро, однако... Ты что, роковая женщина? — поинтересовался Пол.

— С каких это пор тебя интересуют мои любовные похождения? — поддразнивая, поинтересовалась она.

Пол оглянулся через плечо, проверяя, можно ли перестроиться в другой ряд, и их глаза на мгновение встретились.

— С самого начала.

Он в нее втрескался. Дэмин читала это в его ауре всякий раз, как он смотрел на нее. Девушка ощутила странную дрожь. Она оставила в спальне наверху изнемогающего от желания темного ангела, но в машине наедине с обычным смертным ощутила то, чего не чувствовала несколько минут назад. Интерес. Влечение. Так уж вышло, что как раз ее интересовали умные и тонко чувствующие. Дэмин даже задумалась: а какова на вкус его кровь? Она была уверена, что предрассудки насчет «жидкокровных» совершенно безосновательны.

— Но я должен тебя предупредить, что от меня ты так легко не избавишься, — заявил Пол.

— Да ну?

— Ну, в смысле — если бы ты была моей девушкой, я бы, например, позаботился, чтобы ты не уходила с вечеринки с кем-нибудь другим.

— А что бы ты сделал? — с любопытством поинтересовалась

Дэмин.

Юноша покраснел.

— С чего я должен тебе рассказывать?

— Ну, потому, что я могу много нафантазировать. — Дэмин улыбнулась.

Это было забавно. По общепринятой точке зрения вампиры выбирали себе фамильяров, руководясь чисто физическим влечением, поддаваясь зову крови конкретного человека. Дэмин еще не отметила ни одного человека как своего фамильяра. Хотя в нынешнее время вампиры все чаще стали брать фамильяров в более раннем возрасте, Дэмин не планировала этого делать до того, как ей исполнится восемнадцать.

Когда Пол потянулся, чтобы положить свой айпод в бардачок, он случайно задел руку Дэмин, и девушка ощутила, как между ними словно бы проскочила электрическая искра. Как будто она была спичкой, воспламенившейся от его прикосновения. У Дэмин вдруг перехватило дыхание. Это и есть то, о чем все говорят? Та самая жажда крови? Дэмин никогда прежде не испытывала ее — этот голод, это острое, очевидное желание крови определенного человека. Словно все ее тело требовало его крови и она не успокоится, пока не изопьет из него.

— Тебе плохо? Ты что-то бледная.

— Ничего-ничего, все нормально.

Дэмин отвернулась и подняла руку, чтобы прикрыть рот. Ее клыки выдвинулись, а рот наполнился слюной. Она хотела его. Хотела так отчаянно, что ей потребовалась вся сила воли, чтобы не наброситься на юношу. Что бы это ни было, сейчас у нее нет времени. Даже если она хотела Пола и впервые познала жажду крови, ей необходимо было сосредоточиться. Ее ждала работа.

— Откуда ты знаешь этих ребят? — спросила Дэмин, стараясь выглядеть спокойной и не обращать внимания на проскакивающие между ними электрические разряды. — Через Джемму?

— Ну-у, вроде того... Но меня пригласила Пайпер. Ей, можно сказать, пришлось это сделать, потому что я постоянно ошивался рядом. В общем, пригласила из жалости.

Заслышав имя Пайпер, Дэмин направила свою энергию в другое русло.

— Пайпер милая, — протянула она, позволяя Полу проявить инициативу.

Она хотела знать, что о Пайпер думают другие. Воспоминания Брюса были одной деталью головоломки, но если она намеревалась возложить ответственность на Пайпер Крэндалл, ей требовалось больше информации, чтобы выстроить обвинение.

Пол снова перестроился в другой ряд.

— Нормальная девчонка. Вы с ней общаетесь?

— Вроде того. Я слыхала, она дружила с какой-то Викторией Тейлор, но это было еще до моего приезда.

Пол повертел ручку стереофонической системы, и машина чуть вильнула.

— Ну блин, пропустил свой съезд! Извини, ты что-то говорила? Что-то про Пайпер и Викторию? — переспросил Пол.

Из включенных на максимум колонок неслась музыка «Ковбой Джанкис».

— Они были лучшими подругами? — подсказала Дэмин.

— В смысле — до того, как?..

— До чего? — Дэмин придвинулась ближе.

Пол взглянул на нее.

— Слушай, я к сплетням не прислушиваюсь, особенно про тех, кому вообще, по правде говоря, до меня никакого дела нет. Это слишком унижительно. Но что я могу сказать? Я хожу в эту школу, и я не глухой. Я слыхал, что Виктория завела интрижку с Брюсом, а Пайпер об этом узнала на вечеринке у Джейми Кипа.

— Что? Виктория и Брюс? Они были вместе?

Дэмин не встретила в докладах ни малейшего упоминания об этом, и Виктория не играла сколько-нибудь значительной роли в воспоминаниях Брюса.

— Угу. И Пайпер здорово разозлилась.

Пол совершенно явно врал, говоря, что не любит сплетен. Он

купался в желтом свете, теплом и ярком, освещающем его лицо.

— А какое Пайпер было до этого дело?

— Ну так Пайпер с Брюсом встречались. — Пол пожал плечами.
— Я думал, это все знают.

Так вот о чем девушки говорили во время вечеринки! Вот почему Пайпер выглядела такой взбешенной! Это была та самая тайная ненависть, которую искала Дэмин, отравя в яблоке. Дэмин знала те темно-фиолетовые эмоции, которые требовали чьей-то смерти и заставляли людей сжигать и мучить своих лучших друзей, решать, что они не лучше груды хлама. Будучи венатором, Дэмин знала, во что превращалась крепкая дружба из-за горечи обиды и зависти. Пайпер и Виктория любили одного и того же темного ангела.

У Пайпер с Брюсом был роман, но Виктория встала между ними. Ревность к парню заставила одну подругу выступить против другой. Дэмин не думала, что Брюс знал о том, что сделала Пайпер, но он явно подозревал достаточно, чтобы испытывать чувство вины. В тот вечер, на празднестве у Джейми Кипа, Пайпер обнаружила, что лучшая подруга предала ее.

Дэмин наконец нашла то, что искала: мотив.

ГЛАВА 34

УЗАМИ МЕНЬШЕ

Пайпер Крэндалл, сидевшая с другой стороны стола, сердито сверкала глазами. Братья Ленноксы перехватили подозреваемую в понедельник после школы и отвезли в штаб-квартиру венаторов для допроса.

— Ты! — выпалила она, едва завидев Дэмин, входящую в комнату без окон. — Чего тебе надо? Что все это значит? Они сказали, что я должна ответить на какие-то вопросы. Ты венатор, что ли, блин? Что происходит?

— Я хочу поговорить о Виктории Тейлор, — невозмутимо отозвалась Дэмин.

Она сняла модную форму старшеклассницы и облачилась в обычный черный наряд венатора. В первый раз с момента приезда в Нью-Йорк Дэмин снова чувствовала себя собой. Какое же это облегчение — перестать маскироваться! Все выходные она копалась в документах и сводила дело воедино. Она была готова.

— А что такое с Викторией? — обеспокоенно спросила Пайпер.

Дэмин включила висящий на стене телевизор и нажала кнопку «пуск».

— Ты видела этот ролик? — спросила она.

— Ну да, его выкладывали в Интернет. Какой-то очередной фильм про вампиров от конспираторов.

— Это не трейлер к фильму. Это подлинные съемки. И снята здесь Виктория. А вот другой ролик. Не узнаешь?

Дэмин включила запись сожжения Виктории. Она постаралась не вздрогнуть, но смотреть на это было трудно.

Кровь отхлынула от лица Пайпер, и она закрыла глаза руками.

— О господи! Господи! Это она... Боже мой! Это настоящее... нет!.. нет!.. Нет, Виктория, нет! Она же должна быть сейчас в Ле Розе... как же так... Боже мой...

Дэмин выключила запись. Эта девушка была хорошей актрисой, надо отдать ей должное, но Дэмин ни на миг не купилась на ее представление.

— В тот вечер, у Джейми Кипа, ты узнала, что твоя лучшая подруга встречается с твоим парнем.

— Ты о чем? — всхлипнула Пайпер. Глаза и нос у нее покраснели. — Виктория мертва? О господи! Что произошло? Кто это сделал?

Дэмин на миг стало жаль девушку, но она видела все это и прежде: подозреваемых, которые не в состоянии были принять ужаса собственного преступления и потому честно уверовали, что никогда не причиняли вреда своим любимым. Она продолжала безжалостный допрос.

— Виктория встала между вами, и ты захотела наказать ее. Ты пожелала ее смерти и сочинила угрозу заговора, чтобы скрыть подлинную причину. Скрыть свой мотив.

Снова взявшись за личное дело Пайпер, Дэмин обратила внимание на то, что девушка была младшим конспиратором. В качестве такового она была знакома с внутренней кухней этого отдела Комитета. Она знала, на какие кнопки нажать и как создать иллюзию настоящего нарушения режима секретности.

— Я не понимаю... — проскулила Пайпер. — Виктория... почему? О господи, почему?..

— «Почему» — это правильный вопрос. Почему ты пожелала убить ее? Потому что она вмешалась в самые священные отношения. Потому что вы с Брюсом Каттингом — суженые.

Когда дело доходило до уз, все прочее отступало. Поскольку сама Дэмин была лишена уз, она никогда до конца не понимала, из-за чего столько суеты. Судя по тому, что она видела, узы только все усложняли.

Дело обстояло так же, как с похищением в Шанхае, когда деньги стали прикрытием истинной причины. Вампир, похитивший Лилин, был убежден, что он ее суженый, и желал сделать ей больно за то, что она влюбилась в другого. Он желал взять исполнение кодекса в свои руки. Дэмин едва успела спасти девушку. А в конце концов выяснилось, что парень ошибся. Между ними никогда не

существовало уз.

Некоторые вампиры считали, что узы — это любовные истории и романы. Души призывают друг друга сквозь столетия, и все такое. Но Дэмин знала, что все не так просто. Во всяком случае, в делах сердечных и в том, что касается уз. Виктория Тейлор была не первой, пострадавшей из-за уз, и не станет последней.

После оглушительной тишины Пайпер наконец заговорила.

— Я смотрю, тебе потребовалось немало времени, чтобы вычислить это! — с горечью произнесла она, утирая слезы. — Что Брюс был моим. Тебя это явно не волновало, когда ты перепихнулась с ним на вечеринке у Руфуса.

Дэмин покраснела.

Это не имеет значения. Да ну? Ты в этом так уверена, венатор? Не знаю, откуда ты взяла дурацкую идею о том, что Виктория украла Брюса у меня и я ее убила. На этот счет ты промахнулась. Виктория была моей подругой. Самой лучшей. Она никогда не становилась между нами. Спроси кого хочешь. Брюс ей вообще не нравился. Она не могла поверить, что он мой вампирский близнец. «Только не это чмо!» — вот как она говорила. Да, это меня злило. Но куда сильнее я разозлилась, когда в тот вечер у Джейми Брюс не захотел объявить, что мы нашли друг друга. Он сказал, что ему нужно больше времени. Чтобы быть уверенным. Я дико на него разозлилась, и Вик попыталась меня успокоить, так что я в результате наорала на нее. Но Вик была настоящей подругой. На самом деле никто и никогда не становился между Брюсом и мной, кроме тебя, уродина без уз. Давай отдавай меня на суд крови. Сканируй мое треклятое подсознание. Я говорю правду!

ГЛАВА 35

ВТОРАЯ ЖЕРТВА

Когда Дэмин вышла из комнаты для допросов, ее трясло. Тэд Леннокс посмотрел на нее с сочувствием.

— В гломе все было ясно как божий день.

— Я знаю.

Девушка рухнула в ближайшее кресло. Она тоже видела это, даже более ясно, чем они, потому что им, чтобы увидеть ауру Пайпер, нужно было входить в сумеречный мир.

Она была так уверена! Версия о том, что Виктория увела Брюса, объясняла все. Ничто не вызывало такого осуждения в среде Голубой крови, как попытка воспрепятствовать чужим узам. Ничто. Вспомнить хоть историю с двойняшками Форс. Когда она спросила его о Пайпер, Брюс Каттинг выглядел виноватым, и чувствовал себя виноватым, и действительно был виноват, потому что знал, что обманывает свою суженую. И имя Пайпер, прозвучавшее в тот момент, когда он развлекался с Дэмин, вогнало его в дрожь. Да, действительно, Брюс отреагировал на имя Пайпер, но вовсе не по той причине, о которой подумала Дэмин.

Дэмин была так уверена в своей способности читать ауру, что тут же сочла убийцей Пайпер. Решила, что угроза потери уз заставила ту подготовить детально разработанный заговор, приведший к убийству лучшей подруги. Она не сделала бы большей ошибки, даже если бы нарочно старалась.

Сэм Леннокс вынырнул из глома и положил руку ей на плечо.

— Жаль. Но гипотеза была хорошая.

Хорошая, но недостаточная. Она не была истиной. Дэмин снова вернулась обратно. К тому, с чего начинала. Во тьму. В никуда. Братья Ленноксы были добры, но их разочарование говорило само за себя.

— Кстати, регент хочет видеть тебя в своем кабинете, как только ты сможешь подойти, — негромко произнес Сэм.

Когда Дэмин добралась до штаб-квартиры, ее провели в небольшую приемную. Ей пришлось прождать несколько часов в обществе одного лишь монотонного вещания дикторов новостей с телеэкрана да старых журналов. В конце концов появилась секретарша Мими.

— Она вас ждет, дорогуша, — сказала Дорис.

Дэмин вошла в кабинет и уселась напротив массивного стола. Регент определенно пребывала в отвратительном настроении. Венатор подумала, что никогда еще не видала такой черной ауры, и приготовилась к выволочке.

Но Мими, тягостно помолчав, лишь вздохнула.

— Тебе крупно повезло. Пайпер была так потрясена известием о смерти Виктории, что Крэндаллы решили не подавать жалобу.

— Я полностью осознаю свою ответственность. Если ты желаешь снять меня с этого дела... — произнесла Дэмин, глядя на свое начальство с высоко поднятой головой.

То, что произошло утром, нанесло чувствительный удар по ее самолюбию, но ей сейчас было не до жалости к себе. Дэмин мучил стыд, и она мысленно поклялась, что искупит свою вину перед Пайпер, поставив настоящего убийцу Виктории перед судом.

— Нет. Я не принимаю твою отставку. Ты нужна нам еще больше, чем прежде. Пока ты разбиралась с подозреваемой, мне прислали вот это.

Мими развернула свой монитор так, чтобы Дэмин было видно. На этот раз ролик был намного короче. Лишь недвижимая фигура связанного и скованного вампира. Но послание было прежним.

«В канун молодой луны смотрите на сожжение вампира».

— Кто это? — спросила Дэмин, стоически встретив новую угрозу.

— Стюарт Родез. Ученик выпускного класса Дачезне. Он отсутствует со времени вечеринки у Руфуса Кинга в Коннектикуте. С вечера субботы. Ты же была там?

— Да.

Дэмин перебрала в памяти воспоминания о той вечеринке, но

она была тогда так занята Брюсом, что не обращала внимания ни на кого больше и не заметила ничего странного. Стюарт Родез. Кто он вообще, Стюарт Родез? Он не относился к элите. Но вечеринка была «пробной», а это означало, что туда приглашались все ученики Голубой крови из Дачезне. Дэмин смутно припомнила невысокого, сдержанного юношу, который держался в стороне и наблюдал за всеми из-за выпуклых линз.

— В любом случае, тут то же самое. В точности как в ролике с Викторией, — произнесла Мими.

— Существует ли какая-либо связь между Викторией Тейлор и Стюартом Родезом?

— Насколько мне известно, никакой. Стюарт не... Ну, скажем просто, у него свои собственные друзья, — тактично выразилась Мими.

— Так ты думаешь, что это случайный выбор?

Регент пожала плечами.

— Именно это тебе и следует выяснить. В любом случае, его местоположение замаскировано, как и в прошлый раз. Мы не можем отыскать его в гломе.

— Это выложено в Интернет? — спросила Дэмин, указав на экран.

Мими кивнула.

— Да, но конспираторы успели добавить туда анонс фильма «Взасос». Без него ролик пробыл примерно с час.

— Хорошо, значит, вопрос с разоблачением утрясен.

— Но жертве это не поможет, — заметила Мими. — Ты видела ролик. На этот раз у нас осталось всего три дня до молодой луны. Мне пока что удастся держать Совет в неведении о новом заложнике. Я не могу снова снять защиту. Особенно если учесть, что в прошлый раз это не помогло. Так что давай, начинай делать то, ради чего я вызвала тебя сюда! Тебе лучше бы что-то придумать, Чэнь. Найди убийцу! Найди Стюарта! Или, клянусь господом, если клан погибнет, я прихвачу тебя с собой!

Сейчас регент не нуждалась в гломе, чтобы выглядеть как разгневанный Ангел смерти.

Но Дэмин осталась невозмутима.

— Я поняла.

— Ты выглядишь чересчур уверенно, — раздраженно бросила Мими. — Что ты намереваешься делать?

— То, что мне следовало сделать сразу же после прибытия в Нью-Йорк. Пройти путем смерти.

ГЛАВА 36

ПРОВЕРКА СВЯЗЕЙ

На следующее утро братья Ленноксы внимательно слушали Дэмин, излагающую им, что нужно будет сделать, чтобы помочь ей подготовиться к выполнению задания. После вчерашнего унижения Дэмин была уверена, что никогда больше не сможет работать в Нью-Йорке, что коллеги — венаторы потребуют, чтобы ее отстранили от дела и выслали обратно в Китай. Но вместо этого братья отнеслись к ней с редкостным пониманием. Они заверили девушку, что такое происходит постоянно. Венаторы не могут быть непогрешимы. Они совершают ошибки. Главное — не отступить и не сдаваться.

План был следующий: они трое входят в глом вместе. Сэм следит, не появится ли какая опасность, и остается на верхнем уровне, а Тэд проследует за Дэмин по духовной тропе, насколько сумеет, и остановится сразу за подсознательным уровнем. Как только Дэмин умрет, она сумеет пройти сквозь маскировочное заклинание, определить точное местонахождение Стюарта и выдернуть его тело из вещного мира в глом, а там их уже будут ждать Ленноксы, готовые оказать помощь. Ну а потом они вчетвером все вместе выскочат из глома.

— Все-таки это рискованно, — сказал Сэм, покачав головой. — Как только ты очутишься глубже уровня подсознательного, сможешь полагаться лишь на свои силы, и не факт, что тебе удастся вовремя вернуться в свое тело.

— Да, практически я буду мертва пять минут, и мое сердце перестанет биться. Но пять минут здесь подобны пяти часам в глеме. У меня будет куча времени.

— Ну, тебе виднее.

Дэмин кивнула.

— Начинаем завтра вечером. Мне нужен день на подготовку.

Чтобы подготовиться к прохождению по пути смерти, девушке нужно было ознакомиться со всеми аспектами нынешнего и прошлых воплощений жертвы. Учитывая бессмертную историю Голубой

крови, невозможно было предсказать, что может обнаружиться на пути смерти, и лучше было подготовиться заранее. У Дэмин возникло предчувствие, что Стюар Родез — не случайная жертва, невзирая на то что видимой связи с Викторией Тейлор не наблюдалось. По опыту бесчисленных циклов, в течение которых она работала ищущим истину, Дэмин знала, что вещи редко бывают тем, чем кажутся, и если внешне могло представляться, что Виктория Тейлор и Стюарт Родез не связаны друг с другом, реальность обычно бывала куда более сложной.

Мать Стюарта Родеза находилась за пределами США, и Дэмин оставила ее секретарше сообщение с просьбой перезвонить как можно скорее. Тем временем мать Виктории Тейлор согласилась встретиться с Дэмин за чашкой кофе. Хотя она ничего больше не могла сделать для Виктории, Дэмин думала, что, быть может, ее родителям в этом цикле известно что-нибудь такое, что может помочь в текущем деле установить, нет ли между двумя жертвами какой-то связи.

Они встретились с Гертрудой Тейлор в кафе при Музее современного искусства во второй половине дня. Гертруда была одной из главных попечителей музея, активным членом Комитета. Тейлорам сообщили о кончине Виктории, но отказали в возможности горевать, поскольку регент потребовала засекретить дело до полного его разрешения. Согласно докладом венаторов, Тейлоры были плохими родителями и не слишком хорошо знали свою дочь, так что Дэмин могла ожидать чего угодно.

— Какая приятная встреча. — Гертруда улыбнулась и уселась за столик.

В кафе было полно народу.

— Спасибо, что согласились встретиться со мной, миссис Тейлор.

— О, зовите меня Гертрудой. Я знаю, что на самом деле вы вовсе не ученица Дачезне. Вы венатор, которого внедрили в школу, чтобы выяснить, кто убил Викторию.

Дэмин кивнула.

— Именно это я и намерена сделать.

— Хорошо.

Гертруда помешала свой зеленый чай. Теперь, вблизи, Дэмин рассмотрела глубокие морщины, залегшие вокруг ее глаз. Хотя женщина выказывала все внешние признаки спокойствия и довольства, на лице ее лежала тень горя, которую неспособны были замаскировать ни пластическая хирургия, ни вампирские гены. Доклады не соответствовали действительности. Эта женщина однозначно страдала.

— Виктория была нашим первенцем. Нас никогда прежде не просили вынашивать и воспитывать дух. В Доме архивов дошел черед до наших имен, и мы были глубоко взволнованы. У Виктории был очень хороший характер. У нее всегда было столько друзей! Я даже представить себе не могу, как кто-то мог пожелать причинить ей вред — особенно тот, кто знал ее.

— А как насчет ее предыдущих циклов? Не имелось ли в ее прошлом чего-то такого, что могло бы указывать на... недоброжелательство? Какой-то недостаток? Хоть на что-нибудь?

— Я ничего такого не припоминаю.

Дэмин достала блокнот.

— Когда она последний раз проходила инкарнацию? Она вам говорила?

— Дайте подумать... Кажется, когда началась трансформация и у Виктории стали появляться воспоминания крови, она упоминала, что в последний раз была в цикле во Флоренции, веке в пятнадцатом — она помнила свое пребывание в мастерской Микеланджело. Думаю, в Хранилище должно быть ее дело. В ее возрасте не всегда можно полагаться на воспоминания крови.

— Спасибо большое! Вы очень помогли мне.

— Нет, это вам спасибо. Совет держит нас в неведении относительно обстоятельств всего произошедшего, но мы очень рады, что они поручили дело специалисту вашего уровня.

Гертруда Тейлор встала из-за стола и пожала Дэмин руку. Ее глаза блестели от непролитых слез. На мгновение она стала выглядеть не как надменная светская матрона или как падший ангел, а как мать, оплакивающая свою дочь.

Несколько часов спустя мать Стюарта Родеза наконец перезвонила Дэмин. Родезы были антропологами и в настоящий момент находились в Египте на раскопках. Изучая дело Стюарта, Дэмин пришла к выводу, что он буквально-таки вырос сам по себе. Как только у него началась трансформация, он практически остался без присмотра.

Не похоже было, чтобы исчезновение сына лишило Амелию Родез душевного равновесия.

— Все это похоже на какую-то проделку, вам не кажется? — донесся ее голос сквозь рев вертолетов. — Я говорила со Стюартом всего несколько дней назад. Он собирался на какую-то вечеринку и был очень возбужден из-за этого. Понимаете, его не слишком часто куда-то приглашают.

— Боюсь, мэм, что это не проделка. Регент дала мне дозволение сообщить вам, что с другим учеником Дачезне, вампиром из нашего сообщества, произошло то же самое. — Дэмин посвятила ее в устрашающие подробности. — Стюарту грозит серьезная опасность.

— Ну а что вы хотите от нас? Нас ни о чем не просили.

— Вы подавали в Дом архивов прошение о родительстве на цикл? — спросила Дэмин.

— Давным-давно. В своей прошлой жизни я подумала, что стоит попробовать, каково это — быть матерью. Но к тому времени, как до меня дошла очередь, мне наскучила эта идея.

— Если вы сообщите нам что-нибудь о Стюарте, это может спасти ему жизнь. Вы не помните, не начали ли у него возникать какие-либо указания на его прошлые инкарнации? Или о том, когда он последний раз был в цикле?

— Он что-то такое говорил, но я не помню. Вроде бы где-то в Европе... Извините. Вы же его найдете? Пока его не сожгли, как эту несчастную девушку. Я все-таки привязалась к мальчику. При нашей работе мы с его отцом не так уж часто видели его, но мы по нему скучаем.

ГЛАВА 37

ДОМ АРХИВОВ

Той ночью Дэмин снова изучала документы, имеющие отношение к делу, уделяя особое внимание непонятному посланию, которое венаторы обнаружили в первом ролике. Поначалу она решила, что это лишь способ отвлечь внимание, но теперь изменила свое мнение. Глава Хранилища был уверен, что они разгадали шифр и что эти три изображения — знак Люцифера, овца, обозначающая род людской, и символ объединения — указывают на то, что Утренняя звезда заключил союз с Красной кровью. Если это правда, значит, тот, кто снимал ролики и захватил заложников — часть этого движения. Человек, служащий Кроатану? Это было неслыханно, потому Дэмин игнорировала такое предположение, сочтя его отвлекающим маневром. Мысль о том, что это может оказаться правдой, всерьез обеспокоила обычно хладнокровного венатора.

Перед рассветом Дэмин пробралась в Дачезне, дабы забрать из своего шкафчика талисман, нефритовую черепашку. Конечно, это было суеверием, но девушка не желала отправляться на путь смерти без нее. Ее сестра-близнец купила эти крохотные фигурки на гонконгском базарчике, и Дэмин привыкла повсюду носить с собой забавную зверушку. Она хотела проникнуть в школу и выбраться обратно так, чтобы ее никто не заметил и ни о чем не спрашивал. В такую рань в здании было пусто, если не считать уборщиков, и Дэмин удивилась, наткнувшись на Пола Рейбурна: он вышел из расположенной на третьем этаже библиотеки, катя перед собой тележку с книгами. А шкафчики учеников предпоследнего класса находились как раз напротив дверей библиотеки.

— Привет, Пол, — поздоровалась Дэмин.

— О, привет! — отозвался юноша, и его аура сделалась оранжевой, как всегда в ее присутствии.

— Что ты тут делаешь?

— Помогаю в библиотеке. Это часть моей учебной программы,

— сообщил Пол, бренча ключами. — Я стараюсь справиться с работой до уроков. Так лучше, чем торчать тут допоздна.

Вид у юноши был сонный и уставший, и Дэмин тронуло то, как много усилий от него требовалось, чтобы учиться в Дачезне. Нелегко быть бедным среди такого богатства.

Девушка ощутила уже сделавшееся знакомым пробуждение жажды крови, но робкая улыбка юноши вызвала в ней и другой отклик, более глубокий, чем стремление испить его крови.

— Еще ведь даже не утро, — сказала Дэмин, засовывая свои папки в сумку.

Она осознала, что у нее чуть-чуть ноет сердце: возможно, они никогда больше не увидятся. Как только она отыщет Стюарта — а Дэмин была уверена, что найдет его сегодня, — ее задание будет завершено и она покинет Америку.

А жаль, потому что она испытывала к Полу некое чувство, щекотливую смесь желания и привязанности, которой она не могла понять. И это пугало ее, потому что до нынешнего момента вся ее жизнь была подчинена порядку и дисциплине. Чувство к Полу отвлекало ее. Оно могло лишь затуманить ее способность рассуждать, если еще не затуманило. Лучшие венаторы были не обременены чувствами, а Дэмин стремилась быть лучшей.

— Ну да. — Пол пожал плечами. — Да я привык. А тебя что принесло сюда в такую рань?

— Честно говоря, мне что-то не спится, — сказала девушка.

— Может, встретимся попозже? Когда мы оба проснемся?

Дэмин готова была уже покачать головой, но тут ей пришло в голову, что, быть может, вместо того чтобы бежать от своих чувств, ей стоило бы посмотреть, куда это заведет, а потом уже покончить с любовными мечтами.

— С удовольствием. Может, завтра в это же время? Позавтракаем на рассвете?

Пол лучезарно улыбнулся, и Дэмин на миг забыла, что согласилась встретиться с ним только затем, чтобы сокрушить все романтические идеи касательно их совместного будущего, которые он мог лелеять.

И лишь когда юноша уже ушел, Дэмин поняла, что забыла еще раз расспросить его о Виктории, Брюсе и Пайпер. Она хотела знать, от кого он услышат эту ложную информацию.

Офисы Дома архивов располагались в той части Хранилища, куда доступ имел лишь узкий круг лиц. Клерк, вручая девушке в черной одежде венатора стопку пожелтевших бумаг, злобно зыркнул на нее.

— Регент подписала разрешение?

— Вот оно, — отозвалась Дэмин, передав ему бланк с витиеватой подписью Мими. Регент согласилась открыть это дело только для данного случая.

— Это закрытая информация. Не всем полагается ее знать, — проворчал косоглазый клерк.

— Я понимаю. Именно поэтому пришла с разрешением, — терпеливо произнесла Дэмин.

— Четвертая кабинка.

— Спасибо.

Дэмин уселась за стол и принялась просматривать сведения о циклах рождения Виктории Тейлор и Стюарта Родеза. В клане запрещено было заглядывать в прошлые циклы бессмертных. Кодекс вампиров требовал, чтобы каждый вампир самостоятельно обретал знания о своих прошлых жизнях посредством проявления крови, а не путем чтения личных дел и документов в библиотеке. По инициативе Лоуренса ван Алена в кодексе появился пункт о том, что идентификация должна происходить изнутри. Что даже если ты бессмертен и твою бессмертную жизнь от начала времен усердно фиксируют писцы, ты все равно должен открывать свою судьбу самостоятельно, а не ждать, что твое прошлое вручат тебе на машинописных страницах.

Стюарт Родез.

Нынешнее имя: Холлис Стюарт Кобден Родез.

Известные прошлые жизни: Пьеро д'Аргенто (Флоренция).

Виктория Тейлор.

Нынешнее имя: Виктория Александра Форбс Тейлор.

Известные прошлые жизни: Стефана Граначчи (Флоренция). Это уже было интересно. И Виктория Тейлор, и Стюарт Родез в последний раз были в цикле в одном и том же месте и в один и тот же временной промежуток. Так что, если даже они не знали друг друга в настоящее время, явно существовала возможность, что они были знакомы в прошлом. Это не могло быть случайностью.

В любом случае, как только она уйдет в глом, то отыщет Стюарта, схватит его похитителей и наконец-то найдет ответы на свои вопросы.

Дэмин покинула Хранилище понурившись. Она должна была встретиться с братьями Ленноксами в штаб-квартире венаторов через час, и ей требовалось немного времени, чтобы подготовиться до их прихода. Она мысленно перебрала перечень дел. Надо не забыть надеть что-нибудь теплое. В последний раз, придя в себя после этой процедуры, она дрожала от холода.

Надо позвонить сестре. Дэмин хотела услышать голос Дэхуа, причем не в глуме. Еще одна примета, наподобие зажатой в ее кулаке зеленой черепашки. И все. После этого она готова будет вступить в долину смертной тени.

Ожидая, пока на светофоре загорится зеленый, Дэмин обратила внимание на припаркованную на другой стороне улицы машину. И узнала ее — ту самую, в которой она вернулась домой субботней ночью. За рулем сидел Пол. Дэмин уже хотела помахать ему рукой, но тут заметила, что он не один. Вместе с ним в машине была какая-то девушка.

Она вышла из машины, и Дэмин почудилось в ней что-то знакомое.

Потом до нее дошло.

Это была Виктория Тейлор.

ГЛАВА 38

ПРИЗНАНИЕ

На мгновение Дэмин оцепенела от изумления, но быстро пришла в себя и в мгновение ока не просто очутилась в машине Пола, но и успела положить руку на руль.

— А ну, к обочине! — скомандовала она.

Пол подскочил. Он явно испугался, когда Дэмин вдруг возникла из ниоткуда.

— Как ты это?.. — спросил он и едва уклонился от столкновения с пронесшимся мимо такси.

Дэмин резко развернула руль, и машина остановилась, едва не врезавшись в бордюр.

— Девушка, которая была здесь. Кто она такая?

У Дэмин больше не было времени на вранье и всякую чушь. Она хотела докопаться до сути происходящего. Немедленно. У нее был выбор: преследовать девушку или поговорить начистоту с Полом, и Дэмин предпочла услышать правду от него.

— Какая девушка?

— Девушка, которая только что вышла из твоей машины. Виктория Тейлор.

Это была Виктория, Дэмин в этом не сомневалась. Она рассматривала ее фотографии бесчисленное множество раз и прекрасно запомнила лицо. Она узнала бы Викторию где угодно.

— Виктория? — с насмешкой переспросил Пол. — А разве она не в Швейцарии или где там еще?

— Ты лжешь. Ты лгал с самого начала, — негромко произнесла Дэмин. Ей не требовалось допрашивать его, чтобы понять это. — Вся эта история насчет Пайпер, Брюса и Виктории была одной сплошной ложью.

Пол тяжело осел на водительское кресло.

— Ну ладно, да, я соврал про них. Но если ты хочешь, чтобы я сказал правду, тебе придется и самой ее сказать.

Дэмин недоуменно приподняла бровь.

— Не понимаю.

— Я знаю, кто ты такая. Ты можешь не скрывать свою тайну от меня. Я знаю, что ты — одна из них.

— Из кого — из них?

Юноша взглянул ей в глаза.

— Я знаю, что Комитет — это всего лишь прикрытие. Что на свете существуют люди, которые не умирают, которые возвращаются обратно через сотню лет.

— Да ты свихнулся. Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

О господи, неужто они были настолько небрежны? Как могло случиться, что он знал их тайны? Вот вам и разговоры о нарушении режима секретности. Пол не был ни проводником, ни фамильяром. Как он мог узнать о них?

Пол кашлянул, посмотрел в окно и ответил, словно услышав ее вопрос:

— Я учусь в Дачезне уже пару лет. И у меня есть глаза и уши. Парни вроде Брюса Каттинга — они неосторожны. Я знаю, что большинство учеников в школе ничего не видят, но я — нет. Я знаю, кто ты. Не переживай.

Дэмин покачала головой.

— Я не понимаю, о чем ты, — ровным тоном произнесла она. — Я хочу поговорить о Виктории Тейлор, которая только что сидела у тебя в машине.

— Ну тогда мы в патовой ситуации, — дружески отозвался Пол. — Ты хочешь, чтобы я сказал тебе правду, но не снисходишь до того, чтобы ответить мне тем же.

Внезапно Дэмин вспомнила слова из надписи в ролике: «Вампиры реальны. Откройте глаза. Они вокруг нас. Не верьте их лжи».

А потом — слова Пола: «Люди, которым нет до меня никакого

дела. Это унижительно». Она пропустила это его замечание мимо ушей, списав на обычную зависть к популярной компании, но за ним стояло нечто большее. У него был ключ от школы, а Викторину прятали в мезонине. А потом Дэмин вдруг осознала две вещи, беспокоившие ее с того самого момента, как она узнала о похищении Стюарта Родеза. Во-первых, на вечеринке у Руфуса Стюарт стоял рядом с Полом Рейбурном. Они были друзьями. А во-вторых, это была «пробная» вечеринка. Из людей на нее приглашали лишь фамильяров и тех, кто должен был стать фамильяром. Однако же Пол Рейбурн ушел с этой вечеринки неотмеченным. Без следов укусов. Такого не должно было произойти. Правила Комитета это строго-настрого запрещали. Пол видел слишком много. Он должен был быть отмечен.

И тут Дэмин постигло новое прозрение. Вечеринка у Джейми Кипа тоже была закрытой — только для вампиров, проводников, фамильяров и тех, кто вот-вот должен был стать фамильяром. Эван Хоув пришел на нее обычным парнем, а ушел фамильяром Викторией Тейлор. Дэмин готова была побиться об заклад, что Пол Рейбурн присутствовал на вечеринке у Джейми Кипа — и невеста на скольких других — и при этом остался неизменившимся. Неостребованным. То есть существовал человек, не испытывающий ни малейшей преданности по отношению к вампирам и при этом посвященный в их тайны.

А потом, заглянув в ясные голубые глаза юноши, Дэмин увидела его — воспоминание, которое столь долго ускользало от нее. Вечеринка у Джейми, Виктория бурно спорит с Пайпер и пулей вылетает прочь. Она доходит до прихожей, а там из тени выступает Пол, накидывает ей на голову черный мешок и волочет ее обратно. Он, видимо, подождал до рассвета, до смены защитных заклинаний, и ускользнул с заложницей. Вот так и вышло, что никто их не увидел. Ни следов, ни свидетелей.

От этого открытия Дэмин пробрал ужас. Пол был не безразличен ей. Наткнувшись тем утром на него в школе, она поняла, что это нечто больше, чем обычная жажда крови. Она испытывала к нему чувство, которого никогда не знала прежде, за все свои века жизни. Влечение. Расположение. Уважение. Восхищение. Любовь? Возможно. Это могло быть. Но теперь они никогда этого не узнают.

— Пол, но почему?! — настойчиво спросила Дэмин.

Юноша улыбнулся.

— Я давно уже подозревал, что тут что-то творится, но хотел быть уверен. Особенно когда Стюарта, моего приятеля, включили в этот самый Комитет, а меня нет. Это просто было бессмысленно: что такое может он, чего не мог бы я? Потому я как-то раз спрятался в библиотеке во время одного их заседания и все услышал и увидел. Я заявил Стюарту, что все знаю, что заснял кое-что и собираюсь выложить это в Интернет, рассказать всем правду. Мир должен узнать о вашем существовании. Вы всем тут заправляете, а никто даже не подозревает об этом. Так нечестно! Вы не боги.

— Да, — согласилась Дэмин, думая о древней битве в раю. — Мы не боги.

И это знание досталось им дорого.

— Почему ты на меня так смотришь? Думаешь, сделал что-то плохое? Вовсе нет! Это все Виктория придумала — изобразить похищение. Ты что, вправду считаешь, что человек может одолеть вампира? Да ну брось! В любом случае, я сказал Стюарту, что собираюсь делать, а он сказал ей. Она пришла ко мне и попросила пока не выкладывать ролик. Сказала, что придумала кое- что получше. Она сказала, что они со Стюартом любят друг друга и хотят покинуть клан, потому что им не позволят быть вместе.

Они «связаны узами» с другими. И если эти другие узнают, то Стюарта и Викторину сожгут. Они боятся эту, как там вы ее называете — регента? Они говорили насчет Джека Форса — дескать, то, что запланировано для него, сделают и с ними, если хоть кто-то что-то узнает. Потому Виктория и придумала эту историю с похищением. Она сказала, что, если мы сумеем устроить так, чтобы все выглядело, как будто они умерли, их никто не станет искать. Сказала, что знает, как одурачить даже венаторов.

Она выдала мне подробные инструкции. Особенно позаботилась насчет того, чтобы точно подогнать время. Сообщила, что они постоянно находятся под наблюдением.

Дэмин кивнула. Откуда еще Пол мог бы узнать про охранные заклинания? В прошлый раз, когда он рассказывал свою вымышленную историю про Викторину, Дэмин не обращала особого внимания на его ауру — зато обратила теперь. Все увиденное указывало, что Пол говорит правду.

— Я знаю, что у тебя нет причин верить мне. Я слышал про тебя. Стюарт мне сказал. Его отец — он из Совета. Ты — кто-то вроде вампирского супердетектива.

— Что еще Стюарт тебе сказал?

— Что Виктория ждет его. Понимаешь, она все это время была в городе. Они собираются уехать в европейский клан. Завтра все будут верить, что Стюарт мертв, и они смогут беспрепятственно уйти.

Если все, что говорил Пол, было правдой — а его аура, похоже, подтверждала это, как и тот факт, что человек никогда не смог бы подчинить Викторию, вампира, против ее воли, — значит, все это было шуткой, дурацкой шуткой вампиров, влюбившихся не в тех и желающих покинуть клан, и юноши-человека, желающего быть причастным к большой тайне. Возможно, самой большой на свете.

— Слушай, я знаю, о чем ты думаешь. Ты хочешь стереть мне память или еще что-то такое сделать. Стюарт с Викторией тоже хотели это сделать, но я их все-таки отговорил. Пожалуйста, не надо.

Дэмин потеряла палочки, скрепляющие ее волосы.

— Нет, стирание памяти тут не поможет. Ты слишком много знаешь. Если я это сделаю, это может... повредить твой рассудок.

Пол бросил взгляд на запертую дверь машины.

— Значит, ты хочешь сделать ту, другую штуку. Но может, есть еще какой-то способ? Я не хочу! Может, у меня получится стать одним из тех людей... как вы их называете... проводники, кажется?

— Проводниками рождаются, а не становятся. Тут вакантных должностей нет. Клан никогда этого не допустит. Извини. Есть только один способ.

Дэмин знала, что должна это сделать. То, что следовало сделать уже давно. Возможно, именно поэтому ее так влекло к нему — потому что она знала: в конечном итоге ей придется это сделать.

— Не надо! — произнес Пол, удержав ее руку. — Не принижай меня. Обращайся со мной как с равным — как обращалась раньше. Я всего лишь человек, но это наша кровь поддерживает вашу жизнь. Без нас вы ничто. Он нежно коснулся ее щеки.

— Встречайся со мной на моих условиях. Дели себя со мной как с личностью. Я знаю про священное целование. Знаю, что оно делает.

Что оно сделает со мной.

Аура юноши пульсировала синевой открытого моря и бескрайнего неба. Синий — цвет правды. Он любил ее. Именно поэтому у Дэмин так зануло под ложечкой, когда она увидела Викторину Тейлор в его машине. Она доверяла ему, а он солгал ей. Но солгал лишь затем, чтобы защитить своих друзей. Он был такой славный, что просто сердце разрывалось. Дэмин коснулась его шеи и прошептала:

— Я тоже тебя люблю.

ГЛАВА 39

КУКЛОВОД

Как и сказал Пол, все это было одним сплошным надувательством. Тем вечером в его маленькой спальне толпилась вся команда венаторов. Сэм общаривал память глома, а Тэд с техником тем временем трудился над компьютером.

— Взгляните-ка! — позвал Тэд, указывая на экран.

Дэмин перегнулась через стол и прочла письмо. Оно было от Виктории Тейлор.

Пол, спасибо тебе за все. Европейский клан согласиться принять нас. Я просто не могу дождаться, когда мы со Стюартом снова будем вместе. Ты настоящий друг.

Виктория

Все было инсценировано тщательно, как в театре. Виктория добыла из морга труп. Это и было тело девушки, сожженной в Ньюпорте. В почтовом ящике обнаружили десятки писем от Стюарта и Виктории. Они планировали покинуть страну в день мнимого сожжения Стюарта. Вся эта история была мистификацией, планом побега, замаскированным под угрозу заговора.

К счастью, все разрешилось к лучшему. Никто из вампиров не пострадал. Все были уверены, что «Взасос» — это новое кино. Красная кровь по-прежнему оставалась в неведении.

— Ребята, вы отыскиали Викторию со Стюартом? — спросила Дэмин.

— Согласно вот этому, они встречаются в аэропорту имени Джона Кеннеди через час. Мы будем там,— ответил Тэд.

— Мезонин?

— Проверен. Компьютер весь в его отпечатках пальцев, а волокна из багажника автомобиля соответствуют ДНК Стюарта.

Дэмин поняла, что Стюарт, скорее всего, находился в багажнике той ночью, когда они уехали от Руфуса Кинга. Так вот почему Пол так занервничал, когда она попросила подвезти ее!

Сэм Леннокс вернулся из глома.

— Ничего, кроме скуки и одиночества, — сообщил он. — Ни малейших признаков какого-либо насилия или возбуждения. Похоже, парень говорит правду.

Все, как Дэмин и думала. Она задумчиво грызла ноготь. В отличие от складной истории, которую Пол рассказал про Пайпер, в этой все обстояло так, как он излагал.

Дэмин почувствовала облегчение. На этот раз она докопалась до истины. Или нет? Сомнения продолжали преследовать ее. Все слишком уж хорошо совпадало, слишком уж просто получалось... Почему — потому, что все это правда, или потому, что Пол подготовил очередную тщательно продуманную ложь? Она не была уверена. И она должна была предусмотреть все.

— Слишком все просто... — пробормотала девушка.

— О чем ты? — спросил Сэм.

— Слушай, вы же сохранили пепел, оставшийся от сожжения. Проверьте линию крови. Просто чтобы убедиться, что это вправду не Виктория.

— Будет сделано, — кивнул Тэд и связался с командой венаторов, работающих в Хранилище, заказав им проведение теста.

— Присматривайте за Рейбурном, — распорядилась Дэмин. — Он вскоре проснется. А потом, когда закончите с делами здесь, встретимся на Бликер-стрит. Я хочу еще раз взглянуть на эти маскирующие заклинания. Убедиться, что все подтверждается.

ГЛАВА 40

ПУТЬ СМЕРТИ

Когда братья Ленноксы встретились с Дэмин в жилище венаторов, один лишь взгляд на их вытянутые лица сказал девушке все, что ей было нужно знать. Сэм рухнул в ближайшее потрепанное кресло.

— Ты права. Линия крови прослеживается безошибочно. Виктория Тейлор мертва. Мертва уже несколько недель.

— И мы проверили записи уз, — добавил Тэд. — У Виктории не было суженого в этом цикле. И у Стюарта тоже. Они были свободны. Во всяком случае, в этой жизни. Но в любом случае, они не были вместе, никогда. Все это ложь. Все письма поддельные.

Дэмин сохраняла спокойствие, но руки у нее дрожали.

— Стюарт Родес?

Сэм покачал головой.

— Единственное, что мы обнаружили в аэропорту, — урну с останками. Лаборатория сейчас работает с ними, но я сильно подозреваю, что это все, что осталось от Стюарта. Похоже, что парень уже три дня как мертв. Ролик — обман. Его невозможно было спасти с самого начала.

— Где Пол? — спросила Дэмин.

Казалось, что выглядеть безутешнее невозможно, однако же Тэду Ленноксу это удалось.

— Команда потеряла его несколько часов назад. Он ускользнул. Как — они не знают. Слушай, кем бы или чем бы этот парень ни был — он опасен. Он не один из нас, и он уже убил двух вампиров. Он способен создать двойника. Тут замешана настоящая черная магия.

Венаторы, воспользовавшись памятью глома, не обнаружили в машине Пола той девушки — а это означало, что ее и вовсе не существовало.

— А согласно твоему утверждению, он способен

манипулировать своей аурой. Ты уж будь осторожна! — предостерег ее Тэд. — Может, все-таки передумаешь?

— Нет. Мне необходимо это сделать, — заявила Дэмин.

Как там сказал ей Пол? «Я слышал про тебя, что ты приезжаешь». У него была возможность подготовиться. Он знал о ней все. Знал, что она полагается на свой талант, свой легкий способ узнать то, что другим венаторам так трудно прочесть. Он знал, что она гордится этой своей способностью, даже зазнается. Он нашел способ обратить ее талант против нее самой.

Но он не учел ее способности учиться на собственных ошибках. Она могла обмануться один раз, но если он думал, что она снова купится на рассказ о любовной истории, то ошибался.

— Верно. Но даже если мы не сможем отыскать его по эту сторону, так разыщем его в глоте. Я иду. Нам пора на путь смерти.

Каждый вампир ощущает глом по-своему. Для Дэмин сумеречный мир всегда воплощался в виде пустой площади в сердце Запретного города в Пекине. С тех пор как она видела Запретный город таким в реальной жизни, прошло много лет. В нынешние времена он был так наводнен туристами, что трудно было постичь его истинную красоту. Но в глоте древний город-крепость был безмолвен и пустынен.

Дэмин прошла через караульное помещение, через Внешний дворец к Внутреннему, воспользовавшись императорской дорогой, предназначенной исключительно для Сына неба, и остановилась перед Залом духовного развития. Это означало, что она глубоко погрузилась в первую стадию сознания. В физическом мире ее сердце перестало биться. Дэмин пересекла границу между мирами, тонкую грань, отделяющую живущих от мертвых.

Пол ждал ее у ступеней самого дальнего павильона. В глоте его душа была еще прекраснее, чем его глаза. Он печально улыбнулся девушке.

— Я знал, что ты найдешь меня.

Дэмин подошла к нему. За спиной ее трепетали крылья. Она могла бы появиться перед ним в любом облике, но решила прийти к нему как Ангел милосердия.

— Почему ты убил их?

— Это долгая история, — ответил он, приложив ее ладонь к своей щеке.

— И началась она во Флоренции? В пятнадцатом столетии?

Лицо Пола озарилось.

— Ну да. Ты до этого докопалась?

— Ты видел архивные дела из Хранилища в моей сумке. Ты знал, что я это выясню. Именно поэтому ты и создал тогда иллюзию. Девушку у тебя машине, мнимую Викторию.

Пол лишь хмыкнул в ответ.

— Ну так скажи мне, что же произошло во Флоренции?

— На самом деле все просто. Стюарт с Викторией входили в одну секту. Они называли себя петрувианцами. Просто жуткая группировка. Мясники. Убийцы. Причем наихудшей разновидности. Они убивали, провозглашая, что делают это во имя мира, во имя справедливости, во имя Бога. Они убили мою мать.

— У них наверняка были на то серьезные причины! — возразила Дэмин. — Кодекс вампиров никогда не позволил бы...

— Кодекс вампиров не защищает невинных! — огрызнулся Пол. — Кодекс служит лишь одному: защите самих вампиров! И ничему больше!

— Ты не прав. Кодекс был создан, чтобы защищать людей. Он всегда их защищал.

Но тут Дэмин поняла, что означал тот символ союза в ролике. Серебряная кровь, спаривающаяся с человеческими женщинами. Пол Рейбурн был рожденным демоном, нефилимом. Отродьем Кроатана и Красной крови.

— Ты не должен существовать, — произнесла она. — Вампиры не наделены даром сотворения жизни.

Даже дочь Аллегры некоторые члены сообщества считали Мерзостью. Никто не знал, как Шайлер появилась на свет.

— И все же я существую. И я такой не один. Будь осторожна, вампир. Вы не единственные сироты Всемогущего в этом мире.

Пол поднял руку, и Дэмин увидела, что он держит цзаньмадао, двуручную саблю, сверкающую адским пламенем.

— Мне очень жаль, ибо я не лгал, когда говорил о своей любви, мой прекрасный венатор. Но я не могу позволить тебе жить. Госпожа должна сохранить свои тайны.

Дэмин извлекла палочки из волос и вскинула Милосердного Убийцу.

— Я тоже сожалею. Моя любовь к тебе была настоящей.

Юноша-демон улыбнулся.

— Да, тебе пришлось сделать меня своим фамильяром. Увы, но церемония не позволит тебе причинить мне вред. Моя кровь — твоя кровь.

Конечно же, он был нрав. Священное целование внушало вампирам привязанность, и никто из Голубой крови никогда не смог бы намеренно причинить вред своему фамильяру уже после первого же укуса. Наибольшей опасностью была вероятность довести человека до полного потребления из-за жажды крови. После того как священное целование было совершено, человеку уже никогда ничто не грозило со стороны его вампира.

Дэмин пристально взглянула на Пола. Воротник его рубашки был расстегнут, и девушка снова увидела его. У юноши на шее. Тот самый триглиф с символами из первого ролика. Меч, пронзающий звезду, — знак Люцифера. Знак союза. И изображение ягненка.

В первый раз она увидела этот триглиф, когда заключила Пола в объятия и пронзила его кожу клыками. Она избрала его. Она сделала его своим. Она поступила так по велению любви и долга. Он просил ее не делать этого — но лишь затем, чтобы ее решимость сделать именно то, что он хочет, усилилась.

— С этим правилом есть одна проблема, — произнесла Дэмин, занося меч. — Ты не человек.

Вот почему у его крови был такой странный вкус. Эта горечь шла от вкуса угля и преисподней.

Пол попытался заблокировать удар, но меч Дэмин рассек его клинок надвое. Пол ахнул и упал на колени. Впервые на его лице отразился страх.

— Подумай о своей любви! — взмолился он.

Дэмин взглянула на него без жалости.

— Я думаю, — отозвалась она и изо всех сил вонзила меч ему в сердце.

ГОСПОЖА

Флоренция, 1452 год

У самой высокой башни Флоренции был недостроен купол, и Томи с Джио снова взобрались по каменной стене наверх.

— Здесь ничего нету, — произнес Джио, покачав головой.

Томи еще раз обошла башню по периметру. Она посмотрела на ночное небо через проем в своде. Потом присела и постучала по каменному полу. Звук получился глухой. Хоть купол еще не достроили, работы над полом уже были завершены.

— Вниз по лестнице, — скомандовала Томи. — За мной.

На верхней лестничной площадке не было ничего, не считая потайной двери. Томи надавила на нее, и та повиновалась ее приказу.

В помещении находилась человеческая женщина. Одна из первых красавиц Флоренции, чьи портреты рисовали многие из величайших художников города, поголовно в нее влюбленные.

— Симонетта! — воскликнула Томи.

Симонетта де Веспуччи была замужем за дворянином из окружения Медичи, и ходили слухи, будто она любовница самого Лоренцо де Медичи. Ее было не видно в городе в последнее время, и теперь Томи поняла причину этого.

— Не подходи ко мне! — завопила Симонетта, защищая огромный живот. Она была на девятом месяце беременности.

Когда женщина обхватила живот руками, Томи заметила у нее на руке метку. Такую же, как и у того человека из Цитадели.

Любовником Симонетты был не Лоренцо Медичи.

— Кто твой любовник? — потребовал ответа Джио. — Кто отец твоего ребенка?

Томи понимала, о чем он спрашивает на самом деле: в какой личине Князь тьмы вновь ходит по земле? Утренняя звезда вернулся, это ясно. Но в чьем облике?

Когда Симонетта ответила, Томи не удивилась.

Девушка сказала, что отец ее ребенка — Андреас.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ РАЗВИЛКИ ДОРОГ

ГЛАВА 41 ОРДЕН ПЕТРУВИАНЦЕВ (ШАЙЛЕР)

Шайлер отыскала для Мари Елены маленькую комнатку в северо-западном углу собора Санта-Мария-дель-Фьоре, небольшом, укромно стоящем подсобном здании из архитектурного комплекса базилики, в котором располагался орден петрувианцев. Они прибыли во Флоренцию несколько часов назад. Когда Шайлер освободила Геди от принуждения, он настоял на том, чтобы они отвели девушку к священнослужителям.

Каким это было облегчением — снова вернуться в нормальный мир! Вид оживленных итальянских улиц и туристов, толпящихся на площади, взбодрил Шайлер.

Насколько они с Джеком могли судить, петрувианцев остаюсь очень немного. По прибытии они насчитали лишь горстку священников. Им отвели комнату рядом с Мари Еленой, и они расположились там, ожидая, пока святые отцы смогут с ними встретиться.

В дверь комнаты постучали, и вошел еще один темнокожий священник.

— Вас ждут. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он провел их по темным коридорам в скромную комнату. В отличие от монументальности комплекса в целом, здешняя обстановка была очень простой: стол и несколько стульев. Гостей ожидали Геди и два священника постарше.

Шайлер с Джеком уселись напротив них.

— Я — отец Арнольди. Насколько я понимаю, это вы не позволили отцу Эвейлу провести ритуал очищения.

— Очищения?! Он собирался убить ее! — возмутилась Шайлер.

— Объясните мне, каким образом убийство может являться частью вашей работы?

— Когда отец Линарди создал орден, благословенные оставили нам два указания, и одним из них было — продолжать очищение детей госпожи.

— Госпожи? — переспросил Джек.

Священник утвердительно кивнул.

— Первой человеческой жены Люцифера. Говорят, он дал ей дар вечной жизни, но ее уничтожили первые петрувианцы.

— А кто такие благословенные? — поинтересовалась Шайлер.

— Вампиры, как и вы. Наши основатели.

— Вы хотите сказать, что Голубая кровь санкционировала убийство людей? Ни в чем не повинных женщин? — возмутилась Шайлер.

— Они были отмечены триглифом, — ответил священник, склонив голову. — Они носили нефилимов. Сотни лет мы исполняли наш долг. Мы хранили врата. Мы охотились на оскверненных.

— Врата — это обман. Пещера под названием «Преддверие ада» — не более чем дымовая завеса. Там нет никаких врат! — заявила Шайлер.

Священники стояли на своем.

— Это священное место!.. Этого не может быть!

— Но это так, — возразила Шайлер. — Мы там были.

— Вы вошли во врата. — Отец Арнольди пристально взглянул на Геди. — Это не дозволено.

Как и предполагал Джек, людям-привратникам приказано было держаться подальше от этого места.

Геди склонил голову.

— Это оказалось необходимо. Девушка была там.

— Нас туда привели. Кто бы ни похитил Мари Елену, они желали, чтобы нам стало известно, что эти врата — фальшивка, — объяснил Джек. — Они насмехались над нами.

— Геди сказал, что отца Бальдессаре что-то беспокоило. Что именно? — спросила Шайлер.

Священники заерзали на своих местах. Судя по их виду, им сделалось не по себе.

— В последнее время похищений чересчур много. Раньше каждый год пропадало по девушке, самое большее — по две. Но теперь мы получаем слишком много сообщений, и все они одинаковы. Девушек похищают, а когда мы их находим, они уже несут на себе метку.

— Вы не убьете Мари Елену! — предупредила Шайлер.

Старый священник мрачно взглянул на нее.

— Она несет в себе опасного врага. Для нее же лучше будет умереть.

Тут Шайлер кое-что поняла. Когда они в первый раз попросили Геди объяснить, что его связывает с дедушкой Шайлер, Геди рассказал им историю о смерти своей матери.

— Геди, так твоя мать была похищена...

Геди кивнул.

— Да. Она несла на себе метку. Выжженную на коже. И у нее стал расти живот. И еще начались видения и припадки. Через нее говорила преисподняя.

— Ты нам сказал, что она умерла при родах и что священники забрали тебя с собой, потому что ты был сиротой. Но на самом деле ее убили петрувианцы? И потом забрали тебя.

Геди не стал это отрицать.

— И все-таки ты их не ненавидишь... — поразилась Шайлер.

— Шайлер. моя мать была проклята. А такому ребенку не следовало жить. Не в этом мире.

— Мы не позволим вам причинить вред Мари Елене, — заявила Шайлер. — Должен существовать какой-то способ исцелить ее.

Разговор зашел в тупик, и во встрече сделали перерыв. Вернувшись в отведенную им комнату, Шайлер принялась рыться в

записках Лоуренса.

— Кажется, я находила что-то, что связывает отца Линарди, первого петрувианца, с Екатериной Сиенской. — Она показала пачку писем. — Тогда эти письма мне показались неважными, но теперь я думаю иначе. Джек, это любовные послания. Бенедикт был фамильяром Екатерины. Она приказала ему охранять эти лжеврата. Значит, настоящие врата по-прежнему где-то здесь.

Шайлер принялась взволнованно перебирать письма.

— Екатерина была привратницей подлинных врат и использовала петрувианцев в качестве ложной цели.

— Но Кроатан знают, что эти врата не настоящие, и раз они похищают женщин, это означает, что настоящие врата, где бы они ни находились, каким-то образом оказались под угрозой, — сказал Джек.

— Но если дело обстоит именно так, разве вся эта местность не должна была уже кишеть демонами?

— Не совсем. Помнишь, что сказал Геди? Налетчики, похитившие его мать — как и работоторговцы, похитившие Мари Елену, — они были людьми. Сила Михаила все еще удерживает демонов в преисподней.

Шайлер кивнула.

— Но не препятствует людям входить туда. Они забирают девушек в ад. Вот почему я не могла отыскать Мари Елену в глуме.

— Нам нужно найти Екатерину. Нужно рассказать ей, что здесь творится. Что все это — ошибка. Голубая кровь не может допустить такого... Михаил с Габриэлкой никогда бы такого не допустили... Здесь есть что-то очень неправильное.

— Мы отыщем Екатерину, — решительно произнесла Шайлер. — У меня такое ощущение, что она не может быть далеко отсюда. Лоуренс полагал, что она, возможно, сейчас в Александрии. Он собирался поехать туда, но хотел сперва проверить отца Бальдессаре.

Она отложила бумаги деда, а потом, подняв взгляд, увидела, что глаза Джека заблестели.

«Что случилось, любимый? — спросила Шайлер и подошла, чтобы взять его за руку. — Мы в безопасности. Мы победим этот

ужас».

— Я не могу поехать с тобой в Египет, — сказал Джек, крепко сжав руку девушки.

— То есть как?

— Охотники за головами появятся снова. На этот раз нам повезло. Но я не могу больше подвергать тебя опасности. Я должен вернуться и встретиться с Мими лицом к лицу.

Шайлер не произнесла ни слова — лишь вцепилась в руку Джека.

— Другого выхода нет, любимая, — произнес Джек. — Чтобы мы с тобой были свободны, я должен предстать перед судом крови. Я никогда себе не прощу, если из-за меня пострадаешь ты.

Шайлер задрожала.

— Они сожгут тебя! — прошептала она.

— Ты совсем не веришь в меня?

— Я поеду с тобой, — заявила Шайлер, хотя и знала что не сделает этого. Она должна завершить работу, начатую ее дедушкой. На ней лежит ответственность за наследие их семьи. Невинных женщин и детей убивают во имя благословенного.

— Нет. Ты сама знаешь, что не должна этого делать, — возразил Джек.

«Ты говорил, что мы никогда больше не расстанемся».

«И мы не расстанемся. Никогда. Есть способ, который позволит нам быть вместе всегда».

Джек опустил на колени и взглянул на Шайлер с безграничной любовью.

— Согласна?..

Шайлер ахнула и рывком подняла его на ноги. Ее переполняли одновременно и счастье, и горю.

— Да. Да. Конечно да!

Итак, решено. Шайлер отправится искать Екатерину Сиенскую и настоящие врата обетования, а Джек вернется в Нью-Йорк, дабы отвоевать свободу. Но прежде чем их пути разделятся, они заключат

узы.

ГЛАВА 42

ДОРОГА В ПРЕИСПОДНЮЮ (МИМИ)

Мими Форс подняла взгляд на сидящего напротив писца Хранилища.

— Венаторы подавили заговор. Роспуска не будет. На данный момент клан устоял.

— Я слышал. Поздравляю.

— Они намерены пока что сплотиться и поддержать меня. — Мими поджала губы, — Похоже, они понимают, что для них лучше.

— Что-то мне сомнительно, что ты притащила меня сюда из подвала лишь затем, чтобы бурно порадоваться победе, какой бы заслуженной она ни была.

— Ты прав. У меня к тебе дело. Пришел отчет Хранилища касательно заклинания крови, поразившего меня.

— И?

— Тот, кто его создал, не входит в Совет и вообще не относится к этому клану.

— Нет?

— Нет. И это был не нефилим, которого убила Дэмин.

— Тогда кто же это был?

— Не знаю. Это нам и нужно выяснить. И еще, — добавила Мими. — Когда пришел отчет, я тогда же получила обратно куртку, которая была на мне в тот день. И нашла там вот это. — Она показала юноше крест с инициалами О. Х. П. — Это твое?

Оливер кивнул.

— Ты положил ко мне в карман талисман. Единственное, что могло отразить заклинание крови. Я осталась в живых благодаря

тебе.

— У меня было предчувствие, что тебе это понадобится. Но я не хотел тебе ничего говорить, потому что опасался, что ты можешь не согласиться принять его от меня.

— Ты прав. Я бы не согласилась.

Мими никогда не поверила бы, что защита, исходящая от Красной крови, может хоть на что-то повлиять. Заклинание крови было квинтэссенцией зла, а эта защита — ее полной противоположностью. Это было своего рода самопожертвованием: создание такого талисмана предполагало, что тот, кто отдал его, сам остается беззащитен, уязвим для всего зла, таящегося во Вселенной.

— Тебе не за что меня благодарить, — сказал Оливер.

— Я и не собираюсь.

— Я имел в виду, что просто выполнял свою работу. Не мог же я допустить, чтобы кто-то прикончил регента, когда она находится под моим присмотром!

— Да, пожалуй.

Мими не могла смотреть юноше в глаза. Он был не в ее вкусе, хотя и симпатичный, и большинство девушек наверняка сочли бы его привлекательным, с этой длинной челкой и щенячьими глазами. Но нет — она испытывала совсем иное чувство.

Совсем иное. Благодарность. Расположение. Она никогда прежде так не относилась ни к одному парню. Она могла испытывать желание, похоть, муки любви, но никогда не чувствовала подобной приязни.

Этот парень нравился ей. Оливер, как она начала осознавать, за какие-нибудь несколько недель стал ей другом, а она — ему. В прошлом им никогда не было дела друг до друга, но каким-то образом, потому что оба они были одиноки и горевали, он понял, что с ней творится, и не стал судить о ней по вспышкам, вызванным гневом и болью. Он и сам чувствовал то же самое.

Вдобавок они хорошо сработались. Поскольку между ними не было ни влечения, ни неловкости, они могли шутить, смеяться и поддразнивать друг дружку. Ну надо же — посреди всего этого дурдома она обрела друга.

— Не надо, — предостерег Оливер.

— Чего не надо?

— Сопли размазывать не надо. Ты мне по-прежнему не очень-то нравишься.

Юноша улыбнулся.

— Да и я от тебя не в восторге, — парировала Мими, хотя знала, что оба они врут. Ее лицо смягчилось. — Спасибо. Правда, спасибо, что был настороже, — произнесла она, стараясь подавить досаду. Ей все-таки трудно было чувствовать себя в долгу перед кем бы то ни было, и уж тем более перед человеком.

— Я тут немного покопался в архивных делах и подумал, что тебя это может заинтересовать. Согласно Книге заклинаний, сабвертио не убивает бессмертный дух. Оно лишь отправляет его в самый нижний круг преисподней.

Мими отложила золотой крестик.

— Подумаешь, новость.

— Слушай, если ты сумеешь найти врата и пройти по путям мертвых, ты сможешь вытащить его оттуда. Самому ему это не под силу. Но вместе с Ангелом смерти он, может быть, и сумеет выбраться, — взволнованно произнес Оливер.

— Одна небольшая загвоздка: кто знает, где находятся остальные врата? У меня нет времени гоняться за прошлогодним снегом.

— Я еще раз пересмотрел оставшиеся записи Лоуренса ван Алена. И думаю, что, с высокой степенью вероятности, врата обетования расположены не во Флоренции, а в Александрии.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила Мими.

— Венаторы отыскиали твоего брата. Он покинул Флоренцию. Джек отказывается сдаваться им. Он сказал, что сдастся только тебе лично. И он один.

— Я видела этот доклад, — отозвалась Мими. — Ты очень хитроумен, друг мой. Мой брат вернулся в этот город, чтобы встать лицом к лицу со своей судьбой, и потому ты соблазняешь меня надеждой найти Кингсли, чтобы услать меня из города. Но какое тебе

вообще до этого дело? Когда Джека не станет, у нее не останется другого выхода, кроме как вернуться к тебе.

— Мы можем уже к ночи быть в Каире, — произнес Оливер, проигнорировав колкость Мими.

Девушка приподняла бровь.

— Мы?

— Тебе нужен помощник.

— Итак... все дороги ведут в ад.

Мими опустила голову на сцепленные пальцы. Она может отправиться в Египет и спасти свою любовь либо может остаться в Нью-Йорке, встретиться с братом и вынести ему смертный приговор.

— Ну так как? Что-то мне сомнительно, что Кингсли наслаждается там.

Мими встала.

— Собирай вещи. Выезжаем вечером. Скажи венаторам, чтобы задержали моего брата, пока я не вернусь. Тогда я с ним и разберусь. Кто сказал, что у меня не получится убить одним выстрелом двух зайцев?

Мими улыбнулась. Она обретет любовь. А потом свершит возмездие.

ГЛАВА 43

ОХОТНИК И ДОБЫЧА (ДЭМИН)

Пол Рейбурн был мертв. Он отомстил убийцам своей матери, но Дэмин предала его суду. Она сделала то, что намеревалась сделать. Она ощущала боль его смерти в собственной крови, но решимость ее была неколебима. Она повернулась к сидевшим напротив нее близнецам-венаторам.

— Он сказал, что в мире есть другие, подобные ему. Мы должны отыскать их.

Сэм Леннокс кивнул.

— И откуда же ты намерена начать охоту?

— Я просмотрела его дело. В его паспорте множество штампов стран Среднего Востока. Оттуда я и начну, — ответила Дэмин.

Нефилимы не проходят круги перевоплощений. Демоническое происхождение делает их бессмертными.

— Вы со мной? — спросила она братьев. Тэд пожал плечами.

— Нам велено торчать здесь, ждать, не появится ли Джек Форс. Я поговорю с регентом — пусть поставит на это дело другую команду.

— Хорошо. Моя сестра присоединится ко мне там, на месте. — Дэмин улыбнулась. — Она вам понравится. Она точно такая же, как я.

— Прекрасно! — произнес Сэм, многозначительно переглянувшись с братом. — Так их двое!

notes

Примечания

«Cowboy Junkies» — канадская альтернативная кантри-рок-группа. (Здесь и далее примечания редактора.)

В действительности *Антонио дель Поллайоло* (1433-1498) — флорентийский живописец, скульптор, ювелир и гравёр.

Мюстик — остров в составе архипелага Гренадины (Малые Антильские острова); частное владение.

Дада Уме Иди Амин (где-то между 1925-м и 1930-м — 16 августа 2003) — эталонный африканский диктатор, правивший Угандой с 1971 по 1979 год.

Хитклифф — романтический герой романа Э. Бронте «Грозовой перевал».